О.Ю. ВАСИЛЬЕВА

Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ДОКУМЕНТЫ.

Васильева О. Ю.

Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор

МОСКВА
2004

Васильева О. Ю.

Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. — М.: Лепта-Пресс, 2004. — 382 с.: ил.

ISBN 5-98194-009-3

История Второго Ватиканского Собора — особенно актуальная сегодня тема в истории Христианства вообще, и Православной и Католической Церквей в частности. Но российские исследования стали возможны только с открытием доступа в отечественные архивы в начале 1990-х гг. и составляют, в первую очередь, часть исследовательской программы по истории мировых религий.

В работе представлена история отношений между Русской и Католической Церквами в предшествующие Второму Ватиканскому Собору десятилетия XX века, без которой оценить события начала 1960-х гг. было бы очень сложно.

Впервые исследуются проблемы, связанные с последствием решений Ватиканского Собора для Русской Церкви и всего Православия в целом, а также их роль в изменении соотношения сил в христианском мире. Изучается и вопрос ответственности власти за вмешательство в догматическую жизнь Русской Церкви, приведшее ее наблюдателей в Рим. Все эти внешнеполитические события проходили на фоне т. н. «церковной хрущевской реформы», анализ которой также проведен автором.

И внутриполитические, и внешнеполитические события жизни страны даны через призму восприятия РПЦ, т. к. большинство документов, используемых автором, принадлежат перу как самих наблюдателей РПЦ на Ватиканском Соборе, так и русских иерархов и клириков, чья судьба, вопреки их воле, оказалась связанной со всем происходящем в стране и мире. Один из них — митрополит Никодим (Ротов), чья жизнь и деятельность до сих пор вызывает неоднозначное отношение. В книге сделана попытка анализа начала его служения на посту Председателя Отдела внешних церковных сношений МП.

Книга предназначена читателям, интересующимся малоизвестными фактами истории РПЦ в 50-60 годах XX века, и может использоваться в качестве учебного пособия.

ISBN 5-98194-009-3

© «Лепта-Пресс», 2004.
© ИРИ РАН, 2004.
© Васильева О.Ю., 2004.

Вместо введения...

История Второго Ватиканского Собора – весьма распространенная тема научных изысканий в Европе. Что касается российских исследований, то они стали возможны с открытием доступа в отечественные архивы в начале 90-х гг. и составляют, в первую очередь, часть исследовательской программы по истории мировых религий. (Это – и материалы конференции «Второй Ватиканский Собор: взгляд из России» (1997), и вышедшие в 2002 году материалы конференции «Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество».

Основной круг обсуждаемых проблем сводился к истории Католической Церкви периода 60-х годов XX столетия. В круг интересов вошли и взаимоотношения советской власти с Ватиканом, которая активно включилась в сложные межцерковные отношения.

Вне интересов научных обсуждений остались проблемы, связанные с последствием решений Ватиканского Собора для Русской Церкви и всего православия в целом, а также их роль в изменении соотношения сил в христианском мире. Эти и другие вопросы будут рассмотрены в книге. Среди них и вопрос ответственности власти за вмешательство в догматическую жизнь Русской Церкви, приведшее ее наблюдателей в Рим. Все эти внешнеполитические события проходили на фоне т.н. «церковной Хрущевской реформы», анализ которой также проведен автором. Важно отметить, что и внутриполитические, и внешнеполитические события тогдашней жизни страны даны в книге через

призму восприятия Русской Церкви, т.к. большинство документов, используемых автором, принадлежат перу как самих наблюдателей Русской Православной Церкви на Ватиканском Соборе, так и русских иерархов и клириков, чья судьба, вопреки их воле, оказалась связанной со всем происходящем в стране и мире. Одним из них был митрополит Никодим (Ротов), чья жизнь и деятельность по сегодняшний день вызывают разночтения и неоднозначное отношение. В книге сделана попытка на основе документов проанализировать первые годы его служения на посту Председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

В работе также представлена история отношений между Русской и Католической Церквами в предшествующие Второму Ватиканскому Собору десятилетия XX века, без которой оценить события начала 60-х гг. было бы очень сложно.

Хочу выразить благодарность сотрудникам архивов, фонды которых использовались в работе: ГА РФ, РГАСПИ, РГАНИ, АВП РФ.

Глава I

«Это... вызовет бурю в России»

Эти слова принадлежат наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, произнесенные им теперь уже в далеком мае 1922 года и характеризующие сложные отношения между православными и католиками.

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – Сов. гос. деятель, дипломат. С мая 1918 по июль 1930 г. – нарком иностр. дел. Являлся членом ВЦИК и ЦИК СССР.

История взаимоотношений Русской Православной и Римской Католической Церквей в XX веке противоречива, трагична и по-прежнему мало изучена. Все события связаны и переплетены между собой. И без их анализа сложно подойти к восприятию и оценке Второго Ватиканского Собора и участия русских наблюдателей в его работе. А главное – оценить те исторические последствия для православных, которые берут начало в его деяниях и решениях.

Первые контакты Римской Церкви с молодой Советской республикой начали складываться к 1922 г. Именно тогда Ватикан обратился к советскому правительству, занятому не только восстановлением разрушенной войной экономики, но и изъятием церковных ценностей, с предложением выкупить отобранные у Русской Церкви священные богослужебные предметы. Власть, которую трудно было заподозрить в симпатиях к Церкви, не решилась на этот шаг. И, как писал Г. В. Чичерин, «это соблазнительно, но передача православных церковных предметов католикам вызовет бурю в России»[1].

Волнения православных, которые мог спровоцировать этот факт, не входили в политические планы богоборческой власти. Не нравились ей и все чаще раздававшиеся и в Европе, и в Америке протесты против гонений на Церковь в СССР.

Второго февраля 1930 г. Папа Пий XI обратился к верующим мира с призывом молиться о спасении Русской Церкви. Следует подчеркнуть, что своеобразие исторического периода 20 — 30-х годов состояло еще и в том, что свои явно прозелитические устремления Ватикан завуалировал радением о гонимой в СССР Церкви. В своем послании Папа Пий XI отметил, что сделанные еще в 1922 г. предложения о покупке ценностей «были бы полезны преж-

[1] РГАСПИ. Ф.5. Оп. 1. Д. 1968. Л. 37.

де всего той церковной иерархии, которая, к несчастью, отделилась от Рима»[2]. Созданная Ватиканом комиссия «Pro Russia», по мнению того же Пия XI, должна была бороться с «великим злом за избавление душ, отданных ныне на столь тяжкие испытания, и за возвышение любимого нами русского народа»... и «чтобы как отдельные люди, так и народы возвратились скорее к единому стаду Единого Спасителя и Искупителя Господа нашего Иисуса Христа»[3].

Рассылая «апостольское благословение как залог милостей небесных» всем тем, кто присоединится к объявленному против СССР в 1930 г. «крестовому походу», понтифик старался не думать о судьбах гонимых католиками православных вне российских просторов. Так, 2 февраля 1930 года в Нью-Йорке русская эмиграция устроила митинг протеста против попрания православных в Польше, на котором было принято следующее заявление: «Мы, граждане и резиденты Соединенных Штатов, русские по происхождению и православные по вере, получили от своих родных из Польши сообщение, что там Римско-Католическая Церковь предъявила судебные иски об отобрании у православных пятисот храмов и монастырей, в том числе и древней русской святыни Почаевской лавры... Попытка ото-

[2] Из фондов Архива ФСБ РФ.
[3] Там же.

брать храмы напоминает русским о тех мрачных временах, когда паписты в Польше применяли жестокие насилия и притеснения против православного населения, принуждая его переменить веру. Мы знаем, что нет такого закона, по которому можно было бы отобрать имущество после столетнего спокойного, непрерывного и добросовестного владения. Но мы знаем также силу политического влияния римской курии. Наши родные в Польше опасаются, что право римско-католической церкви, стремящейся путем отобрания домов молитвы понудить православных признать власть папы. Эти опасения нам понятны, т.к. православный собор в Варшаве уже разрушен, а в провинции были случаи насильственного захвата православных церквей. Поэтому мы разделяем тревогу наших единомышленников в Польше, выражаем энергичный протест и призываем весь цивилизованный мир выразить осуждение этим новым религиозным преследованиям православных русских в Польше»[4]. Но Ватикан хотел защищать гонимых православных только в СССР.

Советская власть по-своему реагировала на его действия, но реагировала. В Москве будет раскрыт «ватиканский заговор» под руководством архиепископа Русской Православной Церкви Варфоломея (Ре-

[4] Из фондов Архива ФСБ РФ.

мова). Контрреволюционной группой в этом «заговоре» выступит община Высоко-Петровского монастыря (речь об этом пойдет ниже).

Католический епископ Неве, высланный из СССР за шпионаж, будет осуществлять по чекистским планам «идейное» руководство над всеми «заговорщиками». Но это будет позже...

А пока работала разведка... Из агентурных сведений от октября 1930 года: «*Коллегиум руссорум при Ватикане передала непосредственное руководство работой по пропаганде католицизма в СССР французской католической церкви. Кадры католических проповедников для России подготовляются, главным образом, в Бельгии, откуда они нелегально переправляются в СССР через Польшу. Еще до дипломатического зондажа Папы через своих представителей в ЧСР и других странах о возможности установить с Советским правительством дипломатические отношения и в своем роде «модус вивенди» (это было в 1928 г.) Папой был намечен в качестве своего нунция в СССР некто Федоров, русский католик. Этот Федоров в 27 году нелегально был переправлен польским ксендзом в Минск, где нелегально проживает до сих пор, являясь неофициальным папским агентом.*

Фамилия Федоров — настоящая»[5]. Леонид Федоров был действительно папским экзархом для католиков восточного обряда, и его нелегально-прозелитическая деятельность не могла не волновать власть. Страна к тому же готовилась вступать в Лигу Наций. Срочно потребовалось опровержение того, о чем писала зарубежная печать. Практическое осуществление этого мероприятия, как и многих ранее, вновь было поручено начальнику 6-го отделения секретного отдела Е. Тучкову. Он предложил митрополиту Сергию (Страгородскому), Предстоятелю Русской Церкви, выступить на пресс-конференции перед советскими и иностранными журналистами с опровержением мирового общественного мнения о гонении на религию в СССР. В ответ Заместитель Местоблюстителя выдвинул свои условия участия в фарсе: власть принимает требования митрополита Сергия о значительном облегчении невозможного существования духовенства и клира в безбожной России.

Федоров Леонид Иванович (1879–1935). Родился 4 ноября 1879 г. в православной семье в Санкт-Петербурге. В 1902 г., закончив Санкт-Петербургскую Духовную академию, уехал в Рим, где принял католицизм. Проходил обучение в Риме. 25 марта 1911 г. был рукоположен в священники восточного обряда в Боснии. Стал монахом студийского монастыря в Боснии. Затем вернулся в Санкт-Петербург, где в 1914 г. был арестован и

[5] Из фондов Архива ФСБ РФ.

выслан в Тобольск. В 1917 г. освобожден и назначен главой российских католиков восточного обряда с титулом экзарх. С 1918 г. — глава русско-католического братства святителя Иоанна Златоуста. 26.03.1923 по делу польских католических священников («дело архиепископа Цепляка») приговорен к 10 годам лагерей. С 1933 г. жил в Вятке. Умер 07.03.1935. В 1937 г. по инициативе униатского митрополита Андрея Шептицкого начался процесс подготовки его беатификации. Беатифицирован 26 июня 2001 г. папой Римским Иоанном Павлом II во время мессы во Львове.

Свои просьбы митрополит Сергий адресовал П. Г. Смидовичу. Адресат был выбран не случайно. Его деятельность до сегодняшнего дня окутана дымкой тайны и догадок. Но на антирелигиозном поле большой игры он был фигурой далеко не последней. Е. Тучков обещал митрополиту передать «Записку» сразу же после конференции для зарубежных корреспондентов, которая состоялась 18 февраля 1930 года вечером (для отечественных она устраивалась 15-го числа).

Сергий (Страгородский Иван Николаевич), (1867—1944), Патриарх Московский и всея Руси (с 1943 г.). Закончил СПб ДА кандидатом богословия. Принял монашеский постриг, служил миссионером в Японии, защитил магистерскую диссертацию. С 1901 г. — епископ, викарий СПб епархии и ректор столичной духовной академии. С 1905 г. — арх. Финляндский. С 1911 г. — постоянный член Св. Синода. В 1912 г. — председатель Предсоборного Совещания. С 1917 г. — архиеп. Владимирский, в том же году возведен в сан митрополита. Член Поместного Собора 1917—1918 гг. В 1922 г. уклонился в обновленчество. После выхода Патриарха Тихона из заключения принес покаяние и был

принят в сущем сане. С 1924 г. — митрополит Нижегородский. С 10 декабря 1925 г. — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. С 1934 г. — митрополит Московский. С января 1937 г. — Местоблюститель. В сентябре 1943 г. избран Патриархом.

Смидович Петр Гермогенович (1874—1935) — профессиональный революционер, деятель Коммунист. партии и Советского госуд. В 1918 г. — пред. Московского Совета, 1918—1919 гг. — пред. Московского губсовнархоза. Неоднократно избирался членом Президиума ВЦИК и Президиума ЦИК СССР.

Тучков Евгений Александрович (1892—1957). Родился в деревне Теляково Владим. губерн. 1911—1915 — конторщик в кожевенно-обувной мастерской г. Шуя. В 1915—1917 гг. — писарь при тыловых начальниках. В 1917 г. вступил в партию большевиков. В 1918 г. — завед. юрид. отделом областной ЧК г. Иваново-Вознесенска. В 1919 г. — зав. секретным отделом губернской ЧК. В 1922—1929 гг. — заместитель, затем начальник VI секретного отдела ОГПУ в Москве; секретарь Комиссии по отделению Церкви от государства. Организатор и исполнитель преследований Патриарха Тихона, инициатор провокаций и расколов в Церкви. 1928—1929 гг. — учеба в МГУ, оставил занятия. 1931—1933 — полномочный представитель ОГПУ на Урале. С 1933 г. — зам. особоуполномоченного г. Москвы. Уволен из органов НКВД в 1939 г. «за невозможностью дальнейшего использования» в звании майора госбезопасности. В 1939—1947 гг. — лектор Всесоюзного общества «Знание». На пенсии с 1947 г. По некоторым данным скончался, лишившись зрения. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Среди иностранных журналистов присутствовали: «Лаенс, Байндер и Милс — от Америки; Фишер — от Америки и Англии; Келлертон — от Англии; Деус — от Амери-

ки и Германии; Штейн, Баум и Рененгоф — от Германии и Тесса — от Италии»[6].

За день до встречи они передали письменные вопросы митрополиту Сергию. Их интересовало следующее:

«1. Не будете ли Вы так добры и не пополните ли Вы сообщение об ухудшении положения церкви, сделанное Вами для Советской печати, статистическими данными о количестве прихожан в 1913 г., в первые годы революции и в 1929 г., также желательны данные относительно количества крестин, венчаний, похорон и вообще посещаемости Церкви за те же годы (1913, 1922 и 1929 гг.). Какое количество священников имеют приходы и совершают службы, и какое имеется количество учащихся, получающих в данный момент богословское образование?

2. Как может церковь продолжать существовать в виду политического, экономического и общественного положения священства и активных прихожан, а именно: их лишенства, по которому им предстоит выселение, невозможность получения продовольственных карточек и, по последнему декрету, запрещение проживания в Москве.

3. Имеете ли вы еще какие-нибудь доказательства и каково Ваше мнение

[6] Архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 523. Л. 6.

относительно выступления 1) Папы Пия XI; 2) архиеп. Кентерберийского и др. не римско-катол. деятелей церкви, имеющих не христианские цели: а) подорвать православие и б) нанести вред Советскому государству, как в пределах СССР, так и равно и за границей. (Как видим, межконфессиональные проблемы также входили в круг интересов западных журналистов.

4. Объясните нам, пожалуйста, какой церковный Устав и какие полномочия имеет действующий синод, о котором Вы опять упоминаете, а также от имени какой части греко-православной Церкви Вы уполномочены действовать и говорить. В середине лета 1927 г. в своем сообщении в Советской печати Вы выражали надежды, что Вы и другие члены действующего Синода получите разрешение созвать Церковный Совет и основать законно избранный Синод. Был ли этот Совет создан и, если да, каковы были его результаты?

5. Каково Ваше отношение к административным мерам, принятым против православной церкви, как: 1) запрещение колокольного звона в Москве; 2) упразднение воскресений и других церковных праздников; 3) закрытие всех церквей, например — в Одессе, по постановлению Одесского Совета.

6. Какое количество священников было приговорено к тюремному заключению и к ссылке в 1929 году и за какие проступки?»[7].

Мы не случайно даем все вопросы полностью, так как они сами и ответы на них мало известны. Эти ответы касаются не только положения Церкви в СССР, но и затрагивают межконфессиональные взаимоотношения, которые в такой сложный исторический период для Русской Церкви волновали ее епископат. Оппоненты митрополита Сергия цитируют ответы от 15 февраля, данные на конференции советским корреспондентам, и игнорируют ответы зарубежным корреспондентам, хотя они были напечатаны в «Известиях ЦИК и ВЦИК» № 49 (3896) 19 февраля 1930 г.

На первый вопрос митрополит Сергий ответил: «*... мы располагаем только цифровыми данными о так называемых «двадцатках», которые составляют по советскому законодательству ядро религиозной общины, необходимое для регистрации этой общины как таковой. ...Количество прихожан составляет несколько десятков миллионов*». И далее митрополит подчеркнул: «*Мы думаем, что безбожники преувеличивают свои успехи*». (Эти слова, как и многие другие из этого интервью, никогда не цитируются

[7] Архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 523. Л. 1, 1 об.

оппонентами Владыки.) «...*количество приходов, принадлежащих нашей патриаршей Церкви, составляет около 30 000. Число священнослужителей гораздо больше, чем число приходов, так как в каждом приходе имеется от 1—3 священников и даже более. Все эти приходы находятся в духовном окормлении 163 архиереев (не считая епископов, пребывающих на покое).*

Зап. Европа — м. Евлогий с подчиненными епископами и духовенством, в Литве — м. Елевферий, в Японии — арх. Сергий, в Китае — еп. Нестор.

Относительно учащихся, считаем необходимым отослать к интервью, опубликованному в советской прессе 16 февраля с.г.»[8]. (Стоит учитывать, что иностранные корреспонденты были неплохо осведомлены о положении Русской Церкви накануне октября 1917 г. и могли сделать выводы о количестве закрытых храмов.)

Евлогий (Георгиевский Василий Семенович, (1868—1946 гг.). Известный церковный деятель первой половины XX века. Закончил МДА, кандидат богословия, в 1895 г. принял монашеский постриг. В 1896 г. — архимандрит. С 1903 г. — викарный епископ Люблинский, с 1905 — епископ Холмский и Люблинский. С 1914 г. — архиепископ Волынский. Член Поместного Собора 1917—1918 гг. В 1920 г. эмигрировал в Сербию. С 1921 г. — управляющий Западно-Европейскими русскими приходами. С 1922 г. — митрополит.

[8] Архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 523. Л. 2.

Был в оппозиции митр. Сергию (Страгородскому), в 1930 г. уволен от управления. Перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. В 1945 г. воссоединился с Русской Православной Церковью. Умер в Париже.

Что касается второго вопроса, то м. Сергий был верен себе и делал упор на то, что Церковь в советском государстве существует на основании советского законодательства: «*Что касается избирательных прав и других вопросов, связанных с Конституцией страны, которая является народным законом, обязательность которого для всех очевидна, то в этой области не произошло никаких изменений за последние годы.*

...миллионы активных прихожан — трудящиеся, пользующиеся всеми правами, в том числе избирательными.

...случаи выселения отдельных священнослужителей в судебном порядке ничем не отличаются от выселения других граждан (невзнос квартплаты, невыполнение обязательных постановлений, из домов, подлежащих слому)»[9].

Отвечать на третий вопрос митрополит не стал, отослав иностранных корреспондентов к уже напечатанному интервью.

Перед тем как ответить на четвертый вопрос, м. Сергий обратился к присутствующим с вопросом: «*Вы спрашиваете, на каком основании мы считаем папу вра-*

[9] Там же.

гом православия. Как же нам думать иначе, если католическая церковь, возглавляемая папой, в одной только Польше за один только 1929 г. насильственно отобрала у православных прихожан около 500 православных церквей, обратив их в католические костелы. Нам неизвестно, чтобы какие-нибудь епископы в Англии, Америке или другой стране выступали против этих насильственных действий католической церкви»[10]. И в этих словах одного из виднейших богословов XX столетия звучали и боль, и предостережение, и четкое обозначение православной позиции к происходящему.

Очень важен, на наш взгляд, ответ Владыки на 4-й вопрос, где он говорит о своих полномочиях: «*Мои личные канонические полномочия восприняты мною от законного местоблюстителя патриаршего престола. Синод же существует в соответствии с полномочиями того же Собора.*

... что касается созыва Поместного Собора, то подготовка к нему ведется»[11].

Стоит отметить, что Местоблюститель патриаршего престола м. Петр (Полянский) также оценивал полномочия м. Сергия.

Петр (Полянский Петр Федорович), (1862–1937 гг.), один из ближайших соратников Патриарха Тихона, магистр богословия. К 1917 г. –

[10] Архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 523. Л. 2.
[11] Там же.

действительный статский советник, служил по духовному ведомству. По предложению Патриарха Тихона в 1920 г. принял монашество и священство, был хиротонисан во епископа. С 1923 г. — архиепископ, с 1924 г. — митрополит Крутицкий. Согласно Завещанию Патриарха был третьим кандидатом на должность Местоблюстителя патриаршего престола. До конца 1925 г. фактически являлся главой Русской Церкви. Затем был арестован и до конца жизни находился в тюрьмах и ссылках. На случай своего ареста составил завещание, в котором своим заместителем назвал митрополита Сергия (Страгородского). В 1936 г. НКВД официально известило о смерти митр. Петра, на самом деле он был расстрелян в 1937 г. Канонизирован Русской Православной Церковью.

В ответе на вопрос о колокольном звоне и праздниках м. Сергий вновь делает упор на советское законодательство о культах, подчеркивая излюбленный прием власти — «письма с мест»: «*Вам, иностранцам, вероятно известно, что в ряде стран давно уже ограничен законом колокольный звон, а в некоторых случаях даже совершенно запрещается. В некоторых местах СССР колокольный звон отменяется по желанию трудящегося населения. Мы не видим в этом решении ничего, что умаляло бы нашу религию. Что касается религиозных праздников, то Соввласть, не соблюдая их в государственных и общественных учреждениях, отнюдь не препятствует празднованию их церковью, и мы, празднуя их в свое время, не можем пожаловаться на отсутствие молящихся.*

Переход на пятидневку и непрерывную неделю, по нашему наблюдению, мало отражается на посещаемости церквей. Еще Господом нашим Иисусом Христом было сказано: «Не человек для субботы, а суббота для человека». О решении Одесского горсовета нам ничего не известно»[12].

На шестой вопрос Владыка отвечать не стал, отправив корреспондентов к уже напечатанному ответу: «*По этому вопросу мы уже высказывались в интервью от 16 февраля 1930 г., данному представителям советской печати*»[13].

Да, оппоненты митрополита Сергия говорили и будут говорить еще много об этих ответах. Но лучше глубже вдуматься в них и попытаться понять их суть. Он говорил скупо и сжато, постоянно подчеркивая существование Церкви в жестких рамках Декрета 1918 г. и Постановления 1929 г. Важно другое: митрополит начал свою конференцию со слов о том, что безбожники преувеличивают свои успехи, а в ходе ее проведения неоднократно обращался к вопросу римского прозелитизма, опасность которого он отчетливо видел и пытался как мог ей противостоять.

Реакция иностранных корреспондентов на конференцию была неоднозначной. Большинство написали в своих отчетах, что м. Сергий был очень скуп в словах и

[12] Архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 523. Л. 2.
[13] Там же.

подчеркивал, что плохо слышит. Несколько человек из присутствовавших отметили, что заранее приготовленные ответы их не очень устроили. Все это так. Но следует согласиться с тем, что Пий XI преследовал политические и конфессиональные цели в своих призывах, и митрополит Сергий не мог не реагировать на это. И конференция иностранным корреспондентам, на наш взгляд, была им дана именно с целью противостояния как политической, так и религиозной экспансии.

С империалистическим врагом Советской республики — Ватиканом — боролась и власть. И, как отмечалось выше, оперативная инициатива в этом вопросе принадлежала VI отделу СОО ГПУ под руководством Тучкова. Евгений Александрович действовал в соответствии с духом времени: необходимость раскрытия контрреволюционного заговора, нити которого вели в Рим. И главным героем нового сценария он сделал архиепископа Варфоломея (Ремова).

Начиная с 1922 года епископ Варфоломей был привлечен Патриархом Тихоном к межконфессиональным связям. И это было неслучайно: молодой богослов владел пятью иностранными языками. (Владыка был участником событий 1922 — 1924 гг., когда власть пыталась добиться с помощью Вселенской Патриархии международного признания обновленцев. Именно он рабо-

тал вместе с делегацией Иерусалимского Патриарха, прибывшей в Россию для поддержки Русской Церкви и разъяснения Поместным Православным Церквам церковной ситуации в России.) В октябре 1925 года по просьбе Местоблюстителя, митрополита Петра епископ Варфоломей встречался с отцом Мишелем Д'Эрбиньи, президентом папской комиссии «Pro Russia». В беседе было затронуто положение Церкви в России и обсуждалось отношение русской иерархии к «карловацкому Синоду». Владыка Варфоломей настоятельно просил опубликовать мнение священноначалия Русской Церкви на Западе[14].

Д'Эрбиньи Мишель (1880–1957). С 1910 г. католический священник, иезуит. С 1923 — доверенное лицо Папы Римского по восточным делам и глава папского Восточного института. В апреле 1923 участвовал в создании журнала «Orientalia Christiana». Автор папской энциклики «Ecclesiarum Dei» от 12.11.1923 по случаю трехсотлетия смерти католического святого И. Кунцевича. 20.06.1925 (20.04.1926?)–30.03.1934 во главе комиссии «Pro Russia». В 1925 совершил поездку в Советский Союз. В 1926 посвящен во епископа Лионского (Иллиона) в капелле резиденции папского нунция в Берлине. В 1926 опубликовал в Париже работу «Религиозный облик Москвы», в 1930 — работу «Антирелигиозная война в Советском Союзе». С 1934 — в отставке.

В 1928 году в Москве епископ Варфоломей знакомится с епископом Пием Неве.

[14] Васильева О. Дело архиепископа Варфоломея // Альфа и Омега. № 4. 2000. С. 200.

Судьба этого человека сложна и необычна. Отец Эжен Неве прибыл в Россию в 1906 году из Франции. Двенадцать лет он служил в приходе общины французских рабочих в Макеевке, на Украине. В апреле 1926 года был тайно посвящен в сан епископа Мишелем Д'Эрбиньи, а в сентябре того же года переведен в Москву и назначен настоятелем костела св. Людовика. Естественно, что с первых дней своего пребывания в Москве он находился под непрерывным наблюдением ГПУ. Чекистов в первую очередь интересовала финансовая помощь католическим священникам в СССР. И она действительно была очень действенной. Только за 1928 год епископ Пий Неве потратил на помощь латинскому духовенству, русским католикам, сиротам, политзаключенным и ссыльным 7658 рублей[15].

Большой интерес проявлял Неве и к положению гонимой Русской Православной Церкви в СССР. Он рисковал сам, рисковали православные священники и верующие, передававшие ему эти сведения. Но цель была одна — привлечь внимание мировой общественности к положению верующих в России: «*Епископ Неве широко информировал Запад и Ватикан о положении религии в Советском Союзе, для чего им была разыскана старая карта Москвы с обозначением всех имевшихся в*

[15] Там же.

Москве храмов. На этой карте Неве отметил все сломанные и закрытые храмы, и эту карту он передал иностранным журналистам с целью дать материал для антисоветской печати»[16].

С начала 30-х годов в окружение епископа был внедрен агент ГПУ, сыгравший трагическую роль в судьбе настоятеля костела святого Людовика и его прихожан. В 1957 году, давая объяснения в процессе реабилитации, этот осведомитель, проходивший по всем чекистским разработкам как «господин профессор», напишет о себе с гордостью: «*... по заданию органов НКВД я принял католичество. Это способствовало еще большему нашему сближению, и потому Неве посвятил меня в то, что он в СССР проводит политическую работу, заключающуюся в сборе и передаче информации о СССР французскому посольству и Ватикану. О том, что мне приходилось слышать от Неве, я своевременно, в письменной форме, информировал органы НКВД*»[17].

Но кроме достойного вклада в дело помощи страждущим за веру в СССР епископ Неве вошел в историю как агент влияния Ватикана. Именно ему суждено было стать ключевой фигурой «заговора Ватикана»,

[16] Васильева О. Дело архиепископа Варфоломея // Альфа и Омега. № 4. 2000. С. 201.

[17] Там же.

достойный ответ которому и разрабатывал VI отдел Е.А. Тучкова. Сценарий заговора прост. Епископ Неве — «агент Ватикана». Епископ Варфоломей — «шпион и пособник». Община Высоко-Петровского монастыря, настоятелем которого он был, — контрреволюционная организация. В подтверждение — строки документов из «следственных» дел. «*Контрреволюционная организация состоит из двух групп: католиков и православных. Причем обе группы объединяются при нелегальном Петровском монастыре, организованном по инициативе Ремова*»[18]. Налицо и руководитель, и группа. Идейный руководитель у ОГПУ уже был. Из справки на епископа Неве: «*...проживая длительное время на территории СССР под видом миссионера и религиозного деятеля, занимался шпионажем против Советского Союза*»[19]. Духовная жизнь членов монастырской общины была также под тщательным наблюдением. Церковные службы в строгом соответствии с монастырским уставом, институт старчества в разработках отдела Тучкова определялись как «проявление высшего фанатизма».

В октябре 1933 года был закрыт храм преп. Сергия на Большой Дмитровке, и монашествующие, и община перешли в

[18] Васильева О. Дело архиепископа Варфоломея // Альфа и Омега. № 4. 2000. С. 202.

[19] Там же.

храм Рождества Богородицы в Путинках. К этому времени «легенда» и «разработка» были закончены. «Контрреволюционная группа» состояла из 22 человек. Дело «ватиканского заговора» пора было доводить до логического завершения. («Крестовый поход» Пия XI не нанес большого ущерба международным планам Сталина: в 1934 году СССР вступил в Лигу Наций, — да и основные интересы Советского Союза были связаны теперь с Германией. В скором будущем главными героями «легенд» и «разработок» станут немецкие и японские «шпионы».) Конец владыки Варфоломея и его духовных чад был близок. Сначала в НКВД поступило заявление от прихожан храма Рождества Богородицы в Путинках, в котором они (естественно, по настоянию компетентных органов) просили избавить их от посягательств «черного духовенства», которое, «*являясь хранителем догматической веры, неспособно удовлетворять обыденные требы верующих, в большинстве своем не нуждающихся в теоретической пропаганде веры и бесконечных монастырских богослужениях*»[20].

Сталин (Джугашвили Иосиф Виссарионович), (1879–1953). Известнейший политический деятель XX века. Многолетний лидер СССР. Член РСДРП с 1898 г. Окончил духовное училище в Гори, учился в Тифлисской духовной семинарии,

[20] Васильева О. Дело архиепископа Варфоломея // Альфа и Омега. № 4. 2000. С. 202.

исключен в 1899 г. С 1912 г. член ЦК РСДРП, 1919–1935 гг. – член Политбюро, Президиума ЦК коммунистической партии, с 1922 г. – Генеральный секретарь ЦК. С 1941 г. – председатель Совнаркома, в 1946–1953 гг. – Совета Министров СССР. В годы Великой отечественной войны председатель Государственного комитета обороны и Верховный главнокомандующий, с 1945 г. – генералиссимус. Организатор и руководитель массовых репрессий в стране.

На «письма с мест» в советской стране всегда реагировали быстро. К этому времени (9 июля 1934 года) епископ Варфоломей был возведен митрополитом Сергием в сан архиепископа. По просьбе Заместителя Местоблюстителя он нес ответственное послушание: исправлял церковные службы, песнопения и акафисты, которые поступали в Московскую Патриархию на отзыв.

21 февраля 1935 года «контрреволюционная группа» во главе с архиепископом Варфоломеем была арестована.

Евгений Тучков не знал и не вникал в проблемы прозелитизма, они были не важны для него. Что касается «шпионов» и «агентов» — все это он знал хорошо и твердо. «Ватиканское дело» было добротной разработкой. Об этом говорит и то, что сам епископ Неве избежал ареста, хотя мог быть арестован много раз, несмотря на свое французское гражданство. Через ГУЛАГ прошли тысячи иностранных подданных с более громкими именами. Когда он выполнил свою

«миссию», а думается, что она была не единственной, ему просто в июне 1936 года не разрешили вернуться в СССР из Парижа.

Дело «архиепископа Варфоломея» было не единственным в череде достойных ответов «контрреволюционным замыслам» Ватикана, направленным на дискредитацию любой его инициативы. Среди них такие крупные процессы 20–30-х годов:

1923 год. Открытый показательный судебный процесс по делу ксендзов во главе с архиепископом Яном Цепляком и экзархом русских католиков Леонидом Федоровым, обвиняемых в противодействии проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства»;

Цепляк Ян Яцентонович (1857–1926), католический архиепископ, родился в Польше в семье шахтера, окончил Петербургскую духовную академию в 1882 г. В сане с августа 1881 г. Магистр богословия. В 1908 г. возведен в сан епископа. С 1919 г. стал главой католиков России. Архиепископ Могилевский. Арестован в марте 1923 г. Главные обвинения – противодействия проведению декрета об отделении Церкви от государства. Приговорен к расстрелу, но под влиянием международных протестов постановлением Президиума ВЦИК от 30 марта 1923 г. расстрел заменен на 10 лет заключения. В конце 1923 г. был освобожден и выпущен в Польшу.

1923–1924 гг. Процесс по делу русских католиков, обвиняемых в создании монархической организации, связях с Ватиканом и передаче за границу материалов, порочащих советскую власть;

1929—1930 гг. Процесс по делу польских священнослужителей на Украине, обвиняемых в создании контрреволюционной повстанческой организации «ПОВ»;

1930—1931 гг. Процесс по делу немецких католических священников в Поволжье, обвиняемых в создании «*Фашистской контрреволюционной организации*»;

1934 г. Процесс по делу русских католиков, обвиняемых в создании «*Контрреволюционной монархической террористической организации*»;

1937—1938 гг. Процессы по делам католических священнослужителей и верующих в лагерях и ссылках, обвиняемых в шпионаже, в создании филиалов контрреволюционных организаций для свержения советской власти и подрывной террористической деятельности, завершившиеся расстрелами обвиняемых[21].

Гонения на католиков в СССР являлись составной частью общей государственной политики в отношениях с религиозными организациями. И если до 1929 года богоборческая власть вела особенно упорную борьбу с Русской Православной Церковью как основой духовного сопротивления, то с 1929 года под молох жесточайших гонений попали все конфессии.

---

[21] Осипова И. И. «В язвах своих сокрой меня...» Гонения на Католическую Церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М., 1966. С. 4.

Особая же политика со стороны власти по отношению к католикам и греко-католикам в первую очередь будет формироваться в последние военные годы (начиная с осени 1945 года) и первое послевоенное десятилетие. Именно тогда противостояние Ватикану станет составляющей внешнеполитической деятельности СССР, куда будет интегрирована и Русская Церковь.

Начало Второй мировой войны совпало с началом понтификата Эудженио Пачелли, вошедшего в историю как Папа Пий XII. Позиция Ватикана в 1939—1940 годы очевидно противоречива. С одной стороны, традиционный пацифизм, нежелание сказать лидерам германского нацизма правду в лицо, с другой — попытка моральной помощи Католической Польше, положение которой, по мнению «Радио Ватикана», является «состоянием террора, одичания, и мы бы даже сказали, варварства... Голод и болезни являются следствием этого... У поляков создается впечатление, что их просто хотят уничтожить как нацию. Что касается религиозных условий, из получаемых нами донесений явствует, что немцы используют те же, а может быть, и худшие методы, что и Советский Союз»[22]. Такая двойственность определила политику Ватикана — во вся-

[22] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. М., 1999. С. 153.

ком случае внешние ее проявления — вплоть до перелома во Второй мировой войне.

Папа Пий XII (Эуджено Пачелли), Папа Римский (1876—1958). До избрания был дипломатом. На дипломатической службе в Германии в качестве нунция прослужил 12 лет. В 1929 г. стал кардиналом, затем гос. секретарем. 12 марта 1939 г. избран папой. Объединение европейских держав для борьбы с коммунизмом легло в основу его политики. В 1949 г. декретом Конгрегации Священной канцелярии отлучил от церкви верующих за принятие коммунистического учения и сотрудничество в компартии. В области культуры придерживался традиционалистских позиций. Его понтификат характеризуют консерватизм и интегризм.

Однако нельзя сказать, что поражение 6-й немецкой армии на Волге застигло Ватикан врасплох. И приоритеты в политике оставались те же: враждебность к СССР как оплоту коммунизма и надежды на унию с Православной Церковью.

С 1943 года возрастает дипломатическая активность Ватикана: он стремится стать посредником между странами «оси» и западными союзниками. Речь шла о труднейшей задаче — вывести Италию из войны. Тем не менее Папа резко отозвался о совместном заявлении Рузвельта и Черчилля, сделанном в Касабланке 20 января 1943 года — оба лидера требовали безоговорочной капитуляции держав «оси».

Рузвельт Франклин Делано (1882—1945 гг.), 32-й президент США (с 1933 г.) от Демократической партии (4 раза избирался на этот пост). В 1933 г. прав-во Рузвельта установило дипло-

матич. отношения с СССР. Внес значительный вклад в создание антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Придавал большое значение созданию ООН и послевоенному международному сотрудничеству.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965 гг.), Премьер-министр Великобритании в 1940–1945 гг., 1951–1955 гг. В годы Второй мировой войны выступал одним из инициаторов создания антигитлеровской коалиции с США и СССР и одновременно стремился ограничить влияние СССР в послевоенной Европе. Его программная речь в Фултоне (США, 5.03.1946 г.) на долгие годы предопределила события, связанные с «холодной войной». Лауреат Нобелевской премии по литературе (1953 г.).

В русле этой ватиканской стратегии вел сепаратные переговоры в Швейцарии с А. Даллесом князь М. Гогенлоэ: речь шла о сохранении немецкого государства как фактора европейского порядка, но обсуждалась и ватиканская идея конфедерации Придунайских стран. Даллес говорил также о расширении Польши на восток, о сохранении Румынии и сильной Венгрии, которые должны сыграть роль санитарного кордона против большевизма.

Пий XII видел в будущей Европе сильную Германию, но, по возможности, не нацистскую и протянувшуюся как можно дальше на восток Польшу. Поэтому весной 1943 года Папа приветствовал разрыв между польским эмигрантским правительством в Лондоне и правительством СССР. А 2 июня в своей речи в консистории он уже призы-

вает Католическую Церковь молиться за Польшу, за великую Польшу как оплот в борьбе против Советского Союза.

Что касается позиции Папы осенью 1943 г. по отношению к гитлеровской Германии, то ее очень хорошо охарактеризовал посол Германии при Ватикане Вейцзекер в своем донесении 28 октября 1943 г.: он отмечал, что Пий XII избегал всего, что могло бы доставить неприятности гитлеровской Германии, потому что немецкий католицизм, невзирая на все трудности, предан этой стране, которая, по мнению Папы, является самым надежным «*бастионом*» против коммунизма[23].

За действиями Ватикана внимательно следила Москва. Не только наблюдала, но и выстраивала ответные планы.

Создание системы православного единства Автокефальных Церквей стран Восточной Европы под эгидой Московской Патриархии должно было стать отправным пунктом и одновременно ударом по римско-католической идее создания конфедерации Придунайских стран. И возможности для этого были.

Безусловно, создание международного православного центра с политическим уклоном проходило под личным контролем И. Сталина и В. Молотова. А право на «оперативную инициативу» в осуществле-

[23] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 — 1948 гг. М., 1999. С. 156.

нии задуманного было предоставлено полковнику госбезопасности Г.Г. Карпову, занявшему пост Председателя Совета по делам Русской православной церкви и внешней разведки. Но важно и другое: внешнеполитические интересы власти наложились на исторически существующие проблемы между православием и католицизмом. В этот период советское руководство, решая свои задачи, соблюдает и интересы Церкви.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986), советский и государственный партийный деятель. С октября 1917 г. — член ВРК. 1921—1930 гг. — секретарь ЦК ВКП(б). 1930—1941 гг. — председатель СНК СССР. 1941—1957 гг. — Первый зампред СНК (СМ) СССР. Одновременно, 1941—1945 гг. — зампред ГКО. 1939—1949 гг. и 1953—1956 гг. — нарком, министр иностранных дел. С 1957 г. — посол в МНР. Июньский пленум 1957 г. вывел его из Президиума и ЦК КПСС.

Карпов Георгий Григорьевич (1897—1967). Закончил духовную семинарию. В годы гражданской войны воевал в Красной Армии. Учился в 1920-е годы в Петроградском университете, но не закончил его. Затем на партийной и советской работе. В 1937—1938 гг. начальник Псковского окружного отдела НКВД. С 1940 г. возглавил отдел, ведавший религиозной проблематикой в центральном аппарате наркомата. В 1941 г. коллегия войск НКВД Ленинградского округа возбудила уголовное преследование в связи с деятельностью Карпова во Пскове, но дело было прекращено. К 1943 г. полковник госбезопасности. С сентября 1943 г. по февраль 1960 г. — Председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР, к концу службы генерал-майор. В 1956 г. Комитет партийного контроля при ЦК

партии установил, что он в 1937—1938 гг. «производил массовые аресты ни в чем не повинных граждан, применял извращенные методы ведения следствия, а также фальсифицировал протоколы допросов арестованных». Поднимался вопрос об исключении Карпова из рядов партии, но, учитывая его «положительную работу», дело ограничилось объявлением строгого выговора с занесением в учетную карточку. В 1960 г. отправлен на пенсию.

С 21 по 23 ноября 1944 года в здании Московской Патриархии Собор епископов объявил о подготовке Поместного Собора Русской Православной Церкви. А на следующий день Г. Карпов, выступая перед архиереями, отметил, что те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях ее с государством, не представляют чего-то случайного и временного, а носят характер одобрения властью той позиции, которую Церковь заняла в отношении государства в предвоенное десятилетие и в военные годы. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви не кривил душой. Планы по внешнеполитическому использованию Церкви действительно являлись долговременными.

И на Поместный Собор, открывшийся 31 января 1945 года в храме Воскресения в Сокольниках, были приглашены делегации Православных церквей. Все визиты необходимых гостей власть санкционировала. Приглашения рассылались по каналам дипломатической связи. По каждой делегации Карпов получал сверхжесткие

инструкции. Так, к примеру, ответное письмо митрополита Скоплянского Иосифа, в котором он сообщает митрополиту Алексию о своем приезде, «*несмотря на глубокую старость, мы решили принять эту великую честь и доверие и присутствовать на предстоящем Соборе Русской Православной церкви, которая нам в течение своего исторического развития, а особенно в моменты величайших испытаний, показала светлые примеры непоколебимой стойкости и, обновленная своими усилиями, и, находясь снова в своем старом величии, достигая того, что дала возможность себе и своему народу, для всех нас быть мощной защитой, как это было и в минувшие времена, и служит она нам высоким примером*»[24], предшествовали четкие политические разъяснения за подписью А. Вышинского.

Секретно

Товарищу Карпову Г.Г.

Сообщаю некоторые полученные нами данные по сербской церкви и востоку.

1. Глава сербской церкви патриарх Гавриил, известный своими антинацистскими взглядами и проанглийскими на-

[24] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М., 1999. С. 156.

строениями, увезен немцами. Возглавляющий в настоящее время сербскую церковь митрополит Скоплянский на днях через югославских руководителей передал Советской Военной Миссии письмо, текст которого прилагается»[25].

Глава Сербской Церкви, по мнению Вышинского, проявляет большое желание к установлению «*связи с русской церковью и посылке на Собор в Москву делегации сербской церкви*»[26].

Дружественное расположение сербов нужно было использовать как можно скорее, т. к. «*англичане проявляют живой интерес к сербской церкви, дело доходит до того, что официальные работники Миссии выясняют возможность для епископа Иоркского обратиться с посланием к сербской церкви*»[27].

Алексий (Симанский Сергей Владимирович), (1877—1970 гг.) — патриарх Московский и всея Руси. Закончил Московский Николаевский лицей, юридический фак-т МГУ в 1899 г. и Московскую Духовную академию в 1904 г. В 1902 г. принял монашеский постриг, иеромонах. Работал по учебному ведомству. 1913 г. — епископ Тихвинский, викарий Новгородский, 1921 г. — епископ Ямбургский. В 1926 г. — архиепископ Хутынский, управляющий Новгородской епархией. С июня 1927 г. — постоянный член Временного Патриаршего Синода при митрополите Сергии (Страгородском). С 1932 г. — митрополит ленин-

[25] Там же. С. 157.
[26] Там же.
[27] Там же.

градский. Согласно патриаршему завещанию — местоблюститель, а со 2 февраля 1945 г. — Патриарх.

Попытки усиления влияния Англиканской церкви на Балканах будут остановлены. Но об этом позже...

Поместный Собор Православной церкви 1945 года принял редчайшую по представительности делегацию Автокефальных Православных Церквей. На Собор в Москву прибыли: Александрийский Патриарх Христофор, Антиохийский Па гриарх Александр III, Грузинский Католикос — Патриарх Каллистрат, представители Вселенского Патриарха — митрополит Фиатирский Германос, Иерусалимского — архиепископ Севастийский Афинагор; делегация Сербской Церкви во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом, делегация Румынской Церкви во главе с епископом Аржемским Иосифом.

Александр III (Тахан) (1869 –1958), Патриарх Антиохийский. Родился в 1869 г. Обучался в Дамаске в Патриаршей школе. Патриарх Герасим I постриг его в монахи (12 мая 1886) и направил на учебу в Халкинскую богословскую школу. В 1884 г. в сане иеродиакона возвратился в Сирию и 6 лет преподавал Закон Божий в школах Хомской (Эмесской) митрополии. Митрополит Афанасий (Атала) помог ему получить высшее образование в России, где с сент. 1897 по апрель 1900 г. учился в КДА. 20 апреля 1900 г. Патриарх Мелетий II рукоположил его в Дамаске во иерея, назначив настоятелем Антиохийского подворья в Москве, в апреле 1903 г. митрополит Москов-

ский Владимир (Богоявленский) рукоположил Александра во архимандрита. Вскоре он был вызван в Дамаск и избран митрополитом Тарсским и Аданским, рукоположен Патриархом Мелетием во епископа (30 нояб. 1903). По смерти Мелетия (1906) Александр прибыл в Дамаск для избрания нового главы Антиохийской Церкви. 21 янв. 1908 г. Александр был переведен на митрополию Триполи. В 1913 г. он сопровождал Патриарха Григория IV во время его визита в Россию по случаю 300-летия дома Романовых. В 1931 г. Избран Патриархом Антиохийским. Патриарх занял дружественную позицию по отношению к РПЦ, осудив обновленцев и живоцерковников. 1943 г. явился переломным в истории Ливана и Сирии: заканчивалось французское господство, и СССР установил с молодыми государствами дипломатические отношения. Патриарх Александр приветствовал этот факт, и когда в том же году в России было восстановлено Патриаршество в лице Патриарха Сергия (Страгородского), направил приветственную телеграмму Сталину, от которого получил ответ. В связи с этим в Дамаске отслужили торжественные богослужения в знак братской солидарности с РПЦ и ее Предстоятелем. В янв. 1945 г. Патриарх Александр присутствовал на интронизации Патриарха Алексия I (Симанского). Летом 1945 г. Алексий I во время паломничества по святым местам Востока посетил Сирию и Ливан, что не было одобрено в Константинополе. В 1954 г. Патриарх Александр вместе с митрополитами Феодосием и Илией Карамом участвовал на торжествах 100-летия Антиохийского подворья в Москве. В 1956 г. Патриарх вновь посетил Россию, где участвовал в торжествах в Троице-Сергиевой лавре, в мае 1958 г. он последний раз был гостем Московской Патриархии на торжествах по случаю 40-летия восстановления Патриаршества в России. Вскоре после возвращения в Дамаск Патриарх Александр скончался.
(ПЭ Т1. Стр.505)

Из доклада Карпова правительству о Соборе: «*Собор явился наглядным доказательством отсутствия преследования религии в СССР и имел также некоторое политическое значение. Московская Патриархия, в частности, договорилась с патриархами Александром, Христофором, представителями Константинопольского и Иерусалимского патриархов о прекращении связей с митрополитом Анастасием и о необходимости совместной борьбы против Ватикана*»[28].

Общность взглядов подкрепили ценными подарками: по высочайшему указанию гости Собора получили 42 предмета из фондов музеев Москвы и 28 — из Загорского музея. В ответ на заботу Патриарх Христофор заверил Патриарха Алексия, что «*Восточные Патриархи будут ожидать распространения на них покровительства России в чисто христианском духе*»[29].

Начало создания православного центра в Москве состоялось. Сталин торжествовал, а Патриарх Алексий, вряд ли до конца оценивая глубину его политической интриги, распространял послания и обращения — к духовенству и верующим европейских стран, дальнего Запада и ближнего Востока.

---

[28] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М., 1999. С. 157.

[29] Там же. С. 159.

10 апреля 1945 года состоялась встреча Патриарха Алексия, митрополита Николая и протопресвитера Н.Ф. Колчицкого с И. Сталиным. Глава правительства по достоинству оценил патриотическую деятельность Церкви на завершающем этапе Великой отечественной войны, обещая рассмотреть вопросы о расширении сети духовно-учебных заведений и церковно-издательской деятельности. За этой ширмой уважения и участия стояли конкретные внешнеполитические задачи, решать которые государство намеревалось с помощью Церкви.

Сразу же после Поместного Собора 1945 г. Карпов в отчете правительству докладывал: «*В дальнейшем внешняя деятельность РПЦ направляется Советом в следующих направлениях:*

1. Воссоединение с Московской Патриархией русских православных церквей за границей.

2. Установление тесных и дружественных отношений с православными церквами славянских стран.

3. Дальнейшее укрепление связей с главами других автокефальных церквей и влияние в решении международных церковных вопросов»[30].

[30] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М., 1999. С. 159.

Параллельно с воссоединением русских православных зарубежных приходов шла работа по выработке «*единой*» линии с православными церквами Болгарии, Румынии, Югославии и Чехословакии.

С апреля 1945 года по май 1946 года шли переговоры с главой Болгарской Церкви митрополитом Стефаном, который подтвердил весной 1946 г., что «*он всецело ориентируется на Восток, на великий, могучий Советский Союз, на Русскую церковь и Патриарха Алексия*»[31].

После Поместного Собора 1945 года стали видны первые результаты советского влияния и на Румынскую Православную Церковь, занимавшую недоброжелательную позицию в отношении СССР. В марте 1945 года министр культов Румынии священник Константин Бурдуча заверил Патриарха Алексия «*в самых искренних и дружественных чувствах*» и просил «*передать маршалу Сталину, руководителю государства, епархиям Православной церкви, руководителям остальных культов и всему православному народу СССР выражения нашей решимости приступить к упорной работе с целью пробуждения сознания, отравленного фашизмом, за демократизацию нашей общественной жизни...*»[32].

[31] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М., 1999. С. 160.

[32] Там же.

Делегация Русской Церкви во главе с епископом Кишиневским Иеронимом прибыла с визитом в Бухарест 12 мая 1945 года.

«Поездка была санкционирована лично И. Сталиным еще в апреле. Переговоры с Патриархом Никодимом предстояли трудные. Но все же Владыка Никодим дал свое согласие присутствовать на съезде румынского духовенства, намеченного министерством культов Румынии на октябрь 1945 года. По московским замыслам это мероприятие должно было «мобилизовать румынское духовенство на решительные задачи по восстановлению страны и на поддержку правительства Грозы»[33].

Румынскому духовенству предстояло обсудить следующие вопросы:

1. Связи румынской церкви с русской православной церковью.

2. Роль румынского духовенства в восстановлении страны.

3. Румынская православная церковь и ее отношение с другими церквами в стране.

4. Деятельность церковных школ.

5. Организация и задачи «священников-демократов»[34].

Через МИД Румынии министр культов Румынии священник Бурдуча направил

[33] Там же. С. 161.

[34] Там же.

приглашение Русской Православной церкви, отметив в нем, что «*съезд должен явиться мощной и массовой манифестацией крепнущих отношений между румынской и русской православными церквами*»[35].

Священник-министр в отличие от Патриарха оценивал ситуацию верно...

Сложными были отношения и с Сербской Православной церковью. Внешне они носили дружественный характер, но поездки делегации Московского Патриархата в 1945—1946 гг. не принесли желаемого результата.

Осенью 1946 года Патриарх Сербский Гавриил приехал на лечение в Карловы-Вары, где имел встречи с Экзархом Московской Патриархии в Чехословакии архиепископом Елевферием (Воронцовым), который по поручению Патриарха Алексия убеждал Патриарха Гавриила вернуться на родину и сотрудничать с демократическим правительством Тито, оставив надежды на восстановление монархии.

Гавриил (Дожич), Патриарх Сербский (1881—1950). Родился 17 мая 1881 г. в княжестве Черногория, в селе Вруйци, в Нижней Мораче. При крещении младенец получил имя Георгий.
Начальную школу отрок Георгий закончил при Морачском монастыре, где настоятелем тогда был

[35] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. М., 1999. С. 161.

его дядя Михаил (Дожич-Меденица). После этого он продолжил учёбу в Белграде. 26 февраля 1900 года Георгий Дожич был пострижен в монахи с именем Гавриил, на следующий день был рукоположен в иеродиакона, а через неделю — в иеромонаха и в этом качестве был приходским священником. Обучался в монастыре Высокие Дечаны в Богословско-учительской школе. После её завершения о. Гавриил стал учителем в Дечанах. Из Дечан иеромонах Гавриил перешёл в монастырь Йошаницу под Ягодином. В 1905—1909 гг. Гавриил Дожич учится на Богословском факультете Афинского университета, где позднее защищает докторскую диссертацию.

Как высокообразованный монах он поставлен секретарём сербского монастыря Хиландара на Афоне, где вызывал уважение, как сербских иноков, так и Протата Святой Горы. Из Хиландара, уже как архимандрит, Гавриил (Дожич) уезжает в Константинополь, где занимает пост сербского представителя в Константинопольской Патриархии, а заодно и управителя сербской школы в Стамбуле. 1 декабря 1911 г. его избирают митрополитом Рашско-Призренским. Епископская хиротония состоялась через три дня. Митрополит Гавриил, после завершения 1-й Балканской войны, в ходе которой территория его епархии освобождена от турок сербами и черногорцами, переименован в митрополита и архиепископа Печского. Когда в 1915 г. под ударами превосходящих сил Германии, Австро-Венгрии и Болгарии, сербская армия и правительство, начали отступать через Черногорию и Албанию к морю, митрополит Гавриил остался разделить страдания своей паствы. Оккупанты интернировали его в венгерский город Сегед, где он от страданий и издевательств заболел и был отправлен в черногорский город Ульцинь на адриатическом побережье, где пребывал под надзором австрийцев, оккупировавших Черногорию. После смерти черногорского митрополита Митрофана (Бана), Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви 17 ноября 1920 г. избрал новым митрополитом Черногорско-Приморским

Гавриила (Дожича). 8 февраля 1938 г. черногорский митрополит Гавриил избран Сербским Патриархом. Патриарх Гавриил твёрдо стоял на защите веры и нации. 27 марта 1941 г. он вместе со всеми сербскими архиереями энергично выступил против пакта с нацистской Германией, подписанного изменническим югославским правительством Цветковича. 7 апреля 1941 г. сербский патриарх Гавриил (Дожич) вслед за королевским правительством выехал из Раковицы в монастырь Жича и далее в черногорский монастырь Острог. Арестован гестапо в 1941 г. Находился в заключении. В середине сентября 1944 г. патриарх Гавриил переведен в лагерь Дахау. Потом его переводили из лагеря в лагерь, держали запертым в подвале одной венской гостиницы во время самой страшной союзнической бомбардировки Вены. Свободу патриарх встретил 8 мая 1945 г. в местечке Кицбил, в Тироле. Вернулся в Югославию в ноябре 1946 г. Патриарх Сербский Гавриил (Дожич) умер 7 мая 1950 г. в Белграде и похоронен в Белградском соборе.

Елевферий (Воронцов Вениамин Александрович), (1892—1959), митрополит. В 1912 г. окончил Московскую семинарию, а в 1916 г. — Академию. С 1916 г. приходской священник в Москве. затем в Ивановской губернии. С 1927 г. — протоиерей. С 1929 г. — арест и ссылка. С августа 1943 г. епископ Ростовский и Таганрогский, с апреля 1946 г. — экзарх Московского патриархата в Чехословакии, архиепископ Пражский и Чешский. С 1942 г. — митрополит. С декабря 1946 г. избран главой Автокефальной Чехословацкой Православной Церкви. С 1955 г. — митрополит Ленинградский и Новгородский. Умер в Ленинграде.

Сербский Патриарх внял просьбам Москвы и уже в декабре 1946 года заявил, что остается верным традиционной дружбе с Россией и категорически отметает ориентацию на Запад. Патриарх Гавриил высказал

также мысль о необходимости всем Православным Церквям иметь единый фронт по всем общим для них вопросам, и что для этого необходимо собраться в Москве представителям всех Православных Церквей. На Всеславянском Конгрессе в Белграде в декабре 1946 года Патриарх Гавриил высказал то, что с таким нетерпением ждали в Москве: «*... он считает, что первенство в православном мире должно принадлежать Московскому Патриархату, и Русская Церковь должна стать Матерью для славянских церквей*».

Развивая эту мысль и констатируя антиславянскую и антисоветскую «подрывную» работу Ватикана, Патриарх Гавриил сказал: «...Вот почему нам нужно быть вместе с русским народом и Русской церковью, чтобы противостоять всем козням и вражеским замыслам всего Запада во главе с римским папой и его сторонниками»[36].

Судьба самого Патриарха Гавриила трагична. Арестованный немцами в 1941 году, проведший в плену три года и вывезенный в Германию в 1944 году, он не вернулся на родину сразу после окончания войны, не приняв политические перемены в своей стране.

Но пастырский долг оказался сильнее политических неприязней...

---

[36] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М., 1999. С. 162.

Теперь несколько слов о Православной Церкви в Чехословакии. После гибели в 1942 году единственного епископа Чешской Православной Церкви Гораздо ее каноническое существование было вообще поставлено под сомнение. Однако в 1945 году в Прагу подоспела помощь. Посланец Московской Патриархии архиепископ Орловский Фотий (Тапиро) провел переговоры с представителями верующих о принятии Чешской Православной Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата и о назначении в Чехословакию епископа из СССР. Окончательно этот вопрос был решен в начале 1946 г., когда в Москву прибыла делегация от Чешской Православной Церкви. Во главе ее на правах экзарха оказался бывший епископ Ростовский Елевферий (Воронцов).

В установочных документах Совета по делам Русской Православной Церкви на этот счет имеется следующее положение: «*Совет считает, что Московская Патриархия должна оказывать особую помощь Православной церкви в Чехословакии и укреплять ее влияние*»[37].

Итак, в Европе союз Православных Церквей под эгидой Московского Патриархата и Совета по делам Русской Православной Церкви состоялся. В развитие плана Пред-

[37] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 — 1948 гг. М., 1999. С. 163.

седатель совета предложил Сталину «*усилить влияние на восточные патриархаты, которые хотя и малочисленные, но считающиеся авторитетными в православном мире, с целью использования их в будущем на своей стороне при решении ряда важных церковных вопросов*»[38]. И. Сталин с о г л а с и л с я.

В течение 1946 года митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) побывал в Сирии, Ливане и Египте. И везде он получил заверения от глав церквей, что «*возглавляемые ими патриархаты и церкви всегда будут поддерживать Московскую Патриархию в международных церковных вопросах*»[39].

Григорий (Чуков Николай Кириллович), (1870—1955), митрополит. Закончил СПбДА в 1895 г. со степенью кандидата богословия, стал наблюдателем церковно-приходских школ Олонецкой епархии, с 1897 г. священник Петрозаводского кафедрального собора, с 1907 г. протоиерей. В 1921—1922 гг. — настоятель Казанского собора в Петрограде. Арестован в мае 1922 г., приговорен к смертной казни. Заменена 5 годами лишения свободы. С 1935 г. не служил, вернулся к церковному служению в октябре 1942 г., тогда же хиротонисан во епископа Саратовского, с 15.10.42 г. — архиепископ. С мая 1944 г. — управляющий Ленинградской епархией, с 1945 г. — митрополит Ленинградский и Новгородский. С 1946 г. возглавлял Учебный комитет при Св. Синоде, доктор богословия. Управлял русскими православными общинами в Финляндии.

[38] Там же.
[39] Там же. С. 164.

Открытым оставался лишь вопрос о взаимоотношениях с Элладской Православной церковью и Константинопольским Патриархом. От связей с греками Патриархия отказалась под давлением правительства, которое не устраивала ориентация церковных греческих кругов на англичан.

Что касается Константинопольского Патриарха Максима, то на сей счет Г. Карпов оставил в отчетных документах правительству следующую запись: «*Для урегулирования отношений Московская Патриархия решила послать в Турцию митрополита Крутицкого Николая с подарком Патриарху Максиму (50 тыс. американских долларов)*»[40]. По мнению власти, эта сумма должна быть надолго лишить Вселенского Патриарха возможности противостоять последующим дерзким планам Москвы.

Максим V, патриарх Константинопольский с 1946 г. 18 октября 1948 г. Священным Синодом Константинопольской Церкви была принята отставка патриарха Максима, вызванная его болезнью.

Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич), (1892—1961), митрополит. Закончил Петроградскую духовную академию. Принял монашеский постриг в октябре 1914 г., на фронте был священником лейб-гвардии Финляндского полка. С 1915 г. преподаватель ПгДА, магистр богословия, с 1919 г. — архимандрит, наместник Александро-Невской лавры. С апреля 1922 г. епископ Петергофский. Арестован и сослан в Коми-Зырянский край (1923—1926 гг.). В

[40] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 — 1948 гг. М., 1999. С. 164.

1927—1928 гг. временно управлял Ленинградской епархией. С 1935 г. архиепископ, в 1936—1940 гг. управлял Новгородской и Псковской епархиями. С 1940 г. — архиепископ Волынский и Луцкий, экзарх Западной Украины и Белоруссии. С марта 1941 г. — митрополит. С июня 1941 г. — митрополит Киевский и Галицкий, с января 1944 г. — митрополит Крутицкий, управляющий Московской епархией. С 1946 по 1960 гг. — председатель Отдела внешних церковных сношений патриархии. Сопротивлялся Хрущевским гонениям, был смещен со всех постов. Умер в Москве.

Для полного триумфа решено было возродить и воплотить идею созыва Восьмого Вселенского Собора в Москве. (Сама мысль об этом Соборе возникла у Вселенского Патриарха Фотия в 1930 году. Начавшаяся 2-я мировая война отдалила эти планы на неопределенное время.)

Советское руководство было прекрасно осведомлено о спорности такого замысла, ибо созывы Всеправославных соборов, Предсоборных совещаний и подготовительных комиссий к ним — прерогатива только Вселенского Патриарха. И все же пошло на этот шаг, будучи уверенным в согласии Православных Церквей стран «народной демократии».

29 мая 1946 года Совет Министров Союза ССР своим Постановлением № 1132-465/СС обязал Совет по делам Русской Православной церкви начать подготовку к проведению в Москве Вселенского Предсоборного Совещания с участием глав Автокефальных Православных Церквей. Были предложены и вопросы для общего обсуждения:

— о выработке общей линии по борьбе с Ватиканом;

— об отношении к экуменическому движению;

— о созыве Вселенского Собора.

А в марте 1947 года Совет Министров СССР утвердил и сроки работы Предсоборного Совещания — октябрь 1947 года. Совету по делам Русской Православной церкви рекомендовалось представить план проведения Совещания к 1 июля 1947 года, обязав Патриархию отправить соответствующие приглашения главам Автокефальных Церквей.

И если до 1947 года иерархи Русской Православной Церкви не осознавали всей глубины государственного замысла по использованию Церкви во внешнеполитических планах, то с весны 1947 года иллюзий не осталось.

Нельзя без волнения читать письмо Патриарха Алексия Вселенскому Патриарху Максиму, в котором он пытается объяснить причину готовящегося властью мероприятия:

«*Православная Русская церковь никогда не переставала, по заповеди Господней, блюсти единение духа в союзе мира и любви с достижимою Великой церковью, и всегда в важнейших делах церковных прибегала к содействию своих досточтимых братий — Святейших и Блаженнейших патриархов.*

И ныне она обращается к Вашему досточтимому Святейшеству по нижеследующему важному поводу.

За истекшие десятилетия перерыва непосредственного общения между братскими церквами в каждой из них накопились вопросы, решать которые необходимо взаимным согласием всех их Предстоятелей. Эти вопросы — общие для всей Православной церкви.

Таков вопрос о практической враждебности инославия, превращающего святое миссионерское дело в чуждую Христовой заповеди антиправославную пропаганду, иногда трудно отличаемую от политических акций.

Таков вопрос об отношении к расколу в русской церкви в духе полного единодушия между братскими церквами.

Таков вопрос, поставленный перед православием всего мира и, в частности, обращенный к нам в письме Вашего Святейшества от 4 февраля 1947 года, — принять ли, и в какой форме, участие в так называемом экуменическом движении, охватившем собой все прочие христианские общины мира, кроме Римско-Католической церкви. Духовный голод христианских масс, лишенных благодатного питания церкви, заставляет верующих христиан всех инославных общин поддерживать экуменическое движение.

Они видят в нем путь к спасительным источникам благодати, заключенным в ограде церкви. В то же время наблюдение за экуменическими путями в течение ряда лет пока не дали нашей Русской Православной церкви полноты уверенности в истинности этого пути и соответствия его православному понятию о церкви. И наша церковь не решается одна ни войти в ряды сотрудников экуменического движения, ни выразить этому движению обоснованный, хотя и горький для него отказ.

Русская Православная церковь заинтересована в братском разрешении со всеми Поместными церквами всех этих, а также и других общих для всех нас вопросов.

Вместе с тем, она с любовью принимает на себя и организацию совместного Совещания Предстоятелей всех Православных Церквей»[41].

Патриарх Алексий, осознавая всю двусмысленность текста письма, употребляет термин не «Предсоборное совещание», а «Совещание Предстоятелей Православных Церквей».

Подобные приглашения получили все Восточные Патриархи. И реакция на них последовала незамедлительно.

---

[41] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М., 1999. С. 168.

Уже 16 июня 1947 года Александрийский Патриарх Христофор прислал свой письменный отказ, изложив подробно причины:

«*...когда в минувшем году Высокопреосвященный Митрополит Ленинградский Кир-Григорий, по поручению Вашего Блаженства, рассуждал со мною о возможности созыва такого Собора в Москве, мы ответили ему, что мы не согласны собираться в Москве, а предпочитаем или Иерусалим, как место Великого и Всехристианского поклонения, или Св. Гору, где есть особо пригодное место для христианской молитвы и аскетических подвигов и где бы мы были совершенно избавлены от великого земного житейского смятения и всякого политического вмешательства и давления.*

Но теперь, когда прекратились и утихли страшные политические бури, возможно, чтобы немедленно и в том же году на мирной Св. Горе был созван этот Собор, но возможно это и в Иерусалиме, и гораздо меньше — в Москве.

По всем этим причинам, блаженнейший брат о Господе, мы полагаем, что в настоящее время у нас нет доводов в пользу созвания Всецерковного Собора именно в Москве»[42].

---

[42] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 — 1948 гг. М., 1999. С. 169.

Неудача не сломила стратегов. Несговорчивого Патриарха Христофора и Иерусалимского собрата его желали видеть в Москве несмотря ни на что. Спешно развернулся ремонт храмов-подворий для Иерусалимского и Александрийского патриархов (согласие на это Карпов получил лично от Сталина еще в марте 1945 года).

Но и это не помогло. В телеграмме от 3 июля 1947 года Иерусалимский Патриарх

ей писал: «*Мы не готовы к участию в предположенном Совещании*»[43].

Тимофей, Патриарх Иерусалимский (1878—1955). Патриарх Тимофей, в миру Пифагор Темелис, родился в семье священника 22 сентября 1878 года на греческом острове Самос. Получив на острове среднее образование, он в сентябре 1898 года отправился в Иерусалим и под патронатом патриарха Дамиана (1897—1931), происходившего также с острова Самос, поступил в Патриаршую богословскую школу, которую успешно закончил в 1905 году. 24 марта 1906 года принял монашеский постриг с именем Тимофей, а 10 апреля был официально принят в Братство Святого Гроба Господня. 16 апреля 1906 г. Тимофей был рукоположен в диаконы архиепископом Филадельфийским Софронием, в Крипте Воскресенского храма, на Гробе Господнем. Учился в Оксфордском университете. 5 января 1914 года Тимофей был рукоположен в священники архиепископом Кирьякопольским Ва-

[43] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 —1948 гг. М., 1999. С. 169.

силием, а 29 января возведен патриархом Дамианом в сан архимандрита. С сентября 1916 года Тимофей возглавляет Патриаршую типографию, а 13 апреля 1917 года назначается секретарем Священного общества. В ноябре того же года Тимофей вслед за патриархом Дамианом и членами Священного Синода изгоняется турецкими властями в Дамаск. С завоеванием Палестины англичанами и восстановлением законного Священного Синода Тимофей стал неустанно трудиться на самых различных постах Патриархии, так нуждавшейся в скором восстановлении. 23 августа 1921 года Тимофей избирается архиепископом Иорданским. В этом новом звании Тимофей совершил множество важных миссий за границей: в Афинах, Бухаресте, Лондоне и Америке, с достоинством представляя Сионскую Церковь на межконфессиональных конференциях. Плодотворно трудился архипастырь и в Палестине.

После смерти в 1931 году патриарха Дамиана и четырехлетнего периода местоблюстительства, 22 июля 1935 года, титулярный архиепископ Иорданский Тимофей избирается законным патриархом Святоградской Церкви. Его утверждение и признание представителем Британского Правительства произошло только 27 сентября 1939 года.

Не обошлось и без конфузов. Архиепископ Кипрский Леонтий решил, что его приглашают на Всеправославный Собор и в своем ответе был достаточно резок:

«От главы Кипрской церкви Архиепископа Леонтия.

Мы получили письмо Вашего Блаженства от 8 апреля 1947 года, и мы,

согласно каноническому положению, сообщаем, что, к сожалению, не принимаем приглашения на Всеправославный Собор, каковое полномочие имеет одна лишь Вселенская Патриархия Константинопольская как первая православная на нашем Востоке церковь.

29 июня 1947 года
Архиепископ Кипрский
Леонтий»[44]

Первому Председателю Отдела внешних церковных сношений (образован в апреле 1946 года) митрополиту Николаю (Ярушевичу) пришлось в ответной телеграмме дополнительно разъяснять, что *«имею честь сообщить Вашему Блаженству, что Вы, очевидно, впали в ошибку, т. к. наша Патриархия приглашает Предстоятелей Православных Церквей не на «Всеправославный Собор», но для Совещания по вопросам одинаково важным для всей Православной Церкви. Мы основываемся на том, что этим мы выполняем желание, высказанное Патриархами и их представителями на Московском Соборе 1945 года и подтвержденное и в 1945 и в 1946 годах»*[45].

[44] Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М., 1999. С. 169.

[45] Там же.

Так же, как и Патриарх Алексий, Владыка Николай понимал, чего хочет от Церкви власть, всеми силами стараясь изменить ситуацию. А архиепископ Леонтий говорил то, что думал:

«*Получили Вашу телеграмму. Благодарим за данные дополнительные разъяснения. Повторяем, не можем принять приглашение по причинам, указанным в предшествующей нашей телеграмме*»[46].

И только позиция Церквей стран народной демократии соответствовала московским задачам. Но их присутствие без Восточных Церквей Кремлю было не нужно.

Несостоявшееся Предсоборное Совещание осенью 1947 года вынуждало искать другие пути для сбора всех Предстоятелей Православных Церквей в Москве.

И он был найден...

В 1948 году исполнялось 500 лет автокефалии Русской Православной Церкви. Торжественное празднование этого события и должно было стать тем мероприятием, от которого Восточные Патриархи уклониться бы не смогли.

А при их присутствии уже можно было говорить о первостепенном значении Русской Православной Церкви в системе православного воинства. Празднества должны были быть приурочены к Совещанию Глав и представителей Поместных Православных

[46] Там же.

Церквей, на котором, по государственному замыслу, и должны были утвердиться нужные внешнеполитические документы.

За подготовкой в Москве внимательно следило и руководство Римско-Католической Церкви, и Всемирного Совета церквей (центра экуменического движения), опасаясь влияния СССР на Балканы.

Болгарию и Югославию в течение зимы — весны 1948 года посетили различные деятели Всемирного Совета церквей, имея беседы с митрополитом Стефаном и Патриархом Гавриилом. В Софию, Белград и Прагу приезжал Директор Отдела взаимопомощи пострадавшим от войны церквям при ВСЦ Кохберн. И он, и приехавший позже известный английский епископ Сесиль Дуглас Горслей добивались участия Болгарской и Сербской Церквей в экуменическом движении, стараясь ослабить на них советское влияние, тоже обещая материальную поддержку. И Москва отреагировала быстро. Как писал Г. Карпов в информационной записке правительству накануне открытия Совещания: «*В результате предварительной работы достигнуто единство мнений большинства приезжающих делегаций по основным вопросам повестки дня совещания, то есть осуждения антихристианской и антидемократической сущности папизма и отказа от участия православных*

церквей в предстоящей Ассамблее Всемирного Совета церквей»[47].

«Предварительную деятельность» осуществляли делегации Московской Патриархии, посетившие Болгарию, Югославию, Румынию, Албанию и Польшу, выполняя государственную задачу по ослаблению влияния *«экуменизма, греческих патриархов и реакционного духовенства внутри самих церквей этих стран»*[48].

И вновь неприятности доставил болгарский митрополит Стефан, продолжавший участвовать в экуменическом движении. По усмирению строптивого иерарха были задействованы «высшие эшелоны» в Болгарии:

«Через Министра иностранных дел Коларова были приняты меры. Он вместе с Премьер-Министром г. Димитровым имел беседу со Стефаном, после которой митрополит официально заявил об отходе от экуменизма как обслуживающего интересы англо-американских империалистов.

Несмотря на это заявление, имеются данные, что неофициально митрополит Стефан резервирует связи с экуменизмом через профессора Цанкова и протопресвитера Шавельского»[49].

Стефан I, митрополит Софийский, экзарх Болгарский. Митрополит Софийский. Являлся намест-

[47] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 172.
[48] Там же.
[49] Там же.

нико-председателем Священного Синода Болгарской Православной Церкви с 1944 по 1945 гг. 21 января 1945 г. избран экзархом Болгарским на Соборе Экзархата в Софии. В день своего избрания митрополит Стефан направил Константинопольскому патриарху Вениамину письмос просьбой снять осуждение Болгарской Церкви и признать ее автокефалию. 22 января 1945 г. Вселенская Патриархия издала томос о признании автокефалии Болгарской Православной Церкви. Экзарх Стефан отстаивал перед лицом коммунистического правительства Болгарии независимость Церкви в вопросах вероучения и внутреннего устройства, для чего неоднократно прибегал к помощи дипломатических представителей США и Великобритании. В июле 1948 г. экзарх, митрополит Софийский Стефан во главе делегации БПЦ участвовал в Совещании Глав и представителей автокефальных Православных Церквей, проходившем в Москве. Сообщил об отказе БПЦ направить представителей на генассамблею ВСЦ в Амстердаме в августе 1948 г. 30 августа 1948 г. на встрече с зам. Председателя Совета министров Болгарии В. Коларовым, последним были предъявлены требования об отказе Церкви от участия в воспитании молодежи и допущении членов компартии к ключевым должностям в церковной администрации. После отказа выполнить эти требования экзарх Стефан был смещен, официально это было представлено как результат внутрицерковного спора. 8 сентября 1948 г. экзарх Стефан был отстранен от дел, что было одобрено ЦК компартии Болгарии. 24 ноября 1948 г. он, больной, был направлен в с. Баня Карловского района, лишен права свободного передвижения и права совершать богослужение. Умер в 1957 г.

Но даже эти мелкие неудачи не омрачили главного результата: в экуменическом движении началось разногласие, вселенского объединения христианских церквей не получалось, а его лидеры меняли такти-

ку на ходу, о чем и докладывал правительству председатель Совета по делам Русской православной церкви:

«Наиболее дальновидные деятели этого движения подняли голос против стремления американцев провести Ассамблею в Амстердаме под флагом антикоммунизма.

Оппозиция против американцев особенно заметна среди скандинавов, швейцарцев, французов и голландцев.

В частных разговорах многие из них высказывают мысль о необходимости создания центра внутри Экуменического Совета, противостоящего американскому влиянию.

Такой центр, по мнению многих, может быть создан только при участии Русской Православной Церкви. В частности, секретарь Всемирного Совета церквей голландец Виссерт Хоофт заявил, что только с помощью Русской Церкви можно избавиться от опасности «американского христианства»[50].

Виссерт-Хоофт Виллем Адольф (1900–1985). Голландский пастор, лидер протестантского экуменического движения. Получил образование в университете г. Лейдена. Был секретарем Молодежной христианской ассоциации (YMCA). С 1932 г. – генеральный секретарь Всемирной студенческой христианской федерации. Генеральный секретарь Всемирного совета церквей (ВСЦ) с 1948 по 1966 гг.

[50] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 173.

Против антикоммунистической американской кампании с использованием экуменистов выступали не только лидеры оппозиции, но и представители Англиканской Церкви. Так, в частности, архиепископ Йоркский доктор Гарбетт в своем выступлении перед верующими 27 мая 1947 года заявил:

«*...Для священнослужителей в Англии есть много оснований к тому, чтобы избегать участия в чем-либо вроде «священной войны» или крестового похода против коммунизма.*

Церковь должна стремиться устранить страхи и подозрения, которые сейчас представляют опасность, ибо разделяют народы, и содействовать созданию порядка во всем мире, в котором Восток и Запад объединились бы на основах справедливости, правды и милосердия.

...Примерно третью часть огромного населения России составляют христиане. Они поддерживают коммунистическую систему. Если мы присоединимся к «священной войне», используя политическое и духовное оружие против всех тех, кто называет себя коммунистами, мы должны будем порвать с миллионами православных и других христиан»[51].

С одной стороны, Москву устраивала позиция Англиканской Церкви, выступив-

[51] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 173.

шей и против Ватикана, и против американизации христианства. Но с другой стороны, и настораживало: в Европе явно намечался новый лидер в лице Англиканской Церкви. И это новое обстоятельство следовало учесть на предстоящем Совещании.

Вторая половина 1947 года принесла также и изменения в отношениях США с Ватиканом. Их сближение стало очевидным, и это не могло не волновать советское руководство. Тогда же Ватикан установил дипломатические отношения с Египтом. Артар Хюгс был аккредитован Папой при египетском короле в качестве интернунция. Из сферы деятельности апостольской делегации в Египте, в которую входили все государства Аравийского полуострова и Палестина, территория Палестины и Каир были выделены в специальное Апостольское представительство в Иерусалиме.

Были предприняты и другие меры по объединению Христианских церквей вокруг папского престола, которые нашли свое выражение «*в установлении личной связи папского интернунция Хюгса с Александрийским Патриархом Христофором и с Коптским патриархом Абу-Юссефом*»[52].

Оценивая эти связи, митрополит Аксунский Николай, представлявший Патриарха Христофора в Адис-Абебе, в своем письме, опубликованном 13 марта 1948 года в га-

[52] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 174.

зете «Прогре Ежипсьен», так оценил сложившуюся ситуацию:

«*На Западе сейчас спешно идут приготовления к «международному собору церквей» в Амстердаме. На Востоке славянские православные церкви также стараются достичь новой организации, применительной к современным обстоятельствам.*

Ватикан находится между этими двумя течениями — между протестантством и коммунизмом»[53].

Позиция Александрийского Патриарха Христофора становилась все более опасной для Москвы. По данным Советской миссии Хюгс прилагал все усилия к тому, чтобы «*Патриарх Христофор должен был собрать глав Православных церквей Востока и получить от них согласие на ряд совместных действий с католиками и на отклонение ими приглашения Патриарха Алексия на Московское совещание 1948 года*»[54].

И действительно, в Каир были приглашены и Иерусалимский, и Антиохийский патриархи, и Местоблюститель Кипрской митрополии.

Но прибыл туда только Антиохийский Патриарх Александр, который после определенного давления решил не ехать в Мос-

[53] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 174.
[54] Там же. С. 175.

кву. Но по возвращении домой его ждало *«осуждение со стороны членов своего Синода за отказ от участия в Московском совещании»*[55].

Оказавшись под давлением и своих архиереев, и английского посланника Хустона Бодуэлла, Патриарх все же принял решение послать делегацию в Москву в составе митрополита Ливанского Илии Карами и Хомского Александра Джиха.

За Патриархом Константинопольским Максимосом наблюдение велось особенно тщательно. Вселенский Патриарх переживал тяжелые времена: в Турции усилилась клеветническая кампания против Святейшего. Его обвиняли в том, что он выступает открыто на стороне греческих монархофашистов, не отлучает коммунистов от церкви, не уступает Патриаршего престола кандидату американцев — Нью-Йоркскому архиепископу Афинагору[56].

Последнее обстоятельство особенно волновало советское руководство, т.к., выдвигая своего кандидата на Вселенский престол, американцы тоже стремились к влиянию на православный мир. И если церкви стран народной демократии из-под влияния Москвы увести было трудно, то на колеблющихся Восточных Патриархов можно было давить.

---

[55] Там же.
[56] Там же.

И на Московское совещание Патриарх Максимос отправил своего экзарха по Центральной и Западной Европе митрополита Фиатирского Германоса, который, по мнению компетентных органов, «*преследует цель привлечь Русскую и Православные церкви Балканских стран в экуменическое движение с тем, чтобы предотвратить срыв предстоящей Амстердамской Ассамблеи*»[57].

Благодаря этому и Патриарх Христофор, и Греческая Церковь решили послать свои делегации, ограничив их пребывание только на торжествах. В этом отношении характерно извещение Константинопольской Патриархии, говорящее о делегировании митрополита Германоса на церковные торжества без упоминания о Совещании.

Исходя из такой сложнейшей межцерковной ситуации, советское руководство ожидало от Константинопольской делегации попыток помешать «московскому сплочению» «*православных церквей стран народной демократии вокруг Московской Патриархии*»[58]. И, как было отмечено в государственных документах, именно «*преодоление этих возможных затруднений и составит основную задачу в период предстоящего совещания*»[59].

---

[57] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 175.
[58] Там же. С. 176.
[59] Там же.

Совещание открылось 8 июля 1948 года. Торжественную речь Карпову готовили задолго. Еще в июне она прошла корректуру у Ворошилова и Вышинского. В ней были затронуты и моменты неполного представительства:

«Правда, главы некоторых древних греческих церквей, одни по независящим от них причинам, другие по соображениям стороннего, нецерковного характера, не прибыли на торжества»[60].

Эти слова были произнесены перед Католикосом — Патриархом Каллистратом, Патриархом Сербским Гавриилом, Патриархом Румынским Юстинианом, митрополитом Стефаном, главой Болгарской церкви, экзархом Вселенского Патриарха митрополитом Германосом, посланцем Антиохийской Церкви митрополитом Александром, Греческой — митрополитом Хризостомом, Албанской — епископом Паисием, Польской — архиепископом Тимофеем, представителями Московского Патриархата за границей. И прозвучала она в Воскресенском Соборе, куда после торжественного молебна в Богоявленском соборе прибыли гости.

Рабочие дни Совещания — 9 и 10 июля — проходили там же, строго соответствуя намеченной программе (отношение к Ватикану, экуменистам, Англиканской Церкви).

[60] Там же.

Доклады «Ватикан и Православная Церковь» протопресвитера Г. Костельника, «Ватикан и Православная Церковь в Болгарии» митрополита Пловдивского Кирилла, «Об английской иерархии» митрополита Сливенского Никодима, доклад об экуменическом движении протоиерея Г. Разумовского строго соответствовали поставленным властью задачам.

Костельник Гавриил Федорович (1886–1948) – протопресвитер. Родился в крестьянской семье в южной Венгрии. Окончил гимназию и университет в Загребе, духовную семинарию и университет во Львове, докторскую степень по философии защитил во Фрейбургском университете в Германии. С 1913 г. – священник Преображенского храма Львова, преподавал философию во Львовской Греко-католической богословской академии. За симпатии к православию освобожден от кафедры и должности редактора церковно-общественного журнала «Нива». В 1945 г. – руководитель «инициативной группы» униатского духовенства по воссоединению с Московским патриархатом. Один из организаторов Львовского собора 1946 г., «ликвидировавшего» Брестскую унию. Убит сторонниками сохранения унии в сентябре 1948 г.

Участники Совещания единогласно осудили Римско-Католическую Церковь за ее «подрывные» действия по отношению к православию, за упорное стремление к насаждению унии.

Главы и представители Православных Церквей не сочли своевременным участие Церквей в экуменическом движении, в котором тон задавали протестанты. В этих

новых условиях, когда протестантизм стал своего рода буфером между Ватиканом и американской христианизацией, в Москве еще не были «готовы к изменениям внутри самого экуменического движения». (Чуть позже попытки укрепить свое влияние во Всемирном Совете церквей будут предприняты.)

Но желаемые результаты получены не были. Никто из приехавших ни разу не обмолвился о Совещании как Предсоборном, никто не заговорил о будущем Всеправославном Соборе в Москве.

Но зато удалось другое. В ходе работы по созданию системы православного единства был нанесен ощутимый удар по Ватикану — в марте 1946 года Львовский Собор ликвидировал Брестскую унию. Римская Церковь лишилась своей паствы в Западной Украине и Закарпатье.

Еще в мае 1944 года И. Сталин попросил подготовить материалы о состоянии Римской Католической Церкви в СССР. Такая справка легла ему на стол 6 ноября того же года, составленная по приказу Л. Берии начальником 2-го Управления НКГБ СССР Федотовым. Из нее следовало, что в СССР действовало всего 2 костела — в городе Москве, предназначенный для обслуживания дипломатического корпуса, и в городе Ленинграде на Кронверской улице, который действовал в блокаду.

Но у Ватикана еще оставалась Греко-Католическая Церковь западных областей Украины. И именно по ней решено было нанести удар.

В Московском плане это звучало так:

«а) окончательно ликвидировать униатскую церковь в СССР;

б) подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых странах за границей (например, в Чехословакии, Югославии)»[61].

Просто и лаконично. А это — 1997 церковных приходов в западных областях Украины и еще 399 приходов в Закарпатской области... 350 лет со времен унии...

Все происходило, как в далекие 20-е годы, когда власть в лице ОГПУ «разработало и провело» раскол в Патриаршей церкви, который вошел в историю как «обновленческий». С униатами обошлись так же. И истоки этого раскола отражены в государственно-партийных документах.

Февраль 1945 года:

«ЦК ВКП(б) товарищу Сталину И. В.

Будучи в Москве, я Вас информировал о проведенной работе по разложению униатской церкви и переходу униатского духовенства в православную церковь. В результате проведенной работы из числа униатского духовенства образовалась «инициативная группа». Эта груп-

[61] Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 184.

па прислала в адрес Совнаркома следующие документы (в 1922 году большевики тоже создали группу, «куда вошли» А. Введенский со товарищи, — **О. В.**):

1. Письмо в Совет Народных Комиссаров о положении греко-католической церкви в Западной Украине.

2. Письмо «инициативной группы» ко всему духовенству греко-католической церкви. Этот документ они разошлют после того, как мы разрешим существование «инициативной группы».

При вручении документов работнику НКВД, который называется референтом по делам вероисповеданий при СНК Украины, — Даниленко, они просили, при положительном решении вопроса, «Письмо в Совет Народных Комиссаров» не публиковать, пока они второй документ не разошлют всему духовенству по епархиям. Все документы составлены самими церковниками, в редактировании их наши люди никакого участия не принимали. (Автор письма кривит душой. Документы составлялись с подачи и под наблюдением НКВД — **О. В.**)

Посылаю Вам текст нашего ответа. Считаю, что следует согласиться с их просьбой, предоставить им возможность разослать письмо духовенству греко-католической церкви, после этого опубликовать эти документы в газетах

западных областей Украины. Мы разрешили республиканским газетам ввести «сменные полосы» для населения западных областей Украины, в которых тоже можно опубликовать эти документы.

Прошу Ваших указаний.

Если будут у Вас какие-либо замечания по тексту униатских документов, мы сумеем через нашего представителя эти замечания внести.

Относительно нашего ответа «инициативной группе», как Вы посоветуете, послать его за моей подписью или же за подписью уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при СНК УССР.

Н. Хрущев»[62]

Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971). Член РКП (б) с 1918 г. В 1935—1938 гг. и 1949—1953 гг. 1-й секретарь Московского комитета ВКП (б). В 1938—1949 гг. 1-й секретарь ЦК КП (б) Украины, в 1944—1947 гг. Председатель СНК (Совета министров) УССР. В 1953—1964 гг. 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 г. Председатель Совета Министров СССР. В октябре 1964 г. отправлен на пенсию.

О серьезности готовящегося мероприятия говорит уже то, что личный контроль над ним осуществлял сам И. Сталин, готовящий удар не только по внешнему противнику — Ватикану, но и по искоренению Униатской Церкви как организующей силе анти-

[62] Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 185.

советской борьбы на Западной Украине. Именно она и в 30-е годы, и в военное лихолетье поддержала украинский сепаратизм.

Московский план по переходу униатов в православие сразу же решал две проблемы — уничтожение влияния Ватикана в советских западно-украинских землях и лишение духовной основы украинского сепаратизма.

В апреле 1945 года были арестованы правящий митрополит униатов в Галиции Иосиф Слипый и все четыре епископа: Чарнецкий И. А., Бутка Н. М., Хомышин Г. Л., Лятышевский И. Ю.

Иосиф Слипый (1892—1984) митрополит, глава УГКЦ. Родился в селе Заздрость на Тернопольщине 17 февраля 1892 года. Учился во Львове, Инсбруке и Париже, с 1928 по 1944 год был ректором семинарии и богословской академии УГКЦ во Львове. В 1939 был рукоположен во епископа митрополитом Андреем Шептицким, после смерти которого в 1944 году возглавил украинских греко-католиков. Летом 1945 года митрополит Иосиф был арестован по обвинение в пособничестве немецко-фашистским оккупантам и 18 лет провел в тюрьмах и лагерях. В 1963 году — после обращения папы Иоанна XXIII и президента США Джона Кеннеди к Никите Хрущеву — был освобожден и выехал в Рим, где и провел остаток жизни. В 1992 году останки Иосифа Слипого были перезахоронены во львовском соборе св. Юра — главном храме УГКЦ.

Спустя почти год, 1 марта 1946 года, прокуратура УССР опубликовала в газете «Львовская правда», что эти четыре лица были арестованы за активную предательскую и пособническую деятельность, де-

ло по их обвинению передано в Военный трибунал.

Активные униатские священнослужители также подверглись массовым арестам. Остальные, их было свыше 900, поставили свои подписи на прошении о «добровольном» присоединении к Православной Церкви.

Наверное, среди них были искренне желавшие этого. Но большинство — из страха перед репрессиями.

По государственному плану добровольное воссоединение должен был закрепить Собор. Выборы делегатов на него происходили без всяких правил. В районах, где проживали верующие, не желавшие воссоединения, делегатов не избирали вовсе, их назначали настоятели храмов. В районах, где сами священники были стойкими униатами, делегатов назначали местные «инициативные группы».

Самому Собору предшествовал «Иордан», который отец д-р Гавриил Костельник предложил совершить православному епископу Львовскому и Тернопольскому Макарию (Оксиюку) совместно настолько, насколько это позволяли каноны. «Иордан» состоялся во Львове. Два раза освящали воду: один раз греко-католическое духовенство, другой раз — православное. Во время духовного чина и то и другое духовенство стояло вместе. Стояли вместе и иконы, и церковные хоругви.

Но и перед д-ром Костельником, несомненным энтузиастом воссоединения, и перед властью стояла еще одна проблема, которая требовала решения в кратчайший срок: Собор не мог состояться без участия в нем своих епископов (свои были арестованы еще в апреле 1945 г.). Выход был найден быстро.

Патриарх Алексий назначил на 24 и 25 февраля 1946 года хиротонию во епископы отца Антония Пельвецкого (на Станиславскую епархию) и отца д-ра Михаила Мельника (на бывшую Перемышльскую, ныне Самборско-Дрогобычскую). Львовским епископом остался Макарий (Оксиюк), бывший архимандрит Успенской Почаевской лавры.

На хиротонию в Киев из Львова 21 февраля 1946 г. прибыла представительная делегация: отец д-р Костельник, о. Антоний Пельвецкий, о. д-р Михаил Мельник, о. Евгений Юрик, о. Иосиф Маринович, о. Тимофей Марко, о. Иван Крук, о. Василий Дрели, о. Мирон Крутяк, о. Константин Добрянский, о. Роман Дорик, о. Юрий Ванчицкий и о. Никита Павлосюк.

Экзарх Украины митрополит Иоанн (Соколов) не успел возвратиться из Москвы, куда был срочно вызван. «Инициативная группа» вечером осматривала красоты города.

Только 22 февраля 1946 года митрополит Иоанн смог утвердить программу дальнейших событий.

Она началась с акта присоединения к Православной Церкви всей делегации, который состоялся во время литургии, совершенной митрополитом Киевским и Галицким Иоанном. Богослужение проходило в Воздвиженской Малой церкви Киево-Печерской лавры — самой почитаемой святыни русского народа.

После воссоединения делегация приняла участие в Божественной литургии. С речью к Экзарху обратился о. Гавриил Костельник, говоря об исторической важности происходящих событий.

После литургии было совершено пострижение в монашество о. Антония Пельвецкого и о. д-ра Михаила Мельника. Вечером того же дня в Кафедральном соборе во имя Святого Равноапостольного князя Владимира было торжественное всенощное бдение, в момент которого и совершился акт наречения во епископы о. Антония Пельвецкого и о. Михаила Мельника.

Сама хиротония, согласно традиции Православной Церкви, совершена была отдельно: о. Антония — в воскресенье 24 февраля, о. Михаила — в понедельник 25 февраля 1946 года. Хиротонии совершил Экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий Иоанн и все епископы, прибывшие на торжества в Киев, в сослужении всех членов делегации и местного духовенства.

Бесспорно, Патриарх Алексий знал о насильственном присоединении униатов. Но пошел на попытку канонически оформить этот факт из-за единственной возможности спасти Церковь на униатской земле от полного истребления. Униаты оказались гонимы советской властью, а не православием, в то время как в сегодняшние дни православных в Галиции унижают сами униаты.

Сам Собор назначили на 8—10 марта 1946 года, т. е. он совпал с Первой Седмицей Великого Поста. Напечатанных приглашений было 225 для священников и 22 — для гостей из мирян. Но присутствовало 216 священников и 19 мирян из Львовской, Станиславской и Перемышльской епархий. Все заседания происходили в Кафедральном соборе Святого Юра.

Собор начался с колокольного звона «Кирилла» в Успенской церкви, а потом зазвонили и другие колокола. Во все дни Собора «Кирилл» звонил с 10 до 11 часов утра и с 5 до 6 после полудня.

После молебна «О призывании Святого Духа» Председатель, о. д-р Гавриил Костельник предоставил слово епископу Антонию (Пельвецкому) для доклада о деятельности «инициативной группы» по воссоединению Греко-Католической Церкви с Православной.

Во время его выступления в храм вошли посланцы от Московской Патриархии —

епископы Макарий (Оксиюк) и Нестор (Сидорук) и управляющий делами Украинского Экзархата протоиерей Константин Ружицкий.

Речь епископа была выслушана в полном молчании. Отец Гавриил сделал попытку втянуть присутствующих в дискуссию о разрыве с Ватиканом и воссоединении с Московской Патриархией. И на это не последовало ответной реакции. В прениях с о. Гавриилом выступили такие же «инициаторы»: священники Маринович и Лоточинский. По сценарию 20-х годов началось зачитывание телеграмм прихожан с требованием о немедленном воссоединении. («Требование с мест» — один из самых удачных внутриполитических приемов власти.)

Первый тягостный день закончился принятием Постановления, из-за которого все и затевалось. Его можно разделить на четыре части:

1) аннулирование Брестской унии 1596 года;

2) отделение от Римско-Католической Церкви;

3) возвращение к Православию;

4) воссоединение с Русской Православной Церковью в Советском Союзе.

Весь второй день был посвящен церковно-каноническому оформлению решения о воссоединении. Решено было направить обращение к Патриарху с прошением о

принятии (эти документы готовились властью с 1945 года) в молитвенное и каноническое единение с Русской Православной Церковью. Не была обижена и власть: на имя Председателя Президиума Верховного Совета УССР Гречухи М. С. тоже было послано обращение. Приветственные телеграммы от имени Собора были отправлены и Константинопольскому Патриарху Максиму, и Московскому и всея Руси Алексию, и представителям власти.

Власть не забыла и тех, кто не явился на это показное мероприятие. Для них было написано и принято специальное «Обращение к духовенству и верным Греко-Католической Церкви в западных областях Украины». Документ просто уведомлял их о происшедшем событии — «добровольном воссоединении».

Все формальности второго дня закончились в 15.00. Именно тогда в Собор Святого Юра вошел митрополит Иоанн Соколов, которому о. Гавриил Костельник передал полномочия Председателя.

Владыка торжественно открыл и зачитал грамоту Патриарха Алексия о принятии в лоно Русской Православной Церкви своих чад. На украинском языке для присутствующих ее зачитал епископ Львовский и Тернопольский Макарий (Оксиюк).

Последний день Собора, 10 марта, воскресенье, был торжественным и начался

праздничным богослужением, которое возглавил сам Экзарх митрополит Иоанн.

Все торжества, а также и отдельные рабочие моменты Собора по указанию власти были засняты на кинопленку. Они практически неизвестны зрителю до сегодняшнего дня.

Несколько дольше держалась Униатская Церковь в Закарпатье, но и она была сломлена. В августе 1949 года в Мукачевском Успенском монастыре закарпатские грекокатолики воссоединились с Московским Патриархатом.

Победа была полной. Ватикану был нанесен ощутимый удар. Чуть позже согласно плану была ликвидирована Униатская Церковь в Румынии (1948 г.) и в Словакии (1951 г.), где правящий епископат был почти полностью осужден.

И в Восточной Европе Москва лишала Римско-Католическую Церковь сфер влияния.

Существенный удар по Ватикану советское руководство планировало нанести и в католической Польше.

Непосредственное вмешательство советского государства в дела Польской Католической Церкви начались еще до окончания войны.

6 марта 1945 года заместитель министра иностранных дел А. Лозовский докладывал Молотову о положении Польской Католической Церкви:

«Демократическое правительство Польши проводит, по-моему мнению, неправильную политику по отношению к католической церкви, что может нанести большой ущерб демократическому развитию польского государства»[63].

Лозовский А. (наст. фам. и имя Дридзо Соломон Абрамович) (1878–1952), советский политический деятель, доктор исторических наук. С 1921 генеральный секретарь Профинтерна. С 1937 директор Гослитиздата. В 1939–1946 заместитель наркома (министра) иностранных дел СССР. С июня 1941 заместитель начальника, в 1945–1948 начальник Совинформбюро. Член ЦК ВКП(б) в 1939–1949. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Характеризуя Польскую Католическую Церковь в предвоенное десятилетие, Лозовский указывает на ее организационную силу и духовное влияние на общество: «В Польше насчитывалось в 1939 г. 14 217 католических священников, в том числе 2 кардинала, 3 архиепископа, 36 епископов.

Всего в Польше существовало 5 018 католических церковных приходов, 327 мужских монастырей с 6 178 монахами и 1560 женских монастырей, в которых находилось 15 613 монахинь.

...Католическая Церковь имела свое телеграфное пресс-агентство, ежедневные газеты и целый ряд периодических изданий[64].

[63] АВП РФ. Ф.7. Оп. 10. Пор. 23. Д. 316. Л. 1.
[64] Там же.

И самое главное, что считал А. Лозовский: «Католическая Церковь на протяжении всех лет после Октябрьской революции была оплотом антисоветской политики всех польских правительств»[65].

Следует отметить, что в своем отчете заместитель министра указал на то, что в период немецкой оккупации большинство польского духовенства подверглось жесточайшему преследованию за свои антифашистские выступления. Некоторые их них поддерживали нейтральные отношения с оккупационными властями, но были и такие, «которые выступали с проповедями против польских партизан. Были случаи, когда они их передавали в руки гестапо, о чем в свое время сообщало подпольное пресс-агентство партии «Строництво Людове» «Весь» («Деревня»)[66].

Но и это было не самым главным. Лозовского волновало послевоенное сосуществование «демократического государства» и католической церкви: «*Я понимаю, что в Польше нужна осторожная политика по отношению к католической церкви, но разве демократическая Польша заинтересована в том, чтобы сохранить власть и политическое влияние католической церкви?*»[67].

---

[65] АВП РФ. Ф.7. Оп. 10. Пор. 23. Д. 316. Л. 1.
[66] Там же. Л. 2.
[67] Там же. Л. 3.

Вывод напрашивался сам: «*Католическая церковь — это самая централизованная, самая мощная не только религиозная, но и политическая организация в Польше. Она составляла и составляет одну из важнейших опор польской реакции. Католическая церковь прокладывает путь для возвращения в Польшу обанкротившихся партийных и государственных деятелей. Такая политика попустительства по отношению к церкви может очень дорого обойтись польскому государству*»[68].

Но этого бы никогда и не случилось. У советской власти был большой опыт по расколу Церкви. По такому пути решено было пойти и в Польше: «*Между тем в руках Польского Комитета Национального Освобождения и Временного Польского Правительства имеется серьезное средство расслоения католической церкви, восстановления одной части священников против другой части*»[69]. (На этом ГПУ-ОГПУ «набило руку» еще при «обновленческом расколе» и успешно переносило опыт в демократическую Польшу.)

«*Для этого надо сурово покарать всех священников и князей церкви, которые помогали в той или иной форме оккупантам. Верующие католики поддержат по-*

[68] Там же.
[69] Там же.

литику правительства, направленную против предателей родины. Католической религии надо противопоставить патриотизм населения и под этим флагом бить и разгромить реакционную часть католического духовенства»[70].

А затевалось все это из-за претворения в жизнь советских планов в Европе: «*И если этого не будет сделано, то весь огромный аппарат католической церкви будет и дальше в руках польских католических епископов, а стало быть — в руках Ватикана.*

Централизованная, крепко сплоченная, дисциплинированная польская католическая церковь станет антидемократическим и антисоветским орудием в руках польской и международной реакции»[71].

Расслоение церквей по советскому сценарию прошло не только в Польше, но и в Германии, Румынии, Словакии...

А с 1946 года в советско-ватиканском противостоянии появились сведения о попытках прямого контакта.

Так, 22 ноября 1946 года в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР обратился настоятель Римско-Католической Французской Церкви в Москве американский подданный Антонио Лаберж [так в документе. — **О. В.**] с

[70] АВП РФ. Ф.7. Оп. 10. Пор. 23. Д. 316. Л. 4.
[71] Там же.

просьбой разрешить ему выехать в Рим для личного доклада Папе о положении церквей в СССР в январе 1947 года. Священник рассчитывал вернуться в Москву для продолжения своей деятельности.

Через члена Совета по делам религиозных культов К.Я. Пуго эта информация была срочно передана в МИД. Позже он был вызван для беседы с атташе 6-го Европейского отдела, где Пуго сказал о том, что: «*В беседе с Председателем тов. Полянским Лаберж утверждал, что он послан в СССР папой римским, и, хотя не будучи уполномоченным говорить от его имени, тем не менее он высказал свое личное пожелание о заключении конкордакта между Правительством СССР и Ватиканом, определяющего права римско-католической церкви в СССР*»[72].

Это высказывание Пуго усилил еще одним не менее интересным фактом: «*В последнее время отмечено много случаев, когда поляки-католики, ранее давшие согласие на репатриацию из западных областей СССР, отказываются от репатриаций, мотивируя запрещением папы римского выезжать за пределы СССР*»[73].

Демарш Ватикана означал одно: в СССР готовилась почва для продвижения католицизма.

---

[72] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 193.

[73] Там же.

Далее член Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР рассказал о нарушениях законодательства католическими священниками: так, в середине ноября 1946 года «*в Москву из Вильнюса приезжал католический ксендз Валеманьский, который нарушил существующий в СССР порядок, проводил богослужение в посольской церкви с разрешения Лаберже. После этого проездом через Ленинград Валеманьский пытался провести богослужение в ленинградской католической церкви, но уполномоченный Совета по Ленинграду запретил ему это*»[74].

О необходимости контакта с Ватиканом заявил через Совет архиепископ Рижский Спрингович. Он хотел от имени правительства СССР получить от Папы официальное согласие на посвящение в сан епископов двух священнослужителей из числа подготовленных им прихожан. Свою просьбу архиепископ мотивировал тем, что «*без разрешения папы римского этого посвящения он сделать не может, т. к. в противном случае оно было бы недействительно, а папа может разрешить только в случае согласия Правительства СССР*»[75].

Антоний Спрингович (Antonio Spingovics), католический архиепископ (1876–1958). Родился

[74] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 193.
[75] Там же.

1 ноября 1876 г. 24 января 1901 г. рукоположен во священники. 22 августа 1920 г. рукоположен во епископа Рижского. С 25 октября 1923 г. — архиепископ Рижский. В 1944 г., после того, как советские войска заняли Латвию, из нее были высланы все католические епископы, кроме Спринговича, который в 1947 г. рукоположил двух викарных епископов. Умер в 1958 г. в Риге.

Совет по делам культов через Пуго спрашивал МИД, а следовательно, и лично Молотова, как поступить с просьбой 78-летнего архиепископа.

О Спринговиче Пуго дополнительно сообщал: «*По внешним признакам всегда лояльно настроен по отношению к советской власти, о чем свидетельствуют следующие факты: после изгнания немецких захватчиков из Советской Прибалтики он отдал распоряжение всем подчиненным ему священникам отслужить молебны за здравие Красной Армии*»[76].

Любопытно, что все откровения Пуго вызвали у Деканозова, которому атташе передал свой отчет о беседе, негативную реакцию. Своей рукой внизу документа он написал: «*Кто такой этот Пуго! Что-то он многим интересуется и запрашивает вещи, которые выходят за его компетенцию. Спросить бы надо о нем в МГБ*»[77].

Деканозов Владимир Георгиевич (1898–1953) — руководитель внешней разведки органов безопасности СССР. С ноября 1940 г. по июнь 1941 г. —

[76] Там же. С. 194.
[77] Там же.

посол СССР в Германии. Заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1953 г. расстрелян в месте с Л.П. Берией и другими руководителями МГБ СССР.

Его раздражение понятно: все исполнители плана по созданию системы православного единства были загружены работой, а этот неизвестный выскочка из Совета по делам культов не только слишком много знал, но и сделал предложение, выполнение которого в 1947 году было ненужным: «*Совет по делам религиозных культов поставил своей задачей оторвать католическую церковь в СССР от Ватикана. Для этого необходимо, чтобы кто-либо из авторитетных руководителей католической церкви в СССР объявил об отходе от Ватикана. С этой целью Совет намеревается обратиться к архиепископу Спринговичу, не возьмет ли он на себя эту миссию?*»[78]. (Дальнейшие события покажут, что власть сможет контролировать католические приходы в Прибалтике и пытаться направлять их деятельность. А Ватикану придется мириться с этим. Но это будет много позже. В начале 70-х годов.)

А пока, подводя итоги отношениям между Москвой и Римом в 40-х — начале 50-х годов (до смерти И. Сталина), следует еще раз подчеркнуть, что борьба с Ватиканом

[78] Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 194.

была одним из центральных направлений внешнеполитической деятельности страны. И в этом противостоянии власть использовала и догматические противостояния между православием и католицизмом, и непростые отношения между Вселенской и Московской патриархиями, не вступая при этом ни в область канонического, ни в область догматического существования Русской Православной Церкви.

А сменившие И. Сталина политические лидеры не только не оценят предшествующий опыт, но и поведут свою, лишенную во многом дальнейших перспектив политику в области государственно-церковных отношений.

Глава 2

«Чувствую себя нервным от общего лада церковных дел...»

Именно такие слова написал в конце августа 1959 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский), оценивая государственно-церковную политику в стране. По его мнению, это было связано с каким-то новым отношением к делам Церкви «со стороны гражданских властей (больших и малых), о чем мне идут неофициальные вести с периферии»[1].

О конце 1950-х — начале 1960-х годов, вошедших в историю как период «Хрущевских» гонений на Церковь, за последнее десятилетие написано много серьезных[2,3,4,5]

[1] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 126. Л. 214.

[2] Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. 1917—1997. М.,1997 г. 831 с.

[3] Чумаченко Т. А. Государство, Православная Церковь, верующие. 1941—1961 гг. М., 1999. 248 с.

[4] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М., 1999. 400 с.

[5] Одинцов М. И. Государство и Церковь в России: XX век. М., 1994. 174 с.

исследований[6], раскрывающих политические и экономические аспекты этой кампании.

В этот период, наполненный драматизмом, советское руководство в кратчайшие сроки спешило решить религиозную проблему в стране. Говоря о политических аспектах, авторы указывают и на желание построить в СССР общество, коммунистическая идеология которого, освободившаяся от Сталинского наследия, еще смогла бы проявить себя, что, в свою очередь, исключало возможность любой духовной альтернативы, особенно религиозной.

Отмечалось, что определенная часть советского общества относилась индифферентно к масштабам кампании, а демократически настроенные «шестидесятники» считали, что в СССР может быть построено справедливое социально ориентированное государство, где христианству не будет места. Важную роль сыграли и кадровые перестановки. К Е. А. Фурцевой, Л. Ф. Ильичеву и ранее выражавшим недовольство прежним государственно-церковным курсом, прибавилась ретивая молодежь – А. Н. Шелепин, В. Е. Семичастный, А. И. Аджубей. Комсомольские вожаки стремились к решительной борьбы с Церковью, предлагая ликвидировать ровное отношение к ней как Сталинское наследие. А сам волюнта-

[6] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Лл. 64, 140.

рист-романтик Н. Хрущев считал, что в период перехода СССР к предкоммунистическим отношениям распространение научных знаний и изучение законов природы не оставляют места для веры.

Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974). Советский государственный деятель. Член КПСС с 1930 г. В 1954–1957 гг. 1-й секретарь МГК. С 1956 г. – секретарь ЦК КПСС. С 1960 г. – министр культуры СССР. Член ЦК КПСС с 1956 г. Депутат ВС СССР.

Ильичев Леонид Федорович (р. 1906) философ, государственный деятель. Академик АН СССР (1962). В 1961–1965 гг. – секретарь ЦК КПСС, с 1965 г. – заместитель министра иностранных дел СССР. Член ЦК КПСС с 1961 по 1966 гг. Депутат ВС СССР в 1962–1966 гг.

Шелепин Александр Николаевич (1918–1994), советский государственный политический деятель. В 1952–1958 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1958–1961 председатель КГБ при Совете Министров СССР. В 1961–1967 секретарь ЦК КПСС, в 1962–1965 председатель Комитета партийно-государственного контроля, заместитель председателя Совета Министров СССР. В 1967–1975 председатель ВЦСПС.

Семичастный Владимир Ефимович (р. 1924), советский партийный и государственный деятель. В 1946–1950 секретарь, 1-й секретарь ЦК ЛКСМ Украины. В 1958–1959 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1961–1967 председатель КГБ при СМ СССР.

Аджубей Алексей Иванович (1924–1993), российский журналист. Родился 10 января 1924 в Самарканде. Отец Аджубея, известный в начале века оперный певец (выступал под псевдонимом Войтенко), оставил семью, когда сыну было два года. В 1932 мать Аджубея с детьми переехала в

Москву. Его мать была известной в Москве портнихой, обшивавшей артистов Большого театра, а также жен партчиновников самого высокого ранга. В 1940—1941 Аджубей работал в геологоразведочной экспедиции в Казахстане, с 1942 служил в армейском ансамбле песни и пляски. После войны учился в Школе-студии МХАТ, а с 1947 на факультете журналистики МГУ. В 1949 женился на своей сокурснице Раде, дочери Н. С. Хрущева. Родственные связи способствовали карьере Аджубея. В 1951 он начал работать в «Комсомольской правде», быстро прошел путь от литературного сотрудника до главного редактора, в 1959 стал главным редактором «Известий». При нем газета превратилась в один из символов Хрущевской «оттепели», стала рупором либерализма. Оказывал политическое влияние на Хрущева, сопровождал его в заграничных поездках, участвовал в подготовке речей своего тестя. 1959 в соавторстве с Н. М. Грибачевым, Г. А. Жуковым, Л. Ф. Ильичевым и др. написал книгу о поездке Хрущева в США «Лицом к лицу с Америкой», которая в 1960 была удостоена Ленинской премии. После падения Хрущева лишился всех постов, в качестве ссылки направлен на работу в журнал «Советский Союз», где был заведующим отделом публицистики и печатался под псевдонимом Родионов, а также под именами своих друзей. В годы гласности опубликовал десятки статей, рассказывая правду о Хрущевской «оттепели» и годах застоя. С 1992 и до конца жизни — главный редактор газеты «Третье сословие». Умер 19 марта 1993 в Москве.

Власть не могла не учитывать также и значительно выросшую религиозность вышедших на свободу узников ГУЛАГа. Изживание страха привело к активизации верующих. (Так, в 1955 г. в Совет по делам Русской православной церкви поступило 1310 ходатайств и обратилось 1700 просителей об открытии храмов, а в 1956 году было на

955 ходатайств и 599 просителей больше)[7].

Важнейшей причиной изменения курса стала и экономическая. Именно жесткий контроль за финансовой деятельностью Церкви ляжет в основу «церковной реформы», речь о которой пойдет ниже.

Практически весь комплекс причин прослеживается сквозь призму жизни и деятельности Председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова. Метаморфоза, происшедшая с ним в период с 1953 по 1958 гг., — наглядный пример того, что люди, пришедшие к власти после смерти И. Сталина, не только не учли послевоенный опыт государственно-церковных отношений, но и сознательно искоренили все, что о нем напоминало.

Отчет Г. Г. Карпова на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева *«О состоянии русской православной церкви на 1 января 1953 года» очень обстоятелен. Составлен, как и все предыдущие, в спокойном, деловом тоне. На 1 января в СССР «на регистрации состояли 10 891 церковь и 2 617 молитвенных домов, из которых 1 455 являлись приписными к другим церквям и не имели своего штатного духовенства и исполнительных органов»*[8].

Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988), советский политический деятель, Герой

[7] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 452. Л. 1.
[8] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 452. Л. 5.

Социалистического Труда (1943). В 1939–1946 и 1948–1953 секретарь ЦК. В 1946–1953 и 1955–1957 заместитель председателя, в 1953–1955 председатель Совета Министров СССР, одновременно в 1955–1957 министр электростанций СССР. С 1957–1961 на хозяйственной работе. Член ЦК КПСС в 1939–1957, член Политбюро (Президиума) ЦК в 1946–1957 (кандидат в 1941–1946). Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина; один из наиболее активных организаторов массовых репрессий в 1930-х — нач. 1950-х гг. Неоднозначное отношение к решениям XX съезда КПСС (1956) и авантюристическая политика Хрущева, как внутри страны, так и на внешнеполитической арене: события в Польше, Венгерские события 1956, и главное, намерения Хрущева ввязаться в Суэцкий кризис и послать на Ближний Восток советские войска — заставили Маленкова летом 1957 предпринять неудачную из-за предательства Булганина попытку сместить Хрущева с поста Первого секретаря ЦК. В результате последовало постановление июньского Пленума ЦК КПСС 1957 об «антипартийной группе», в которой Хрущев механически объединил Маленкова, Кагановича, Молотова и «примкнувшего к ним Шепилова». Маленков был исключен из ЦК, смещен со всех постов и сослан в Усть-Каменогорск директором ГЭС, затем он был назначен директором ТЭЦ в Экибастузе, где проработал десять лет (1958–1968).

На 1 января 1953 г. в Русской Церкви было 59 архиереев, без учета находившихся за границей, 12 031 священник и 1 150 дьяконов составляли ее клир[9]. Но эти показатели были меньше, чем в 1952 г. Причину Г. Г. Карпов определил как «естественную убыль: «За 1952 год из

[9] Там же. Л. 4.

состава духовенства выбыло по причине смерти 619 человек, а вновь посвящено 316 человек и возвратились из заштата 80 человек[10]. Такое положение Экзарх Украины митрополит Иоанн (Соколов) в одной из бесед с уполномоченным Совета по республике охарактеризовал так: «*У нас в церкви с кадрами катастрофическое положение, нет священников и взять их негде*»[11].

Но, несмотря на эти проблемы, как позитивный момент были отмечены внешнеполитические мероприятия Церкви, самыми важными из которых стали:

«*...2. Составление и утверждение штатов и сметы на содержание Духовной миссии в Иерусалиме, выработка Положения о миссии, инструкций для работников миссии.*

3. Подготовка материалов о положении русских монастырей на Афоне для предъявления претензий со стороны русской и других церквей к греческому правительству и Константинопольскому патриарху.

4. Предъявление Московской Патриархией претензий Вселенскому патриарху по вопросам Финляндской и Польской церквей, по заграничным эмигрантским формированиям, настроенным враждеб-

[10] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 452. Л. 4.
[11] Там же. Л. 177.

но к Московской патриархии, но поддерживаемым Вселенским патриархом»[12].

Заканчивался отчет рекомендацией по дальнейшему расширению заграничных связей Церкви.

Стабильность в церковной жизни, о которой докладывал Г. Карпов, менее всего устраивала власть. В марте 1954 г. заведующие отделами пропаганды и науки ЦК совместно подготовили на имя Н. Хрущева докладную записку «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде»[13]. Того не надо было ни в чем убеждать. Никита Сергеевич имел большой опыт антицерковной работы. Он был организатором т. н. «ликвидации унии» в 1946 г., за которой последовало «добровольное» воссоединение грекокатоликов с Московской Патриархией (отголоски этих событий принесли много горя православным на Украине в начале 90-х годов). Кроме этой масштабной акции, он участвовал в 30-е годы в закрытии и уничтожении храмов Киева и Москвы.

Историки-исследователи, называя его «революционным романтиком», отстаивают положение, что Хрущев искренне верил в возможность скорого построения коммунизма, в котором не должно было быть места религиозным предрассудкам. В это верится с трудом. Забегая вперед излагае-

[12] РГАНИ. Ф.5. Оп. 16. Д. 650. Л. 18.
[13] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 34. Пор. 20. Пап. 146. Л. 36.

мых событий, приведу яркий пример. В августе 1959 г. Москву посетил известный итальянский гуманист мэр Флоренции Джорджо Ла Пира. Он был принят Н. Хрущевым, затем неоднократно писал советскому лидеру. И в одном из писем, датируемом 14 марта 1960 г., можно прочесть следующее: «Уважаемый господин Хрущев, от всего сердца желаю Вам скорейшего выздоровления. Вы знаете, я уже писал Вам об этом несколько раз, что я всегда молился Мадонне, нежной матери Христа, к которой Вы с юношеского возраста относились с такой любовью и такой верой, чтобы Вы могли стать подлинным создателем «всеобщего мира» в мире»[14]. (Это письмо не дошло до адресата, оно было задержано в советском посольстве в Италии и позже передано в МИД.)

Ла Пира Джоржио (La Pira Giorgio) (1904–1977) мэр Флоренции (Италия).

Вряд ли Ла Пира стал бы придумывать это, скорее всего подобный разговор состоялся при их встрече. Важность этого факта – в дополнительных штрихах к портрету Н. Хрущева: рассуждать о вере и искоренять ее более искусно, чем в довоенные десятилетия, бороться со «Сталинским наследием», оставаясь при этом человеком прежней системы по духу и плоти.

[14] РГАНИ. Ф.5. Оп. 16. Д. 669. Л. 1.

И таким был не он один. Выше уже говорилось о том, как новая эпоха отразилась на Г. Карпове. Так, уже в апреле 1954 г. в своем письме в ЦК КПСС он будет просить «указаний о задачах Совета для данного времени и установках по практической работе»[15], остро чувствуя приближение каких-то событий. И они последовали.

7 июля 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в подготовке которого активно участвовали М. А. Суслов, Д. Т. Шепилов и А. Н. Шелепин. Основная мысль документа — осуждение прежней «примиренческой» политики в «церковном вопросе». Предполагалось, по сути, вернуться к довоенным отношениям с Церковью. Звучали призывы к разоблачению «реакционной сущности и вреде религии» и к «наступлению на религиозные пережитки»[16]. Известно, что перед принятием постановления В. Молотов предупреждал Н. Хрущева, что оно «поссорит нас с духовенством и верующими, принесет массу ошибок». На это последовал ответ: «Будут ошибки — исправим»[17].

[15] РГАНИ. Ф.5. Оп. 16. Д. 754. Лл. 36, 37.

[16] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. Сс. 428—432.

[17] Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 350.

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982), советский политический деятель, дважды Герой Социалистического Труда (1962, 1972). В 1931–1936 в аппарате ЦКК — РКИ, Комиссии советского контроля. С 1939 1-й секретарь Ставропольского крайкома партии. С 1944 председатель Бюро ЦК партии по Литовской ССР. С 1947 секретарь ЦК КПСС. Член президиума ЦК КПСС в 1952–1953 и в 1955–1966. Член Политбюро ЦК КПСС с 1966.

Первыми на постановление откликнулись архиереи Русской Церкви. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) обратился к патриарху Алексию с просьбой созвать Собор для обсуждения создавшегося положения, митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) выступил перед студентами Духовных школ, публично подвергнув резкой критике происходящее. Призывы к мученичеству зазвучали из уст владыки Вениамина.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович, 1877–1961). Окончил гимназию и художественное училище в Киеве, в 1903 г. — медицинский факультет Киевского университета. В 1905–1917 гг. — земский врач в больницах Симбирской, Курской, Саратовской и Владимирской губерний. В 1916 г. присвоена степень доктора медицинских наук. С 1917 г. — главный врач Ташкентской больницы, с 1920 г. — профессор Ташкентского университета. С 1921 г. — священник. В мае 1923 г. тайно хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского. Вскоре арестован и отправлен в ссылку. С 1925 по 1927 гг. снова епископ Ташкентский, затем Елецкий. С декабря 1927 г. в ссылке в красноярском крае. В 1941 — 1943 гг. — главный хирург Красноярского эвакогоспиталя. С осени 1942 г. епископ Красноярский, с 1944 г. — архиепископ Тамбовский и Мичуринский. За вклад в медицину удостоен Ста-

линской премии первой степени. С мая 1946 г. архиепископ Симферопольский и Крымский.

Часть членов Президиума ЦК – В. Молотов, Г. Маленков, К. Ворошилов, участвовавшие в Сталинской политике «нового курса» 1943–1953 гг. в отношениях с Церковью, также выступали против таких резких антирелигиозных атак, считая, что они приведут к нежелательным для страны последствиям. Политическая борьба за власть еще не закончилась, и Хрущев со своими сторонниками вынужден был отступить. Но не надолго. Уже в отчете Г. Карпова за 1956 г. прозвучат горькие слова, отражающие новые процессы в государственно-церковной политике. «*На 1-е января 1956 г. в Советском Союзе состоит на регистрации 13 463 православных церквей и молитвенных домов, из них собственно типовых православных церквей – 10 844 и молитвенных православных домов 2 619.*

Эти цифры, как абсолютно точные данные Совета не для печати и не для пользования в пропагандистских целях, т. к. для заграницы и вообще для пользования ими, мы и церковь даем всегда (с 1944 г.) совершенно другие цифры (– под. Карповым).

Если мы общие цифры 1956 года сравним с данными на 1 января 1950 года, то уменьшение общего количества церквей и молитвенных домов составит 938 то-

чек (по точным данным). Если мы сравним уменьшение количества церквей с тем, что было ко дню окончания войны (1945 г.), то уменьшение составит, примерно, на две с половиной тысячи точек. По сравнению с данными на 1.1.1955 г. — увеличение на несколько десятков за счет восстановления учета и воссоединения униатов»[18].

Изменения коснулись и численности белого духовенства: «*...диаконы, протодиаконы, священники и протоиереи на 1 января 1956 года составляют 12 151 человек, т. е. на 1500 человек меньше, чем это было на 1 июля 1949 года*»[19].

Что касается возраста духовенства, то цифры были такие: среди 82 архиереев Русской Православной Церкви 62,2% старше 60 лет, «*в том числе 14 человек в возрасте старше 75 лет, моложе 50 лет только 5 архиереев. Среди священников 64% были старше 55 лет*»[20].

По сравнению с послевоенными годами почти вдове уменьшилось количество монастырей: «*Если в 1945 году мы имели в СССР 101 православный монастырь, то сейчас всего 57 монастырей и 9 скитов, и в них монашествующих 4 570*»[21].

---

[18] РГАНИ. Ф.5. Оп. 16. Д. 754. Л. 37.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] Там же

Но, несмотря на тревожные симптомы в государственно-церковных отношениях, и Г.Г. Карпов, и большинство сотрудников Совета пытались противостоять ситуации. Так, в мае 1957 г., выступая перед уполномоченными, Председатель Совета по делам Русской православной церкви подчеркнул, что главное «*...обеспечить стойкие нормальные отношения между государством и церковью*»[22].

Ни он сам, ни его примиренческая позиция не устраивали власть давно. С середины 1957 г. начинается подготовка смещения Г. Карпова с поста Председателя. В январе 1958 г. в Совет приходят новые сотрудники. После знакомства с ними Патриарх Алексий в разговоре с Управляющим делами Патриархии протопресвитером Н.Ф. Колчицким говорил с тревогой: «*Я думаю, что эта подготовка к уходу Карпова с должности председателя — это крайне нежелательно... Новым товарищам, вероятно, будет трудно работать, так как они, наверное, были активны в антирелигиозной работе*»[23].

Годом позже, в январе 1959 г., состоялось закрытое собрание коммунистов Совета по делам Русской православной церкви. На нем звучала резкая критика в адрес Г. Карпова, он был назван главным виновником

[22] Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 362.
[23] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Л. 30.

«ошибок и извращений» (сам Председатель отсутствовал из-за болезни сердца).

Вся предыдущая деятельность Совета в очередной раз была оценена как примиренческая и пособническая. В вину ставилось все: и поддержка ходатайств об открытии храмов, и ограничение их ликвидации, и льготное налогообложение духовенства по инициативе Совета.

Затем против Г. Карпова была разыграна комбинация с участием секретаря ЦК КП Молдавии Д. Ра и уполномоченного по республике П.Н. Роменского, которой суждено было стать последним штрихом в деле смещения Г. Карпова. Молдавские руководители желали уточнить доходы духовенства и выступили за отмену права Церкви приобретать транспортные средства для «нужд и обслуживания церковных органов». В письме от 5 марта 1959 г., адресованном ЦК партии, Д. Ткач писал: «*Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 22 августа 1945 года № 2137-546-е и от 28 января 1946 г. № 232-101-е церковным организациям и религиозным организациям предоставлено ограниченное право юридического лица. Им разрешено приобретение транспортных средств, покупка в собственность домов и новое строительство зданий. В связи с этим Совнаркомы республик обязываются в планах*

материально-технического снабжения предусматривать выделение строительных материалов религиозным организациям»[24]. По мнению партийного лидера Молдавии, Председатель Совета по делам Русской Православной церкви был всецело на стороне Церкви и в письме от *«10 июля 1953 г. № 644-е уполномоченному по Молдавской ССР было в категорической форме предложено не чинить препятствий духовенству в приобретении автомобилей.*

В другом его письме, от 2 октября 1958 года, № 2034 содержатся такие указания, которые, по существу, закрывают доступ финансовым органам к документам, учитывающим доходы церковных организаций, и дают возможность последним уклоняться от обложения налогами»[25].

Результат, по мнению Д. Ткача, был ошеломляющим: *«Уполномоченный по делам Русской православной церкви при Совете Министров МССР, выполняя эти и подобные распоряжения, стал оказывать активную помощь церквам, монастырям в приобретении ими различных транспортных средств, сельскохозяйственных машин, электростанций, строительных материалов, тем самым способствовать*

[24] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Л. 30.
[25] Там же.

расширению экономической деятельности религиозных организаций, обогащению духовенства, усилению влияния церквей и монастырей на население»[26]. Эти вопиющие факты не могли иметь место в социалистической Молдавии. И письмо с места (а сколько их было и сколько еще будет в истории Отечества XX века), подписанное Д. Ткачом, жестко выражало общественное мнение: *«ЦК КП Молдавии просит Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза поручить Совету Министров СССР отменить постановление СНК СССР от 22 августа 1945 года № 2137-546-е и от 28 января 1946 года № 232-10-е, а также распоряжения председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР тов. Карпова от 10 июля 1953 года № 644/с и 2 октября 1958 года № 2034»*[27].

Этого удара Г. Г. Карпов уже не вынес. Он остался один на один с новой политической действительностью, которая, используя лозунг «борьбы со Сталинизмом», уничтожала и позитивные явления, к которым, безусловно, относились государственно-церковные отношения послевоенного десятилетия. (К тому же и чувствовал он себя все хуже и хуже, очень болело сердце.)

---

[26] Там же. Л. 31.

[27] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Лл. 35, 36.

6 марта 1959 года Карпов пишет письмо в ЦК КПСС на имя Фурцевой Е. А. с просьбой его принять. В письме звучит отчаяние, внутренний надлом. Он позволяет себе резкие слова в адрес духовенства. Но, даже будучи почти окончательно сломленным, Карпов продолжает отстаивать прежние принципы отношений с Церковью, подчеркивая их государственную важность:

«*ЦК КПСС тов. Фурцевой Е. А.*

Я обращаюсь к Вам, Екатерина Алексеевна, только потому, что Вы занимаетесь нашими вопросами.

По сложившимся обстоятельствам сегодня я обратился в ЦК КПСС с просьбой освободить меня от должности председателя Совета и предоставить пенсию.

В моей жизни еще не было такого тяжелого морального переживания. Тяжело было, когда мне в 1956 году был вынесен строгий выговор за нарушение революционной законности в 1937 году — ведь это было первое взыскание, но я осознал и пережил.

Четыре месяца тому назад я был потрясен неожиданной смертью моей жены.

Сейчас новое переживание — не так легко уйти на пенсию после 44-х лет работы (на заводе, во флоте, ВЧК-ОГПУ-МГБ и 16 лет руководителем Совета), но и это переживу, так как вопрос этот тоже личный.

Почти 16 лет надо было общаться с малоприятной средой, в которой развиты все человеческие пороки, но партия поставила для установления необходимых отношений между государством и церковью, для использования церкви в наших государственных интересах, и доверие надо было оправдать.

Могу смело заявить, что совесть моя чиста, что политических ошибок я в работе не допускал, а недостатки в работе были и есть, и, если их понимаешь, всегда быстро исправишь.

...Что я прошу? Я хотел бы, чтобы Вы лично или т. Суслов, или другой Секретарь ЦК КПСС приняли меня.

Личных вопросов в беседе касаться не буду. Я беспокоюсь за дело, которому отдал четвертую часть своей жизни, и после долгих и тяжелых размышлений, когда я подошел почти к грани потери управления собою, я решил обратиться к Вам, т. к. если я не выговорюсь, я никогда не поправлюсь, а главное считаю своим долгом сказать Вам и Центральному Комитету свои соображения, так как вижу очень серьезные недоразумения, которые, если не поправить, могут привести к неправильным и нежелательным последствиям, а это не в интересах государства».

Карпов Г. Г.»[28].

[28] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Лл. 37–41.

(Но ни Фурцева, ни Суслов его не приняли, переложив встречу на заместителя Отдела пропаганды и агитации.)

Через восемь дней, 14 марта, он передает помощнику Фурцевой еще одно письмо. Там нет эмоциональных всплесков, оно обстоятельно и выдержанно, целиком посвящено отстаиванию принципов нормализации отношений государства и Церкви. Карпов подчеркивает внешнеполитические интересы страны, в осуществлении которых может принять участие Русская Православная Церковь: «*Из 14 автокефальных православных церквей мира 9 церквей целиком поддерживают начинания Московской Патриархии.*

...Сейчас предполагается подготовить и провести в течение 1—2 лет Вселенский Собор или Совещание всех православных церквей мира.

...Как же можно проводить эту работу... если мы будем... поощрять грубое администрирование по отношению к церкви и не реагировать на извращения в научно-атеистической пропаганде.

...Я считаю недопустимыми такие действия, как взрыв церковных зданий»[29].

В письме Г. Карпов отметил также недовольство духовенства массовыми фактами администрирования, сослался на размышления Патриарха Алексия об отставке. И,

[29] Там же.

оставаясь верным себе, вновь предложил сделать некоторые уступки, к примеру, разрешить построить здание для Киевской духовной семинарии[30].

Он знал, что слишком мало времени у него оставалось и что люди, пришедшие к власти, в силу разных причин, включая и малообразованность, не понимают и не будут понимать роли Церкви в истории государства, ее значения в жизни общества. Даже подконтрольная советскому государству, она продолжала нести свою духовную миссию. Он понял это. И духовная роль в этом прозрении принадлежала выдающимся иерархам XX столетия, с которыми ему посчастливилось общаться: Патриархам Сергию (Страгородскому) и Алексию (Симанскому), митрополитам Николаю (Ярушевичу) и Григорию (Чукову), архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому) и многим другим, с кем сводила его жизнь.

Отставка Г. Карпова затянулась еще на год. За его спиной власть готовила «церковную реформу», рассчитанную на несколько десятилетий и основанную на изменениях самих основ деятельности Русской Православной Церкви.

Начало ее проведения связано с постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культах».

[30] РГАНИ. Ф.5. Оп. 62. Д. 37. Л. 154.

Какие же статьи закона и когда нарушило советское духовенство?

Как известно, ленинский Декрет об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 года и последующие инструкции Наркомюста по его проведению в жизнь предусматривали положение, по которому церковным имуществом могли распоряжаться религиозные общества.

«Положение об управлении Русской православной церковью», принятое поместным Собором 31 января 1945 года, отстранило прихожан от управления имуществом и денежными средствами, вернув эту прерогативу, как это и было прежде, настоятелю. «Положение» получило силу документа, утвержденного правительством (Постановление Совнаркома было принято 28 января 1945 г.)[31].

Январское постановление 1960 года отмечало еще одно «нарушение» законодательства о культах: *«Следует также отметить, что постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» предоставило религиозным обществам право распоряжаться всем церковным имуществом, ведать наймом служителей культа. Однако вопреки этому закону, во главе каждой приходской общины верующих был поставлен настоятель храма, назнача-*

[31] РГАНИ. Ф.5. Оп. 62. Д. 37. Л. 154.

емый специальным архиереем.

...Служители культа сосредоточили все руководство приходами в своих руках и используют это в интересах укрепления и распространения религии»[32].

Как нарушение законодательства отмечалось также единоличное формирование настоятелями храмов «двадцаток» и их исполнительных органов, развитие благотворительной деятельности, воспитание церковного актива в духе непослушания властям[33].

В постановлении ЦК КПСС от 13 января 1960 г. подчеркивался и еще один момент, связанный с «узурпацией власти священнослужителями» — ослабление контроля за деятельностью духовенства и религиозных объединений.

А годом позже, 16 января 1961 г., Совет Министров СССР принял специальное постановление «Об усилении контроля за деятельностью церкви». Оно отменило все законодательные акты, принятые в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие.

Эти два постановления стали «Правовой» основой «церковной» реформы, включавшей в себя шесть основных положений:

«1) коренную перестройку церковного управления, отстранения духовен-

[32] Там же. Л. 155.
[33] РГАНИ. Ф.5. Оп. 62. Д. 37. Л. 155.

ства от административных, финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях, что подорвало бы авторитет служителей культа в глазах верующих;

2) восстановление права управления религиозными объединениями органами, выбранными из числа самих верующих;

3) перекрытие всех каналов благотворительной деятельности церкви, которые ранее широко использовались для привлечения новых групп верующих;

4) ликвидация льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, обложение их как некооперированных кустарей, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви, снятие профсоюзного обслуживания;

5) ограждение детей от влияния религии;

6) перевод служителей культа на твердые оклады, ограничение материальных стимулов духовенства, что снизило бы его активность»[34].

Идеологи «церковной реформы» отчетливо представляли себе, что «перестройка церковного управления» может оказаться делом «сложным и деликатным». Решение было найдено быстро: «*Для того, чтобы не вызвать каких-либо осложнений в отношениях между церковью и государ-*

[34] РГАНИ. Ф.5. Оп. 62. Д. 37. Л. 159.

ством, многие мероприятия проводить церковными руками»[35].

Так, само отстранение священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности в приходе, ключевое направление «реформы», было проведено по «государственной рекомендации» решением Синода Русской Православной Церкви от 18 апреля 1961 г. с дальнейшим утверждением его Архиерейским Собором 18 июля 1961 г., постановление которого мог отменить только Поместный Собор.

Большинство из присутствующих на Соборе епископов, понимая всю тяжесть этого решения, до конца не осознавали масштабов начавшихся гонений.

И слова Святейшего Патриарха Алексия, произнесенные им на Соборе, на долгие годы стали путеводной нитью для служения русского священства в новых условиях существования Церкви в советском государстве: *«Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будет прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдаться духовному руководству своих пасомых»*[36].

[35] РГАНИ. Ф.5. Оп. 62. Д.37. Л. 158.
[36] ЖМП, 1961. № 8. С. 6.

Эти слова-наставления давали силу противостоять лавине «церковной реформы», направленной, в первую очередь, на изменение всего строя церковной жизни и уничтожение порядка приходского управления. А само ее проведение планировалось на долгие годы.

Одним из первых мероприятий реформы стал единовременный учет всех религиозных объединений. При его проведении было «*выявлено много бездействующих церквей, не используемых молитвенных зданий, затухающих приходов. Совет принял меры по ликвидации практики субсидий таким приходам со стороны более сильных религиозных объединений и Патриархии, что повлекло прекращение их деятельности. На местах разобрались с каждым религиозным обществом. В соответствии с законом общественные здания, захваченные церковниками в период войны, были возвращены их прежним владельцам и превращены в учреждения культуры, школы. Многие слабые и распавшиеся религиозные объединения сняты с регистрации. Материальная база православия заметно сузилась*»[37]. (Такими словами докладывал в ЦК КПСС Ф. Фуров, зам. Председателя Совета по делам религий, в августе 1970 г., рапортуя об итогах перестройки церковного управления.)

[37] РГАНИ. Ф.5. Оп. 62. Д.37. Л. 158.

В цифровом измерении это выглядело так: в 1960 г. действовало 13 008 православных храмов, к 1970 г. их осталось 7 338[38]. За десятилетие прекратили *«свою деятельность 32 православных монастыря, в том числе Киево-Печерская лавра. Ныне* (1970 г. — **О. В.**) *действует 16 монастырей, в которых проживает 1200 монахов, главным образом, престарелого возраста. Сократилась за последние годы и сеть духовных учебных заведений, прекратили свою деятельность пять православных семинарий; ныне функционируют две духовные академии и три семинарии. Неуклонно снижается количество учащихся в духовных школах: в 1960 г. их было 617 чел., а в 1969/70 учебном году — 447. В минувшем году из духовных школ было направлено на приходы 57 чел. Церковь испытывает ныне кризис с кадрами священнослужителей. В 1969 г. из их числа по разным причинам выбыло 214 чел., а посвящено в сан 175 священников»*[39].

Отчет о десятилетних итогах реформы поражает своей циничностью. Никогда еще до 1960 г. власть не вмешивалась так откровенно во внутрицерковную жизнь, нарушая при этом весь строй ее существования. Давление было всегда: и в условиях

[38] Там же. Лл. 158, 159.
[39] РГАНИ. Ф.5. Оп. 62. Д.37. Л. . Л. 163.

террора 30-х, и в «новом курсе» 40-х — начала 50-х гг. Но такого тотального вмешательства история государственно-церковных отношений еще не знала: «*Совет по делам религий получил возможность держать под строгим контролем деятельность Московской патриархии, ее отделов, управлений и должностных лиц, влиять на все принципиальные решения главы церкви и Синода, оказывать воздействие на подбор епархиальных архиереев и всех других руководящих деятелей церкви.*

В настоящее время сложилась довольно широкая, можно сказать, всеобъемлющая и эффективная система контроля за деятельностью патриархии»[40].

Русская Православная Церковь встретила новые гонения, уже имея большой опыт существования в советском государстве. Так, 16 февраля 1960 г. на конференции советской общественности за разоружение выступил Патриарх Алексий. С высокой трибуны Предстоятель Русской Церкви произнес слова о гонениях, которые услышал мир: «Церковь Христова, полагающая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви

[40] ЖМП. 1960. № 3. Сс. 34–35.

есть и много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адовы не одолеют Церкви Его»[41]. Это беспрецедентное публичное заявление косвенно поставило точку в карьере Г. Карпова, участь которого была к этому времени определена. 21 февраля он был отправлен на пенсию, а Председателем Совета по делам Русской православной церкви стал В.А. Куроедов, партийный функционер, не обладавший и сотой доли способностей своего предшественника.

Куроедов Владимир Андреевич (1906–1994). С 1960 г.по 1965 г. – председатель Совета по делам Русской Православной Церкви. С 1965 г. по 1984 г. – председатель Совета по делам религий СССР.

За отставкой Карпова последовало снятие с поста председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Николая (Ярушевича), одного из выдающихся иерархов XX столетия, открыто выступавшего против ужесточения государственно-церковного курса.

В июне 1960 г. во главе Отдела внешних

[41] ЖМП. 1960. № 3. Сс. 34–35.

церковных сношений Русской Православной Церкви встал архимандрит Никодим (Ротов), с чьим именем будет связано большинство событий церковной жизни последующего драматического десятилетия.

«Церковная реформа» Хрущева — это лишь зримая сторона государственно-церковной политики. Была еще и другая — использование внешних церковных каналов для осуществления политических государственных планов. При этом власть не только не считалась с внешними интересами Церкви, а цинично попирала их, нисколько не заботясь о последствиях, которые могли иметь и имеют длительный исторический резонанс. К таким «государственным» деяниям относятся многие события, связанные с подготовкой и проведением Второго Ватиканского Собора и участие в нем наблюдателей от Русской Православной Церкви.

Глава 3

«Сии вещи не входят в круг наших понятий...»

Тысячу раз прав был Козьма Прутков, сказав однажды: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий»[1].

Именно таким долгие годы оставался в отечественной историографии период подготовки и проведения Второго Ватиканского Собора (1959—1965), совпавший с началом прямых политических контактов между советским руководством и Ватиканом.

Тогда же, в условиях глубочайшей законспирированности, была достигнута договоренность о начале негласных переговоров между представителями СССР и Ватикана о нормализации двусторонних отношений. И, как отмечал позже Ю. Карлов, чья дипломатическая служба в эти годы

---

[1] Козьма Прутков. Плоды раздумий. Мысли и афоризмы. М., 1990. С. 66.

прошла в советском посольстве в Италии: «*Без представления о том, как развивались эти контакты, какими были истинные побудительные причины, заставившие Н.С. Хрущева пытаться вовлечь Ватикан в орбиту советской внешней политики, вряд ли в полной степени можно понять характер отношений официальной Москвы к Собору и к тем решениям, которые на нем были приняты*»[2]. С выводами известного дипломата трудно не согласиться. Прав он и в том, что это непростое дело, т. к. заинтересованность советской политики той поры расходилась с характером официальной фразеологии.

Сложность понимания данного периода связана еще и с тем, что в свою тайную дипломатию государство ввергло и Русскую Православную Церковь, навязав ей присутствие на Католическом соборе, не считаясь ни с догматическими расхождениями между православием и католицизмом, ни с прозелитическими притязаниями Ватикана и ответными действиями православного мира. Русская Церковь сделала все возможное, чтобы сохраниться и перед этим натиском. И пытаясь дать оценку тем событиям, полезно следовать мудрому совету св. Иоанна Златоуста: «*...не должно оста-*

[2] Карлов Ю. Дипломатия Москвы и Второй Ватиканский собор // Второй Ватиканский собор: взгляд из России. М., 1997. С. 126.

навливаться на словах, а нужно обращаться к мыслям и узнавать цель говорящего, причину и время, и, сообразив все это, находить таким образом заключающийся в них смысл» (М., «Златоуст». Кн. 1, т. 3, С.17).

25 января 1959 года Папа Иоанн XXIII объявил о созыве в Ватикане Собора Католической Церкви. Первую реакцию Русской Церкви на этот призыв из уст Патриарха Алексия власть услышала на приеме по случаю 110-летия создания Антиохийского подворья в Москве, устроенном настоятелем подворья епископом Василием (Самаха) 22 февраля 1959 г. Среди приглашенных были послы ОАР, Судана, Ирака, Греции. Святейший Патриарх подчеркнул, что «*Русская Православная Церковь не может участвовать на соборе католиков и не считает такой собор Вселенским*». Его поддержал греческий посол, добавив, что и «*греческая ортодоксальная церковь также смотрит на этот вопрос, полагая, что Ватикан на соборе будет отстаивать свои интересы и догматы, не приемлемые для православия*»[3]. (Все увиденное и услышанное Г. Карпов доложил в секретной записке в ЦК КПСС тремя днями позже приема.)

А 2 апреля того же 1959 года состоялась беседа Председателя Совета по делам Рус-

[3] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Л. 28.

ской православной церкви с Патриархом Алексием, митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами Московской Патриархии протоиереем Н. Колчицким. Основной темой беседы стало отношение Русской Православной Церкви к созываемому Папой Иоанном XXIII Собору. Патриарх Алексий подчеркнул, что по существующим каноническим законам Православная Церковь не имеет права участвовать в этом Соборе, а также направлять своих представителей в качестве гостей или наблюдателей. «*Наоборот, мы приняли меры,* — заявил Патриарх, — *которые могли бы приуменьшить значение собора*»[4]. Такими мероприятиями, по мнению Предстоятеля Русской Церкви, могли бы стать консультации с Антиохийским Патриархом Феодосием, Александрийским Христофором и Сербским Германом, которые должны прибыть в СССР по приглашению Русской Церкви.

Христофор II (Данилидис), патриарх Александрийский. Митрополит Леондопольский Христофор II был избран на патриарший престол 21 июля 1939 года Поместным собором Александрийской Церкви. Перед избранием он давал обещание заполнить все вдовствующие кафедры Александрийской Церкви, улучшить материальное положение священников и многое другое. Однако новые политические условия, в которых оказался Александрийский патриархат после окончания второй мировой войны, когда увели-

[4] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Л. 75.

чился поток эмиграции греков в другие страны, особенно в Австралию, привели к сильному сокращению греческой паствы в Египте. Несмотря на это, патриарх Христофор продолжал энергично трудиться на благо Церкви, преодолевая возникшие трудности. Он смог добиться устранения распрей и раздоров внутри христианских общин, которые на протяжении целых десятилетий будоражили жизнь Церкви. Патриарх Христофор положил основание современной миссионерской деятельности Православной Церкви на африканском континенте. Его первым шагом на этом поприще стала хиротония архиереев в новоосновванные епархии Аккры и Иринополя. Ядром нового миссионерского движения стала Уганда, где был создан постоянно действующий миссионерский центр. Последовали хиротонии в иереи из коренных жителей. Было совершено освящение многих новопостроенных храмов. Большой резонанс получило рукоположение трех иереев, до этого бывших активными англиканскими проповедниками. Патриарх Христофор прилагал большие усилия для того, чтобы дети из семей местных жителей воспитывались в греческих школах Александрии, а следом отправлялись на обучение в университеты Греции, где они могли обучаться не только на богословском, но и на других факультетах. Цель этого была подготовить молодых людей для последующей миссионерской работы среди местного населения. Александрийская Церковь принимала участие во Всеправославной конференции, которая состоялась на о-ве Родос (Греция) в 1961-м году.

В последние пятнадцать лет патриарх Христофор, из-за возникших проблем со здоровьем, не созывал Синод, что в результате привело к его конфликту с епархиальными архиереями. Вместо Синода патриарх поручил специально им назначенным митрополитам Ермупольскому Евангелию и Иринопольскому Николаю, который впоследствии стал патриархом, вести часть дел патриархии. Это вызвало нестроения в управлении Церковью, что привело к появлению оппозиции.

21.07.1967 патриарх ушел на покой. Скончался в 1967 г.

Г. Карпова интересовала возможность созыва Всеправославного Собора (Председатель Совета по делам Русской православной церкви был верен этой идее «нового курса», берущей начало в 1943 г.). Как и ранее, Патриарх Алексий ответил Г. Карпову, что инициатором этого он стать не сможет, «*потому что по существующим церковным законам право на созыв таких соборов, конференций или совещаний представителей православных церквей стран мира принадлежит патриарху «первому среди равных». В настоящее время это право принадлежит Константинопольскому патриарху*»[5]. Это Г. Карпов хорошо знал. И все же закончил беседу просьбой рассмотреть вопрос о возможности созыва конференции или совещания православных церквей в 1960—1961 гг., приурочив его к какому-нибудь празднику, подчеркнув при этом, что «*Вас не должно стеснять и то обстоятельство, что подобное совещание состоится не в СССР, а где-то в другом месте*»[6].

Май 1959 года принес из Италии ошеломляющее провокационное сообщение и для власти, и для руководства Московского Патриархата.

---

[5] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Л. 75.

[6] Там же.

В журнале «Темпо» 19 мая 1959 г. за подписью неизвестного в Советском Союзе Ламберто Фурно была опубликована статья «Примут ли русские участие во Вселенском соборе», в которой автор сообщал миру, что «*Патриарх Московский и всея Руси Алексий VI* (цитата дается без изменений. — **О. В.**), *намерен принять участие в Соборе. И на самом деле в течение последних двух месяцев апостольский нунций в Вене монсиньор Делле Пиане встречался несколько раз с тремя православными епископами, направленными московским Синодом специально для встреч, если не для переговоров, об участии русских в соборе*»[7].

Ламберто Фурно указывал точный адрес тайных встреч: Вена, Терезианумгассе, дом 31. Красочное описание «трех бородатых прелатов» не оставляло читателя равнодушным: «*в своих весьма характерных клобуках, каждый раз направляясь на переговоры открыто, без каких-либо предосторожностей, и, может быть, вследствие этого необычного отсутствия загадочности и таинственности избежали несвоевременного разглашения сведений о важнейших встречах, первых встречах между представителями католиков и раскольников (здесь*

[7] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Л. 127.

речь идет о Русской Православной Церкви) с тех пор, как в СССР к власти пришли коммунисты»[8].

Что касается присутствия русских на Соборе, то, по мнению автора статьи, оно рассматривалось Ватиканом как весьма желательное, т. к. особых разногласий Ламберто Фурно не видел, «*если не считать серьезного вопроса о непризнании главенства и непогрешимости Папы», заявляя, что «других догматических расхождений между католиками и православными не существует, а литургические расхождения не могут препятствовать установлению взаимоотношений»*[9].

Историческая безграмотность и безапелляционность авторской позиции поражает. Чего стоит, например, заявление о том, что «*самые недавние секретные сведения, полученные на Западе, подтверждают, однако, что угрозы, насилие и всевозможные ограничения в течение 40 лет вызвали у православных естественный пересмотр их враждебного отношения к католической церкви»*[10].

Автор не может забыть возвышение позиций Московской Патриархии, ее противостояние ватиканскому давлению в послевоенное десятилетие. Жажда реванша

[8] Там же. Л. 128.
[9] Там же.
[10] Там же. Л. 130.

сквозит в каждом слове: «*Восточные раскольники переживают в настоящее время самый серьезный кризис в своей истории, и, таким образом, призыв Папы к единству пришел в тот весьма благоприятный психологический момент, когда доктрина «Москва — третий Рим» зашла в тупик. Эта своеобразная доктрина была сформирована в 16 веке монахом Филаретом* (имени монаха Филофея он не знает! — **О. В.**) *из Пскова и делала заключение, что, если «древний христианский Рим пал вследствие еретических заблуждений пап, второй Рим — Константинополь — вследствие своей унии с папой на флорентийском соборе по требованию митрополита Исидора, то остается последний третий Рим, это православная Москва, единственный хранитель христианской веры до конца света*»[11]. Выход из создавшегося «кризиса» Фурно видит только в воссоединении с Римом: «*В течение веков, особенно в последние 40 лет, духовенство и верующие раскольничьего Востока всегда были предрасположены к воссоединению с Римом, но этому разумному разрешению вопроса препятствовали 3 тысячи патриархов, епископов и архиепископов православной церковной иерархии*»[12].

[11] РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 126. Л. 131.
[12] Там же.

Для подтверждения своего тезиса о том, что сближаться отказывается только православная иерархия, Ламберто Фурно привел еще один «современный» факт: «*В последние дни пришло сообщение о враждебном отношении Сербского патриарха Германа, который угрожает суровыми репрессиями верующим и духовенству, благоприятно относящемуся к процессу сближения*»[13].

Московская Патриархия отреагировала на статью быстро и жестко. Опровержение подготовил Председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Николай (Ярушевич), который не только назвал измышления автора бредом, но и подчеркнул, что «*мы рассматриваем предстоящий «вселенский» собор, о котором говорил недавно папа Иоанн XXIII, как чисто католический, и ни в одном из таких соборов, созывавшихся папами со времени 1054 года (год разделения церквей) Русская Православная церковь не принимала и не предполагает принимать участие*»[14].

Власть полностью поддержала решение Московской Патриархии и Совета по делам Русской православной церкви об опровержении через советскую центральную прессу. 12 июня 1959 года заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союз-

[13] Там же.
[14] Там же. Л. 125.

ным республикам, один из Хрущевских идеологов, Л. Ильичев, порекомендовал давать его в «*спокойном тоне*», что «*позволит избежать возможной со стороны Ватикана провокации, выяснить подлинные причины публикации статьи, а в последующем* (— под. Ильичевым), *когда у Московской патриархии будет достаточно фактов, сделать более обстоятельное выступление* (— под. Ильичевым) *в печати об отношении Московской патриархии к католическому собору*»[15].

Для освещения дальнейших событий важно подчеркнуть, что уже в мае 1959 года итальянская сторона заявила о желании видеть русских на Соборе, а Московская Патриархия исключала любую форму своего участия в нем. И власть весной 1959 г. это мнение разделяла.

Официальное заявление Синода о том, что «*Московская Патриархия рассматривает предстоящий католический собор как чисто римско-католический акт и, со своей стороны, не имеет никаких оснований, тем более намерений, вмешиваться в это дело*»[16], прозвучало 31 июня 1959 г.

В предыдущей главе уже говорилось о том, что весь 1959 г. оппоненты Г. Карпова готовили его уход, который должен был совпасть и с отстранением митрополита

[15] Там же. Л. 134.
[16] ГАРФ. Д. 6991. Оп. 2. Д. 461. Л. 75.

Николая (Ярушевича) от должности Председателя Отдела внешних церковных сношений Русской Церкви, наиболее влиятельного и активного из русских архиереев, открыто не признающих новую религиозную политику власти.

Новый Председатель Совета по делам Русской православной церкви В. А. Куроедов 15 июня 1960 г. на встрече с Патриархом подверг резкой критике внешнюю деятельность Церкви: «*Патриархия за последние годы не провела ни одного крупного мероприятия по объединению Православных церквей вокруг Русской православной церкви, возглавляемой Московской патриархией, мероприятий, связанных с разоблачением реакционных действий папы Римского и усилением борьбы за мир.*

...Вам известны факты об активных наступательных действиях папы, его новой тактике и приемах антинародной борьбы»[17]. Активизация, по мнению нового Председателя Совета, должна была проявиться прежде всего в противостоянии Ватикану. Виновником неиспользованных возможностей внешней церковной деятельности В. Куроедов назвал митрополита Николая, сказав при этом, что тот еще и распространяет «слухи» об изменении отношения государства к Церк-

[17] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 21.

ви, которую «якобы» ждет физическое уничтожение. 21 июня 1960 г. митрополит Николай подал в отставку, решив продолжать бороться с новыми гонениями всеми возможными способами. Председателем Отдела внешних сношений стал его тридцатилетний заместитель архимандрит Никодим (Ротов), на которого владыка Николай в беседах с Куроедовым не раз указывал как на своего преемника.

Митрополит Николай решился на передачу по Би-Би-Си своей проповеди, произнесенной им в Голландии, об антицерковных гонениях в СССР. В июле 1960 г. приехавшему в Москву епископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) он заявил о своем увольнении по причине противостояния новому безбожному курсу власти. Владыка Николай просил епископа Брюссельского донести до сведения людей, живущих в мире, о начале новых гонений на Церковь в СССР. С такой же просьбой в августе 1960 г. он обратился к Председателю Христианских мирных конференций, чешскому профессору-богослову И. Громадке, главе Американского Экзархата митрополиту Борису. Через них Владыка Николай хотел привлечь внимание мировой общественности к положению Церкви в Советском Союзе, рассчитывая с ее помощью остановить возрастающие масштабы Хрущевских гонений.

Василий (Кривошеин) (1900—1985), архиепископ Брюссельский и Бельгийский. Всеволод Александрович Кривошеин родился 17.07.1900 в С.-Петербурге. В 1916 г. В. А. Кривошеин окончил гимназию и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Петроградского университета. Весной 1917 г. переехал в Москву, где продолжил образование на историко-филологическом факультете Московского университета. В годы гражданской войны уехал на Юг, чтобы вступить в Добровольческую армию; после потери 2 пальцев руки был эвакуирован из Новороссийска в Каир. С 1920 г. жил в Париже. В 1921 г. окончил филологический факультет Сорбонны. В 1924 г. записался студентом в только что основанный митр. Евлогием (Георгиевским) Православный богословский институт прп. Сергия Радонежского в Париже. В 1924—1925 гг. В. А. Кривошеин принимал участие в Русском студенческом христианском движении (РСХД), присутствовал на его съездах в Аржероне; в сент. 1925 г. выехал на съезд РСХД в Хоповском монастыре в Югославии, откуда вместе с С. Сахаровым (впосл. схнархим. Софроний) отправился в паломническую поездку на Афон, которая определила всю его последующую жизнь. Пробыл в Афоне до 1947 г. В сентябре 1947 г. гражданскими властями был выслан со Св. горы. При этом формально он оставался в составе братии Свято-Пантелеимонова монастыря. С 1951 года его жизнь была связана с Оксфордом.

26 мая 1958 г. постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода был назначен 2-м викарием экзарха в Западной Европе архиепископа Клишийского Николая (Еремина) с титулом епископ Волоколамский и пребыванием в Париже. 14 июня 1959 г. в Лондоне, в храме Успения Пресв. Богородицы (РПЦ), была совершена епископская хиротония. В ноябре 1959 г. переехал в Париж, где нес архипастырское служение в качестве помощника архиепископа Клишийского. После смерти (в апр. 1960) митр.

Брюссельского и Бельгийского Александра (Немоловского) указом Патриарха Алексия I и Священного Синода В. был назначен на Брюссельскую кафедру, на которой пребывал вплоть до своей кончины. Погребен на Серафимовском кладбище в С.-Петербурге, согласно его желанию быть похороненным в родной земле.

В конце августа 1960 г. В. Куроедов поставил перед Патриархом вопрос об устранении митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) от управления Московской епархией. Поначалу ситуация перекликалась с концом 20-х годов. Святейший предложил митрополиту Николаю Ленинградскую кафедру, тот ответил резким отказом. 9 сентября 1960 г. владыка Николай послал письмо Н. Хрущеву. Оно пронизано чувством глубокой горечи. Всю свою жизнь митрополит посвятил служению Церкви и стране: «*Пощадите меня ради этой моей посильной многолетней работы для Великой Родины, верным сыном и патриотом которой я был и буду до моего издыхания*»[18]. Ответа не последовало...

Патриарх Алексий, пытаясь остановить углубляющийся конфликт, решил предоставить владыке Николаю полугодовой отпуск, но власть через В. Куроедова потребовала его немедленной отставки. 19 сентября 1960 г. Святейший Синод принял решение освободить митрополита Николая

[18] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 162. Л. 180.

от занимаемой кафедры с увольнением на покой... (В той политической ситуации иного решения быть не могло. Но важно и другое: В. Куроедов не гнушался и откровенной клеветы, чтобы усилить разногласия между Святейшим и митрополитом Николаем.) 13 декабря 1961 г. владыка умер в больнице при странных обстоятельствах. *«По свидетельству очевидцев, близкие потребовали медицинского свидетельства о смерти. Было сделано врачебное заключение, что болезнь усопшего объясняется «переменой климата». У морга собралась большая толпа верующих, кричавшая людям, приехавшим за телом: «Убийцы». Сохранились анонимные письма в адрес Верховного Совета и правительства СССР с требованием расследовать это «несомненное убийство», все они передавались для выявления авторов в КГБ»*[19]. Закончился земной путь одного из выдающихся архиереев Русской Православной Церкви, с чьим именем были связаны важнейшие события церковной истории XX века.

Его молодой преемник, епископ Никодим, будет достойно продолжать дело владыки Николая в новых политических условиях, через жернова которых еще предстоит пройти Русской Церкви. Одним из таких

[19] Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. Сс. 374–375.

этапов станет для нее Второй Ватиканский Собор.

Епископ Никодим (Борис Георгиевич Ротов) родился 15 октября 1929 года в деревне Фролове Кораблинского района Рязанской области, куда семья переехала из Рязани, чтобы провести лето. Отец его, Георгий Иванович, работал инженером-землеустроителем. Мать, Елизавета Михайловна, была учительницей. После окончания школы Борис Ротов два года проучился в Рязанском педагогическом институте. Но рано проявившееся призвание к духовному служению определило его дальнейшую жизнь. 17 августа 1947 г. архиепископ Ярославский и Ростовский Димитрий (Градусов) рукоположил Бориса Ротова в дьяконы. А два дня спустя архиепископ Димитрий совершил его пострижение в монашество с именем Никодим. (Впоследствии свое иноческое имя он оформил и как гражданское.)

20 ноября 1949 г. архиепископ Димитрий рукоположил иеродиакона Никодима во иеромонаха. Служение его последовательно проходило в небольшом селе Давыдове Толбухинского района, в Переславле-Залесском и в древнем Угличе. С января 1952 г. он был назначен клириком кафедрального собора в Ярославле и секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского. Пастырское служение иеромонах Никодим сочетал с духовным образованием. В

1953 г. он окончил заочное обучение в Ленинградской Духовной Семинарии, а двумя годами позже — курс Академии по первому разряду. С февраля 1956 г. по октябрь 1958 г. архимандрит Никодим служил в Духовной Миссии в Иерусалиме, начальником которой он стал в сентябре 1957 г. По возвращении на Родину в марте 1959 г. он был назначен Заведующим Канцелярией Московской Патриархии, а с июня того же года одновременно и заместителем Председателя Отдела внешних церковных сношений. Как уже отмечалось выше, с 21 июня 1960 года архимандрит Никодим заменил владыку Николая на посту Председателя Отдела внешних церковных сношений. А 9 июля 1960 г. в Трапезном храме Троице-Сергиевой лавры было совершено наречение архимандрита Никодима во епископа Подольского.

Одним из первых мероприятий молодого Председателя ОВЦС стала подготовка визита Патриарха Алексия на Ближний Восток в ноябре-декабре 1960 г. Святейший должен был не только довести до сведения Восточных патриархов мнение Русской Церкви о предстоящем Соборе в Риме, но и встретиться с Вселенским Патриархом Афинагором, отношения с которым по-прежнему оставались непростыми. В отношениях между Константинополем и Москвой следовало учитывать не только политичес-

кое давление двух «империй» (СССР и США), но и церковные трения. Это и конфликт по вопросу о юрисдикции над диаспорой, споры вокруг автокефалии Польши, статусе Финской и Албанской Церквей, проблемы Болгарской Церкви, а также трудности, связанные с доступом русских монахов на Афон. Все эти проблемы упирались в основной вопрос о примате Константинополя.

Афинагор I (Аристокле Спиру) — патриарх Константинопольский (с 1948); (род. 25.03.1886, Цараплана (совр. Василикон, Греция), ум. 7.07.1972, Стамбул).

В 1903—1910 учился в Богосл. академии Константиноп. патриархата на о-ве Халки. В 1910 рукоположен в диаконы с именем А. В 1918 провел неск. месяцев на Афоне, в марте 1919 стал личным секретарем архиеп. Афинского Мелетия Метаксакиса (1871—1935), будущего патр. Константинопольского и Александрийского. 16.12.1922 А. был рукоположен в свящ., 23.12.1922 — в сан епископа с назначением в епархии о-вов Керкиры и Пакси, 12.08.1930 назначен архиеп. Сев. и Юж. Америки. Избран патр. Константинопольским 1.10.1948.

Следуя направлению церк. политики патр. Мелетия IV Метаксакиса, А. способствовал возрождению лидирующей роли Константиноп. патриархии в правосл. мире и упрочению единства среди поместных Правосл. Церквей, проводил последовательную подготовку Всеправославного собора и развивал межконфессиональные контакты, прежде всего — с Англиканской Церковью и экуменич. движением. В 1930 А. был секретарем предсоборной Всеправославной конференции на Афоне. В Пасхальном послании А. 1950 г. говорилось о том, что из всех правосл. Церквей таковыми являются лишь те, которые находятся в общении с Констан-

тинопол. кафедрой ап. Андрея. В 1961, 1963, 1964, 1968 по инициативе А. были проведены Всеправославные совещания, ставившие своей целью подготовку будущего Всеправославного собора. После 1963 А. активно налаживал контакты с Католической Церковью и встретился с Папой — Павлом VI во время паломничества обеих иерархов в Иерусалим (6.01.1964). 7.12.1965 по инициативе А. и Папы Павла VI в Ватикане и Стамбуле были торжественно денонсированы анафемы, взаимно наложенные друг на друга Константинопол. патр. — Михаилом Керуларием и кард. — Гумбартом Сильва-Кандидским в 1054. 25—27 июля 1967 года А. принимал в Стамбуле Папу Павла VI, а 26—28.10 того же года нанес ответный визит в Ватикан.

Визит Московского Патриарха явился своего рода ответом на посещение Вселенским Патриархом в декабре 1959 г. этого же самого региона. Во время своей поездки по Востоку Патриарх Афинагор оказал явную поддержку «*желаемому Папой Римским движению за объединение и дал понять, что если это послужит интересам христианства, то он готов лично отправиться к Его Святейшеству Иоанну XXIII*»[20].

В своих выступлениях Вселенский Патриарх неоднократно подчеркивал необходимость созыва Всеправославного Собора, который смог бы подготовить переговоры с неправославными церквами по основной цели объединения, потому что только оно, по мнению Фанарского Патриарха, спасет христианство от коммунистическо-

[20] АВП. Ф. 194. Оп. 51. Д. 158. Лл. 8—9.

го материализма: «*Коммунизм выступает против Иисуса Христа, против Церкви Христа... Не против буддизма, не против ислама, а против Христа. Чтобы спасти христианскую веру, нам нужно объединиться. Для этого я готов поехать в Рим*»[21].

(Экуменический энтузиазм вскоре угас, к середине 1960 г. стало ясно, что с уточнением римского плана проведения Собора стоит говорить не об экуменическом форуме, а об «обычном Поместном Католическом Соборе».)

Глава Русской Церкви приехал на Ближний Восток, чтобы «*сдержанно, но достаточно твердо сделать необходимые уточнения в Александрии, в Дамаске, в Иерусалиме, в Бейруте, Стамбуле и Афинах*»[22]. Московский Патриарх посчитал нужным подчеркнуть точку зрения Русской Православной Церкви, которая радикально отличалась от позиции Вселенской Патриархии. Так, после встречи двух Патриархов в Стамбуле епископ Никодим, сопровождавший Святейшего в поездке, на пресс-конференции сказал журналистам следующее: «*Русская Церковь не имеет никакого намерения участвовать в Соборе, т. к. не может быть осуществлен союз между православием и католицизмом, если Ва-*

[21] Там же. Л. 9.
[22] Там же.

тикан не откажется сначала от некоторых принципов, таких, как, например, непогрешимость папы; и если не примет догматических реформ, осуществленных в Православной Церкви»[23].

Что касается возможности вести переговоры с Римом, если они вдруг возникнут, Московская Патриархия оставляла за собой право решения, о чем было заявлено на пресс-конференции в Афинах: «*Мы почитаем и уважаем Константинопольского патриарха, но, как и все Автокефальные Православные Церкви, Русская Церковь желает сама изложить свою точку зрения*»[24].

Визит Святейшего Патриарха Алексия на Восток имел, безусловно, политико-религиозную основу в русле послевоенного внешнеполитического курса: необходимость нейтрализации идеи т.н. «вселенского объединения» православных, протестантов и католиков. Страстным защитником такого экуменического сближения в 1959—1960-х годах представал перед лицом христианского мира Вселенский Патриарх Афинагор. (Его позиция в ходе Второго Ватиканского Собора претерпит большие изменения.)

Глава Русской Церкви допускал возможность объединения Православных Церквей (— подчеркн. О. В.) при условии, что Константинопольский Патриарх не будет

[23] АВП. Ф. 194. Оп. 5. Д. 158. Л. 2.
[24] Там же. Л. 9.

присваивать себе право говорить от имени всего православного мира: «*Русская Церковь готова вступить в переговоры (об объединении церквей) даже одна, если будет поставлен об этом вопрос. То же самое могла бы сделать и Греческая церковь, которая почитает Вселенского патриарха, но в своей внутренней жизни является автокефальной*»[25].

Вряд ли можно более ясно отвергать примат Константинопольского Патриарха, признаваемого по традиции «первым среди равных».

Не оставил Патриарх Алексий никакого сомнения у Восточных Православных Церквей и по поводу позиции Московского Патриархата в отношении созываемого Иоанном XXIII Собора: «*Русская церковь абсолютно не намерена принять участие в этом соборе, так как объединение между православной и католической религией не может иметь места, если Ватикан не откажется заранее от некоторых своих принципов... Мы отвергаем все их нововведения...*»[26].

Позиция Московского Патриархата была оценена печатью, особенно греческой, с одной стороны, как защитника православия от хитросплетений Ватикана, а с другой — как желание лишить Вселенского

[25] АВП. Ф. 194. Оп. 51. Д. 158. Л. 12.
[26] Там же. Л. 11.

Патриарха остатков авторитета[27]. Сами же греки через ежедневную афинскую газету «То Вима» очередной раз подчеркнули, что греческая церковь «*всегда будет на стороне Константинопольской Церкви-Матери*»[28].

Возвращение Патриарха Алексия к восточному направлению внешнеполитической церковной деятельности было обусловлено не только традиционной борьбой за влияние между Москвой и Фанаром. Русскую Церковь не могли не волновать подчеркнутые симпатии Патриарха Афинагора по отношению к Католической Церкви и заявления о сотрудничестве с римским престолом в деле объединения, которые он делал как «первый среди равных» от всего православного мира. Волновало Московский Патриархат и слишком возросшее покровительство со стороны Вселенского Патриарха процессу сближения православных с протестантами. (В середине 40-х годов в условиях «холодной войны» И. Сталин совершил политическую ошибку, сделав все возможное, чтобы не допустить вхождения Русской Церкви во Всемирный Совет Церквей. Протестантские лидеры Европы были заинтересованы

---

[27] Мартано В. Роль Москвы: взгляд из Константинополя // Второй Ватиканский Собор: взгляд из России. М., 1997. С. 338.

[28] АВП. Ф. 194. Оп. 51. Д. 158. Л. 15.

в ее участии, т. к. рассматривали присутствие Русской Православной Церкви во Всемирном Совете Церквей как действенное противостояние процессу «американизации» христианства.) В новых условиях эту нишу религиозного влияния успешно пытался занять Вселенский Патриарх...

А советское руководство, в свою очередь, не могла не трогать явно выраженная проамериканская позиция Патриарха Афинагора и его слишком откровенные антикоммунистические выступления.

Но, несмотря на противоречия, при встрече двух патриархов удалось добиться многого: Патриарх Алексий заверил Патриарха Афинагора об участии во Всеправославном совещании на Родосе как Русской, так и других славянских церквей. (Патриарх Афинагор безрезультатно пытался созвать такое совещание на выгодных для Вселенской Патриархии условиях начиная с 1952 г.) Обговорив сроки — 1961 г., — Патриарх Алексий отметил, что присутствие на совещании Албанской, Болгарской, Польской и Чешской Церквей обязательно. Вселенский Патриарх пообещал и в течение двух месяцев выполнил свое обещание по нормализации положения Кирилла Болгарского, патриаршества которого он долго не признавал. Одновременно Московский Патриарх попросил содействия Патриарха Афинагора о вступле-

нии Русской Церкви во Всемирный Совет Церквей.

И только в одном согласия достигнуто не было: Москва не собиралась взаимодействовать с Фанаром в своем диалоге с Римом, если таковой может быть. В данном вопросе русские твердо стояли на своем: «*Коль скоро возникнет вопрос о переговорах с папой, — утверждал епископ Никодим, — Русская православная церковь, и только она одна, станет обсуждать его самостоятельно*»[29].

Что касается других Восточных патриархов, то они встречали Патриарха Алексия как высокочтимого Предстоятеля великой братской Церкви. Особенно горячий всенародный прием был оказан в Дамаске. И, как отмечали газеты: «*Проявленная русским прелатом щедрость явилась новым доказательством того особого интереса, который Московская Церковь проявляет по отношению к арабоговорящим православным Ближнего Востока. Так, например, в Дамаске Его Блаженство внес в качестве пожертвования десять тысяч долларов на благотворительные дела патриархата, в Бейруте он заложил первый камень православной больницы св. Георгия, взяв на себя расходы по ее строительству,*

[29] Мартано В. Указ. соч. С. 340.

составляющие 5 миллионов ливанских фунтов»[30].

Духовная и материальная помощь Восточным патриархатам была традиционной в истории Русской Церкви.

Иная реакция на визит Патриарха Алексия наблюдалась со стороны католиков Востока, которые радостно и приветливо в октябре 1959 г. встречали Вселенского Патриарха. В отношении Предстоятеля Русской Церкви с их стороны были проявлены сдержанность и недружелюбие. *«Этот своеобразный «бойкот» выразился еще в более категоричной форме, когда во время празднования дня рождения Московского патриарха и вопреки требованиям обычаев в подобных случаях главы католической церкви отказались принять приглашение участвовать в этих торжествах, направленное им православными церквями Сирии и Ливана»*[31].

Это отрицательное отношение со стороны восточной католической иерархии объяснялось, по заявлению одного из ее представителей, *«преследованиями в СССР и в коммунистических странах, направленными против объединенных восточных церквей в Риме, а также враждебным отношением Московского патриарха к*

[30] АВП. Ф. 194. Оп. 51. Д. 158. Л. 14.
[31] Там же. Л. 12.

папе римскому»[32]. Усугубляли враждебное отношение восточных католиков и постоянные высказывания и Патриарха Алексия, и епископа Никодима по поводу готовящегося Собора Римской Церкви как исключительно католического, а отнюдь не Вселенского, как пытался заявить о нем Папа Иоанн XXIII.

Что касается православного Востока, то он мог разделять позицию Русской Церкви, мог ее не разделять, но она была понята.

А дома Патриарха Алексия ожидали все те же серьезные проблемы: «церковная реформа» Н.С. Хрущева набирала обороты. И в этих условиях Синод Русской Православной Церкви принимает окончательное решение о вступлении во Всемирный Совет Церквей, подготовку которого начал еще митрополит Николай (Ярушевич) с августа 1958 г. Владыка возглавил тогда делегацию Московского Патриархата на встрече с Генеральным Секретарем ВСЦ Виссертом Хоофтом в Утрехте (Нидерланды). Во время переговоров были выработаны принципы вступления во ВСЦ Русской Православной Церкви, которая видела «*основной смысл сближения и участия в экуменическом движении в «экуменическом православном свидетельстве», устанавливая этим историческую связь наметившегося сближения с «православ-*

[32] АВП. Ф. 194. Оп. 51. Д. 158. Л. 12.

ным экуменизмом» нашей Церкви еще в XIX – начале XX века в духе Святейшего Патриарха Тихона и Постановлений Московского Собора 1917–1918 годов»[33].

Участие Русской Церкви во Всемирном Совете Церквей, по мнению и Патриарха, и митрополита Николая, открывало единственную возможность говорить с трибуны, пусть и в завуалированной форме, о новом периоде в жизни Русской Церкви в условиях нарастающих гонений. А в условиях подготовки Римско-Католической Церкви к Собору одним из направлений работы с ВСЦ могло стать усиление противостояния «католическому экуменизму» с помощью Русской Православной Церкви. Особенно следует подчеркнуть, что в этот период желание вступить во Всемирный Совет исходило от Московской Патриархии, а не от власти, как это уже имело место в 1946 г. Именно тогда экуменическое движение вошло в круг государственных интересов СССР. Давая ему оценку, Г. Карпов в своем отчете правительству писал: «*Экуменическое движение формально ставит своей целью объединение всех церквей для разрешения чисто церковных вопросов, а фактически, прежде всего, занимается политикой*»[34]. Не устраивала власть и руководящая роль в

[33] Православие и экуменизм. Документы и материалы. 1902–1998. М., 1999. С. 46.

[34] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 38.

движении Англиканской Церкви, хотя на встрече митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича) и архиепископа Кентерберийского доктора Фишера в Лондоне в 1945 году было выяснено, что англичане также отрицательно относятся к Ватикану и *«готовы принять участие в тех или иных мероприятиях, направленных против Ватикана, хотя и занимают пока в этом вопросе пассивные позиции»*[35]. Ожидалось, что в ответ на согласие участия в антиватиканском блоке архиепископ Кентерберийский поднимет вопрос о вхождении Русской Церкви в экуменическое движение. Решение этого вопроса по государственному замыслу должно было выглядеть так: *«По мнению Совета, Московская Патриархия должна в этом вопросе дать Англиканской церкви четкий ответ и предъявить свои условия, на которых она может принять участие в экуменическом движении. Дело в том, что, согласно действующему положению, Православным Церквам вообще в руководящих органах «экуменического движения» предоставлено всего лишь 17 мест из общего количества 90, а в совещаниях — 85 из 450 мест»*[36].

Естественно, что при таком положении дел Москва не могла влиять на направление деятельности экуменического движе-

[35] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 37.
[36] Там же.

ния. А данные о том, что движение все более политизировалось в 1946 году, были очевидны. И это Г. Карпов отмечал: «*Об этом особенно красноречиво говорят принятые на последнем заседании «экуменистов» в Женеве в 1946 г. решения с требованием пересмотра Потсдамских решений в отношении Германии, борьбы с марксизмом и т. д.*»[37]. Не учитывать эти обстоятельства было нельзя. По государственному замыслу, включающему в себя присутствие Русской Церкви в экуменическом движении с целью правильного на него воздействия, Московская Патриархия в 1947 году должна была предъявить Англиканской Церкви два условия своего участия в движении:

«*а) отказ «экуменистов» от политических выступлений и обеспечение чисто церковной деятельности этого движения;*

б) значительное расширение представительских мест для православных церквей во главе с Русской Церковью»[38].

При выполнении этих поставленных условий Московская Патриархия смогла бы влиять на экуменическое движение в нужном государственном направлении. В случае несогласия англичан государство считало, что «*Московская Патриархия дол-*

[37] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 37.
[38] Там же. Л. 39.

жна по-прежнему занимать роль наблюдателя»[39].

Но ни активным участником, ни наблюдателем Русская Церковь с подачи государства в 1947 году не стала. А политическое противостояние нарастало. Среди протестантских течений в экуменизме стали преобладать американцы, настроенные резко антисоветски. Многие европейские лидеры искренне считали, что только Русская Церковь в союзе с Православными Поместными Церквами сможет противостоять американскому влиянию. И очень желали этого. Но советское руководство рассудило иначе. Именно в тот момент, накануне Совещания 1948 года, поменялось государственное отношение к экуменизму — от настойчивого подталкивания русского православия в движение в 1946—начале 1947 года до осуждения экуменизма как «антисоветского» и «антикоммунистического». На наш взгляд, это решение было политически неверным: в условиях нарастающей конфронтации двух систем авторитет Русской Церкви мог стать сдерживающим фактором усиления американского влияния. Но стоит еще раз подчеркнуть, что Русская Православная Церковь в этот период не высказывала добровольного желания о вхождении в экуменическое сооб-

[39] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 25.

щество. В 1946–1948 годах оно интересовало только государство в политических целях.

К началу 60-х годов внешне политическая ситуация была иная. Иной стал и государственно-церковный курс. Изменились настроения и в самом Всемирном Совете Церквей. Изменились и настроения Ватикана к экуменическому движению. И все это надо было учитывать. И принимать решение. И такое решение Священный Синод при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси вынес 30 марта 1961 года:

«Слушали: Сообщение Преосвященного Митрополита Крутицкого и Коломенского Питирима, Председателя Комиссии по Межхристианским связям по вопросу взаимоотношений Русской Православной Церкви со Всемирным Советом Церквей и мнение Комиссии о целесообразности и полезности вступления Русской Православной Церкви в число членов Всемирного Совета Церквей.

Постановили: Считать вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей своевременным и просить Святейшего Патриарха послать письмо Генеральному Секретарю Всемирного Совета Церквей с заявлением о желании Русской Православной Церкви вступить в число членов Всемирного Совета Церквей»[40].

[40] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 421. Лл. 27, 28.

А 24 апреля того же года Генеральный Секретарь ВСЦ Виссерт Хоофт в ответном письме на имя Патриарха Алексия написал, что заявление Русской Церкви будет опубликовано в мировой прессе 27 апреля 1961 года. А все Церкви — члены ВСЦ будут непосредственно информированы о заявлении с тем, «*чтобы они уже знали, что им в ноябре этого года предстоит голосовать по этому случаю на Ассамблее Всемирного Совета Церквей, которая состоится в Нью-Дели*»[41]. В конце письма Виссерт Хоофт выразил уверенность в положительном голосовании, и тогда «*представители Церкви России, которые будут находиться в Нью-Дели, могут сразу же занять свои места в качестве делегатов на Ассамблее*»[42].

Все лето 1961 года шли последние подготовительные работы. Для осуществления связи между руководящим центром ВСЦ и Русской Церковью в Женеву были посланы протоиерей Виталий Боровой, Виктор Алексеев и Николай Афиногенов.

Боровой Виталий Михайлович, протопресвитер (род. 18.01.1916). Родился в с. Нестеровка Борисовского у. Минской губ., ныне Докшицкий р-н Витебской обл., Белоруссия). Из бедной белорусской, крестьянской семьи. После окончания 7-классной народной польск. школы поступил в 4-й класс Виленской ДС (1929), с 1936 по сентябрь 1939 г. учился на православном Богословском фа-

[41] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 421. Л. 14.
[42] Там же.

культете Варшавского университета. Переехав в Минск, с ноября 1941 г. служил делопроизводителем Минской духовной консистории, затем секретарем Минского архиепископа (с марта 1942 митрополита) Пантелеймона (Рожновского) и находившегося в Минске Могилёвского архиепископа Филофея (Нерко). За отказ провозгласить автокефалию Белорусской Церкви в июне 1942 г. немецкие власти отстранили митр. Пантелеймона от управления епархией и увезли в Ляданский Благовещенский монастырь, после чего Виталий Боровой уехал в Нестеровку. Минским архиепископом Василием (Ратмировым) 29 окт. 1944 г. Б. был рукоположен во диакона, 1 ноября— во иерея, назначен настоятелем кафедрального Петропавловского собора Гомеля, где раскрылся пастырский и проповеднический дар молодого священника. В 1945-1946 гг. по поручению архиепископа Василия свящ. Виталий Боровой возглавил организацию богословских курсов в Жировицком монастыре, впоследствии преобразованных в Минскую ДС. В 1945 г. Б. был назначен инспектором и преподавателем истории Церкви в новоучрежденной семинарии, в 1947—1954 гг. являлся также секретарем ее правления. В 1953 г. возведен в сан протоиерея. В 1953 г. Б. экстерном окончил ЛДА со степенью канд. богословия, в сент. 1954 г. был назначен старшим помощником инспектора академии и преподавателем истории древней Церкви. Защитил магистерскую диссертацию, за исследование «О коллекции Авеллана» в ЛДА получил степень почетного доктора богословия. 5 окт. 1962 г. утвержден в звании профессора богословия ЛДА по кафедре западных исповеданий. С 1972 г. проф. МДА по кафедре западных исповеданий, с окт. 1982 г. в аспирантуре МДА читал курс «Католичество». В 1987 г. в ЛДАиС прочел цикл лекций «Современное состояние экуменического движения и участие в нем православных Церквей». В июле 1956 г. Б. выступил с докладом «Символы веры и Соборы» на возобновившихся собеседованиях богословов и церковных историков РПЦ и Англиканской Церкви, проходивших в Москве, в

ОВЦС. С 5 июня 1959 г. прот. Виталий Боровой являлся сотрудником ОВЦС (с 28 авг. 1960 по 15 февр. 1961 — зам. председателя отдела, с 22 февр. 1963 по 23 июня 1966 — 2-м зам. председателя, с 15 дек. 1972 — консультантом, с 26 дек. 1984 по 14 ноября 1989 — зам. председателя, со 2 окт. 1997 — внештатным консультантом ОВЦС). 28 авг. 1960 г. прот. Виталий Боровой вошел в состав учрежденной Святейшим Патриархом Алексием I Комиссии по межхристианским связям РПЦ (с 17 окт. 1963 Комиссия Священного Синода по вопросам христианского единства, в наст. время синодальная Богословская комиссия). Прот. Виталий Боровой был активным участником подготовки вступления РПЦ во Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), проходившей во 2-й пол. 50-х гг. По приглашению генерального секретаря ВСЦ д-ра В. А. Виссерт-Хоофта в июне—июле 1959 г. прот. Виталий Боровой находился в Женеве с целью изучения деятельности и структуры Совета; в авг. того же года был наблюдателем от РПЦ на заседании ЦК ВСЦ на о-ве Родос; в дек. участвовал в приеме в Москве 1-й офиц. делегации ВСЦ, возглавляемой Виссерт-Хоофтом, с которым прот. Виталий Боровой плодотворно сотрудничал. По инициативе Русской Церкви на III Ассамблее ВСЦ (ноябрь 1961, Нью-Дели) в офиц. документы Совета было внесено положение о том, что основой для единства различных христианских конфессий является исповедание Св. Троицы. Предложение это высказал и разработал Б. Он входил в делегацию Русской Церкви на III Ассамблее ВСЦ, был избран в ЦК ВСЦ (переизбирался до февраля 1991), введен в комиссию «Вера и церковное устройство» и утвержден в должности члена ее рабочего комитета. С марта 1962 г. на протяжении 13 лет (с перерывами) Б. был представителем РПЦ при ВСЦ, настоятелем церкви в честь Рождества Богородицы в Женеве, участвовал в работе всех Ассамблей ВСЦ (включая 7-ю). С июня 1966 по июль 1975 г. был зам. директора комиссии «Вера и церковное устройство». В течение долгого времени трудился в Объединенной рабочей группе ВСЦ и Римско-католичес-

кой Церкви; присутствовал в качестве наблюдателя от РПЦ на всех заседаниях Ватиканского II Собора (1962–1965).
В составе делегации РПЦ участвовал в 1-м Всеправославном совещании на о-ве Родос (24–30 сент. 1961) (см. Совещания глав православных Церквей), положившем начало подготовке Великого Собора православных Церквей. Участвовал в работе Родосской богословской комиссии (создана Священным Синодом РПЦ 10 мая 1962), во многих всеправославных и двусторонних форумах и диалогах с инославными Церквами. На II Всехристианском мирном конгрессе (28 июня — 5 июля 1964, Прага) выступил с докладом «Проблема сосуществования как завет жизни и мира». С 60-х гг. сотрудничал с Конференцией европейских Церквей, Национальным советом Церквей Христа в США и Экуменическим советом Церквей Канады. В 1973-1978 гг. прот. Виталий Боровой в сане протопресвитера являлся настоятелем Богоявленского собора в Москве, с 28 дек. 1984 г.— почетным настоятелем московского храма Воскресения Словущего на ул. Неждановой (ныне Брюсов пер.). В 80–90-х гг. участвовал в богословских и церковно-исторических конференциях. (ПЭ. Т. VI. Сс. 81–82)

Состоявшаяся в ноябре – декабре того же года Третья Ассамблея Всемирного Совета Церквей была очень представительной: «*1200 делегатов от 200 протестантских, православных и других христианских церквей из 65 стран мира*»[43]. Примерно 60 процентов участников составляло духовенство и около 40 процентов мирян.

В Нью-Дели впервые в качестве наблюдателей присутствовали и представители Ватикана. Русская Православная Церковь была принята в члены ВСЦ 7 декабря. За

[43] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 190. Л. 162.

принятие голосовало 142 церкви, воздержалось 4 и голосовало против 3[44].

Это событие было встречено в основном положительно в западных церковных кругах. Исключение составили некоторые лидеры американского протестантизма, считавшие, что отныне деятельность ВСЦ будет проходить «не без глаз и ушей Советов». Католическая пресса также указывала на будущие опасности, пугая «разжиганием политических страстей», призывая членов ВСЦ к «*осторожности*» и «*бдительности*», так как «*русская церковь, вступив в члены ВСЦ, попытается направить все экуменическое движение на осуществление планов, подготовленных в Кремле, которые должны способствовать триумфу советской пропаганды через всемирное христианство*»[45].

И протестанты, и католики были правы, учитывая внешнеполитические аспекты государственно-церковной политики 1943—1953 гг. И лишь немногие из авторов публикаций как в светской, так и в церковной прессе отметили, что «*этот шаг Московской патриархии рассчитан на изоляцию Ватикана и будет несомненно использован Москвой для создания своего рода международного фронта против римо-католической церкви*»[46]. И это тоже

[44] Там же.
[45] Там же.

было правдой, как и то, что деятельность Русской Церкви в ВСЦ в пользу мира найдет там поддержку, и Ватикану будет труднее проводить свою политику в духе «холодной войны». На долгие годы правдой станет и отстаивание в ВСЦ русскими представителями незыблемости социалистической системы и ее приоритетов.

Этот бесконечный идеологический спор двух систем присутствовал во всех сферах общественной жизни. И на Третьей Ассамблее была сделана попытка осудить коммунизм. Но представитель Московской Патриархии предложил внести в резолюцию и перечень пороков капитализма. В результате сняли оба предложения, а один из делегатов американских церквей увел дискуссию в сторону, заявив, что «мы больше нуждаемся в борьбе с колониализмом, расовой и социальной несправедливостью, чем в выпячивании политического антикоммунизма»[47].

Да, эти политические мотивы будут сопровождать внешнюю церковную деятельность все время. Но не стоит забывать, что за политическим фасадом встреч стояли глубокие межцерковные проблемы. А на Ассамблее в Нью-Дели Русская Церковь совместно с Церквами из социалистических стран добилась отклонения резолюции,

[46] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 190. Л. 163.
[47] Там же. Л. 165.

предложенной руководством Всемирного Совета Церквей об установлении прямых и тесных контактов с Ватиканом, который желал и добивался этого с целью распространения своего влияния на другие христианские Церкви. Следует всегда помнить и еще об одном моменте: ВСЦ стал первой официальной международной трибуной для Русской Церкви, что в условиях Хрущевской «церковной реформы» давало хоть какую-то возможность для облегчения церковной жизни в стране.

Как уже отмечалось выше, осень 1961 г. была насыщена важными событиями для Русской Православной Церкви: и вступление в ВСЦ, и участие во Всеправославном совещании на Родосе. Оно проходило с 24 сентября по 1 октября 1961 г. как первое из серии трех встреч. И именно его повестку обсуждали в Стамбуле Патриархи Афинагор и Алексий. Русскую Церковь на Родосе представляли Председатель Отдела внешних церковных сношений архиепископ Никодим, архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин), епископ Таллинский Алексий и протопресвитер Виталий Боровой. Из светских лиц делегацию сопровождал переводчик Алексеев и служащий «иностранного» Отдела Патриархии некто И.В. Варламов, о котором владыка Василий написал позже в своих воспоминаниях так: «*...пренеприятная и нахаль-*

ная личность, если не чекист, то во всяком случае орган советских властей, присланный, чтобы наблюдать за действиями архиепископа Никодима»[48].

Обсуждение готовящегося Ватиканского Собора не входило в главные вопросы. Но все же присутствующие Церкви (их было 14) подчеркнули свое желание высказываться в духе единения по принципиальным вопросам. А Второй Ватиканский Собор, бесспорно, в такой круг вопросов входил.

Само же Совещание можно назвать результатом дипломатического искусства. Успех его был в том, что оно все же состоялось, и в том, что при обсуждении программы будущего Всеправославного Собора удалось свести к минимуму все разногласия. Главный же успех состоял в установлении взаимодействия славянских, греческих и арабских православных Церквей.

На Родосе проявились и дипломатические способности 32-летнего владыки Никодима. Позже архиепископ Василий, которого было трудно заподозрить в большой симпатии к молодому Председателю ОВЦС в означенный период, написал: «*Я готов признать, что он авторитетно и твердо, а вместе с тем умело и тактично защищал на первом Родосе*

[48] Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Н. Новгород. 1998. С. 276.

дело Православия в целом и достоинство Русской Церкви в частности. Особенно я ценю, что он твердо противостоял притязаниям Константинополя на почти что «папский» примат, на его попытки монополизировать дело подготовки и созыва Собора. Твердо по существу, но мягко и тактично по форме, так что единство Православия не только не было нарушено, но вышло даже усиленным. Среди греков, хотя и не всех, он приобрел авторитет и уважение»[49]. (Патриарх Афинагор, вероятно, надеялся также, что в случае приглашения из Рима он сможет представлять весь православный мир. Но из уст делегатов Совещания не прозвучало ни слова о возможности подобного делегирования.)

Последующие события развивались стремительно. В феврале 1962 года Фанар посетил мон. Виллебрандс (секретарь Секретариата по единению Церквей или «Секретариата христианского единства»). Он предложил Патриарху Афинагору подумать о возможности направить наблюдателей на Католический Собор. Была учреждена специальная комиссия для консультации с Православными Церквами по этому вопросу. Ею руководил митрополит Сардский Максим.

[49] Там же. Сс. 281–282.

Виллебрандс Йоханнес Герардус Мария (Willebrands Johannes Gerardus Maria), (род. 1909 в Нидерландах). Закончил Вармондскую семинарию и был рукоположен в сан священника 26 мая 1934 г. в г. Вармонд (Нидерланды). С 1934 г. по 1937 г. продолжил своё обучение в Риме в знаменитом Папском атенеуме "Ангеликум", где защитил диссертацию за звание доктора философии, посвящённую разбору взглядов кардинала Дж. Г. Ньюмена. По окончании учёбы вернулся в Нидерланды и с 1937 г. по 1940 г. был на пастырском служении в одном из приходов столицы Нидерландов — Амстердаме. В 1940 г. перешёл на преподавательскую работу. Во время Второй мировой войны и немецкой оккупации Нидерландов служил профессором философии в семинарии г. Вармонд (с 1940 г. по 1945 г.). В 1945 г. назначен ректором Вармондской семинарии и оставался на этом посту в течении 15 лет, до 1960 г. В 1960 г. монсеньор Виллебрандс оставил пост ректора семинарии и полностью сосредоточился на экуменической деятельности, будучи переведённым в Рим, где был назначен 28 июня 1960 г. секретарём "Секретариата по содействию христианскому единству", созданного Папой Иоанном XXIII в связи с началом подготовки ко II Ватиканскому Собору (этот Секретариат продолжил деятельность и по окончании Собора). В работе этого Секретариата Виллебрандс стал вторым по влиянию человеком после председателя Секретариата кардинала Августина Беа. Перед началом Собора монсеньёр Виллебрандс совершил ряд поездок с целью проведения переговоров с представителями различных христианских Церквей. Он побывал в Константинополе (Стамбуле), Афинах, Александрии, Женеве, Лондоне и Москве. Важной миссией монсеньёра Виллебрандса стала поездка в Москву, состоявшаяся с 27-го сентября по 2-е октября 1962 г., и переговоры с патриархом Алексием I и архиепископом Никодимом (Ротовым), результатом которых стал приезд наблюдателей от Русской Православной Церкви на II Ватиканский Собор, открывшийся 11-го ок-

тября 1962 г. Й. Виллебрандс принял участие в работе II Ватиканского Собора, сначала в качестве эксперта (на первой и второй сессиях), а после возведения в епископский сан в качестве полноправного участника (на третьей и четвёртой сессиях). После смерти кардинала А. Беа Папа Павел VI назначил 12 апреля 1969 г. на его место Й. Виллебрандса и в этом же месяце возвёл его в кардинальское достоинство. На посту председателя Секретариата по содействию христианскому единству кардинал Виллебрандс прослужил до 1989 г. На консистории 28 апреля 1969 г. Папа Павел VI возвёл Й. Виллебрандса в достоинство кардинала-диакона, и 30 апреля ему была вручена кардинальская биретта и пожалована диакония свв. Косьмы и Дамиана, которую он унаследовал от почившего кардинала Франческо Морано. Будучи кардиналом Римской курии, Й. Виллебрандс активно участвовал в работе многочисленных Священных конгрегаций и Папских комиссий.

С 1979 г. и до ухода на покой в 1989 г. он являлся одним из сопредседателей Международной смешанной богословской комиссии по православно-католическому диалогу. В 1988 г. кардинал Виллебрандс в составе официальной делегации Католической Церкви участвовал в Москве в торжествах по случаю 1000-летия Крещения Руси.

Так же, как и Москва, отказались от какой-либо формы участия греки и Антиохийская Церковь. Александрия заявила, что присоединится к решению Вселенской Патриархии. Афинагор колебался, но к лету 1962 года отказался от идеи посылки наблюдателей. (Официальный отказ прозвучал в решении Константинопольского Синода 8 октября 1962 года.)

Известие о прибытии 12 октября 1962 года в Рим наблюдателей от Московского

Патриархата было для Вселенского Патриарха ударом и полной неожиданностью, он даже почувствовал себя плохо. Но на следующий день он уже был спокоен. Все происшедшее Патриарх Афинагор определил как начало нового этапа.

Что же произошло в теперь уже далеком 1962 году? Почему так изменилась позиция Русской Церкви? Какие же подводные течения, невидимые тогда, стали очевидны сегодня? И как повлияли дальнейшие события на мир?

Забегая вперед, скажем, что все эти события были неразрывно связаны с внешнеполитическим курсом Н. Хрущева, таким же противоречивым, как и его внутренняя политика...

Глава 4

«Мы вам еще покажем кузькину мать!»

Эти знаменитые слова Н. С. Хрущева связаны с визитом вице-президента Никсона в Москву по случаю открытия американской выставки. Позже это живописное словосочетание Н. Хрущев не раз применял в своих выступлениях и беседах. И хотя этот оборот более всего применим к Хрущевской двойственной внешней политике, он также отражает и отношение власти к процессам, происходящим в стране. Так, О. Гриневский позже вспоминал: «*...его постоянно мучили сомнения, а верно ли он сделал, открыв в стране эпоху «оттепели», как назвал ее Илья Эренбург. Не задушит ли джинн, выпущенный из бутылки, само социалистическое общество? Мы были напуганы, — читаем в его воспоминаниях, — действительно напуганы. Мы боялись, что оттепель вызовет наводнение, которое не будем в состоянии контроли-*

ровать и которое смоет, затопит нас... Оно выйдет из русла берегов советской реки и образует приливную волну, которая смоет все барьеры и подпорные стены нашего общества»[1]. И, как известно, демократическим процессам в стране показали «кузькину мать». Показал Хрущев это «оружие» и Русской Церкви, ввергнув ее в круговорот противоборства с Западом, не только не используя при этом прежний опыт, а напротив, перечеркнув все достигнутое в период «нового» Сталинского курса.

Никсон (Nixon) Ричард Милхаус (1913–1994), американский государственный деятель, 37-й президент США в 1969–1974, от Республиканской партии. В 1953–1961 вице-президент. В 1973 правительство Никсона подписало соглашение о прекращении военных действий и восстановлении мира во Вьетнаме. С 1972 участвовал в советско-американских встречах на высшем уровне. Вышел в отставку в связи с угрозой обвинения по т. н. «Уотергейтскому делу».

1 мая 1960 г. американский самолет-разведчик У-2, пилотируемый Френсисом Гарри Пауэрсом, поднялся с базы в Пешаваре, пересек советскую границу с Афганистаном, вторгся в советское воздушное пространство и взял курс на Свердловск. Он должен был совершить разведывательный перелет через всю территорию СССР и приземлиться в Норвегии. Самолеты-разведчики и раньше нарушали советское

[1] Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 366.

воздушное пространство, но этот полет стал точкой отсчета новых отношений с США и Западом. С политикой разрядки, которая была возможна после Кемп-Дэвида, было покончено. Хрущев любил власть и хорошо знал, что растет недовольство его внутренней и внешней политикой и в армии, и в КГБ, и среди ближайшего окружения.

Пауэрс Фрэнсис Гари (Powers Francis Gari), (1929—1977). Пилот американского самолета-разведчика U-2, сбитого над СССР 1 мая 1960 г. Пауэрс, которому удалось катапультироваться, был обвинен в шпионаже и приговорен к 10 годам лишения свободы. Пауэрс был освобожден в 1962 г., когда состоялся его обмен на советского разведчика Рудольфа Абеля. В 1977 г. он погиб при крушении вертолета, которым управлял.

«Ему не могли простить доклада о культе личности Сталина, расколовшего партию, многие считали, что это ему понадобилось для собственного возвеличивания. Не простили и многого другого: посягательства на централизованное управление страной, что создавало угрозу самому принципу планового хозяйства; узурпацию внешнеполитической деятельности, все, мол, здесь решает сам; непозволительного для большевика либерализма, который, говорили, привел к венгерскому восстанию; реабилитации антисоветчика Солженицына и уступок проклятому Сталиным югославскому ревизионисту

Тито; отставки любимого в армии и народе маршала Жукова...»[2].

Его переговоры с Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде внутренняя оппозиция расценивала как заигрывание с американцами. И он решил не рисковать, не идти против ближайшего окружения, а использовать майские события 1960 года против американцев, обезоружив тем самым свою оппозицию и сохранив на какое-то время власть. Одним из постоянных рычагов давления на Соединенные Штаты по-прежнему оставался берлинский вопрос. Сам Н. Хрущев об этом говорил очень образно: «*Берлин — это яйца Запада, которые у меня в кулаке. Сожму — и Запад орет, разожму — улыбается*»[3].

Эйзенхауэр (Eisenhower) Дуайт Дэвид (1890—1969), американский государственный деятель, 34-й президент США в 1953—1961 гг., от Республиканской партии, генерал армии (1944). С декабря 1943 г. верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Зап. Европе. В 1945 г. командовал оккупационными силами США в Германии. В 1950—1952 гг. верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО. В 1961 г. Эйзенхауэр выступил с предостережением о растущем влиянии военно-промышленного комплекса.

Как известно, в 1945 году на встрече в Потсдаме союзники поделили Германию на четыре оккупационных зоны и учредили

---

[2] Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 8.

[3] Там же. С. 18.

четырехстороннее управление Берлином. Такую систему хотели сохранить до момента создания общегерманского государства и заключения с ним мирного договора. Но «холодная война» внесла свои изменения в эти планы: в мае 1949 г. три западные оккупационные зоны путем слияния образовали Федеративную Республику Германия. Ответным шагом И. Сталина стало создание Германской Демократической Республики. Для всех было очевидно, что такое разделение немецкой нации таит в себе угрозу. Особенно настораживал всех факт сохранения внутри ГДР Западного Берлина, остававшегося все под тем же четырехсторонним управлением.

Н. Хрущев выдвигал идею мирного договора с обоими государствами, а Берлину предлагал дать статус «вольного города», что было неприемлемо для американцев. Те выступали за воссоединение страны на основе «свободных выборов», считая, что в воссоединенной Германии более развитая западная часть поглотит восточную очень скоро.

И, если осеняя встреча 1959 г. Хрущева с Эйзенхауэром вселяла надежду на возможность реальной политики разрядки, то после инцидента с самолетом У-2, который стал точкой отсчета новых взаимоотношений, думать о позитивном развитии событий стало невозможно. Результаты не застави-

ли себя ждать: фактически была сорвана встреча глав правительств СССР, США, Англии и Франции, работа которой должна была проходить 16—18 мая 1960 г. в Париже. А германский вопрос по-прежнему оставался камнем преткновения в отношениях Советского Союза и стран Запада.

Лето 1961 года вошло в историю дипломатии как «берлинский кризис». Венская встреча Хрущева и Кеннеди в начале июля не дала результатов: советский лидер требовал заключить германский мирный договор, вывести войска из Западного Берлина и превратить его в вольный город. А новый молодой президент США Дж. Кеннеди в ответ рассуждал о прекращении ядерных взрывов. (После этой встречи Хрущев не раз говорил своему окружению, что новый американский президент «*человек слабый, неуверенный в себе, на него надо давить, чем злее и грубее, тем лучше*»[4].)

Кеннеди (Kennedy) Джон Фицджеральд (1917—1963), американский государственный деятель, 35-й президент США (1961—1963), от Демократической партии. Сын Джозефа П. Кеннеди, финансиста и позже американского посла в Великобритании, и Розы Фицжеральд Кеннеди, получил степень бакалавра в Гарварде в 1940. После службы на флоте (с 1941 по 1945) Кеннеди был представителем в Конгрессе с 1947 по 1953. Он был избран сенатором в 1952 и переизбран в 1958. В 1960 Кеннеди выставил свою кандидатуру от демократов и победил республиканца Ричарда

[4] Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 352.

М. Никсона на всеобщих выборах. Он стал 35-м американским и первым римско-католическим президентом. Космические полеты и орбитальный спутник в основном были разработаны за годы правления Кеннеди. В 1961, когда вторжение анти-Кастровских кубинцев под руководством ЦРУ в Bay of Pigs на Кубе провалилось, администрация Кеннеди потерпела серьезную неудачу. Кеннеди был убит в Далласе, штат Техас 22 ноября 1963.

«8 июля 1961 года было объявлено об отмене прежнего решения о сокращении вооруженных сил СССР на 1 млн. 200 тыс. человек, в ответ США объявили о повышении боеготовности 6 дивизий, готовились к высадке в Европу, военный бюджет увеличился на 3,5 млрд. долларов. В Москве выжидали...»[5].

А начиная с 6 августа, немецкие коммунисты встали в живом оцеплении вдоль границ Восточного и Западного Берлина. Их акция продолжалась до тех пор, пока весь Западный Берлин не был окружен бетонной стеной, возведение которой началось 14 августа. На долгие десятилетия берлинской стене суждено было стать границей враждующих блоков.

Мир приближался к военному кризису. В течение июля-августа в Москве готовили обоснование проекта заявления советского правительства по вопросу об испытаниях ядерного оружия. 31 августа 1961 года оно было опубликовано.[6] В одностороннем по-

[5] Там же.
[6] Там же.

рядке СССР отказался от соглашения с США о моратории на ядерные взрывы в атмосфере.

Первого сентября 1961 г. над Семипалатинским полигоном взорвалась боеголовка для новой межконтинентальной ракеты Янгеля Р-16. С сентября по декабрь 1961 г. в СССР было взорвано атомных и водородных бомб больше, чем за все предыдущие годы[7]. 30 октября на Новой Земле была испытана 50-мегатонная бомба, самая большая из когда-либо произведенных человеком. Собирали ее в Арзамасе-16, где местные шутники назвали ее «кузькиной матерью».

А на следующий день Н.С. Хрущев, закрывая XXII съезд КПСС, произнес свои знаменитые слова о ясности целей и определенности задач, призвав всех к работе. И она нашлась всем. Особенно активно трудились на ниве дипломатии. В противостоянии НАТО и США в Москве искали слабые звенья. И нашли. В августе-сентябре 1961 года Москву посетили премьер-министр Италии А. Фанфани, министр иностранных дел Бельгии П. Спаак. Советскую дипломатию очень интересовала Италия. Этот интерес был так очевиден, что итальянский журнал «Ло Спекьо» 2 апреля 1962 года в статье «Маневры Москвы» констатировал

[7] Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 362.

все происходящее словами: «В настоящее время Советский Союз совершает грубую попытку вмешательства во внутриполитические дела Италии. Козырев (посол СССР в Италии. — **О. В.**) получил из Москвы задание сообщить высшим итальянским сферам мнение Кремля относительно нынешнего политического положения с особым упором на предстоящие президентские выборы. С. Козырев дал понять, что Хрущев благожелательно смотрит на образование правительственного «тандема» Фанфани—Ненни и что для предстоящего укрепления этого союза он одобрил бы также переизбрание президента Гронки.

Фанфани Аминторе (Fanfani Amintore), (р. 6 февраля 1908 г.) премьер-министр Италии. Профессор экономики. С 1947 г. — министр труда, затем - министр сельского хозяйства и внутренних дел в итальянском правительстве. В 1954 г. избран генеральным секретарем Христианской демократической партии, левое крыло которой он возглавлял до этого. С июля 1960 г. по апрель 1963 г. — премьер-министр Италии. С марта по декабрь 1965 г., а также с февраля 1966 г. по май 1968 г. — министр иностранных дел Италии. С ноября 1982 г. по август 1983 г., а также с апреля по июль 1987 г. — премьер-министр Италии.

Ненни Пьетро (Nenni Pietro), (1891—1980), вице-премьер Италии. Родился 9 февраля 1891 г. Работал журналистом. В 1911 организовал забастовку против вторжения Италии в Либерию. Был заключен в тюрьму, где познакомился с Бенито Муссолини. После прихода Муссолини к власти, Ненни критиковал его в газете Avanti, главным редактором которой он был. Вынужден был поки-

нуть Италию и переехать в Париж. Участник гражданской войны в Испании 1936—1939. В 1940 г. арестован гестапо и отправлен в Италию, где находился в заключении. Освобожден в конце 1943 г. Избран генеральным секретарем Итальянской социалистической партии. В 1946 г. стал вице-премьером правительства Италии. В 1946 г. — министр иностранных дел. В 1947 г. после раскола итальянских социалистов, возглавил левое крыло партии, вступившее в союз с коммунистами. В 1950—1955 вице-президент Всемирного Совета мира. В 1968—1969 гг. — министр иностранных дел и вице-премьер. После развала альянса социалистов и христианских демократов в 1969 г., Ненни покинул пост руководителя Социалистической партии. Пожизненный сенатор с 1970 г. и президент Сената с 1979 г. Умер 1 января 1980 г. в Риме.

«...Хрущев после личного знакомства и обмена посланиями с Фанфани питает к нему большую симпатию и считает его единственным человеком в итальянском правительстве, который может понять его, Хрущева, политику и в некоторых случаях поддержать ее»[8].

«А уже в июне того же 1962 года цели Хрущева обсуждались немецкими политическими обозревателями, считавшими, что СССР пытается нанести удар по «Общему рынку» с итальянского фланга, т. к. имеет хорошо развитые торговые связи с Италией, которые продолжает успешно развивать»[9].

Но итальянская сторона не ограничивалась только политической и экономичес-

[8] АВП. ф. 176. Оп. 36. Пор. 155. Д. 19. Л. 211.
[9] Там же. Л. 213.

кой сферами. Были еще и церковные задачи, которые за несколько месяцев до визита Фанфани в Москву изложил в письме С. Козыреву знаменитый мэр Флоренции Ла Пира. Есть там и такие слова: «Скажите г-ну Хрущеву: является большой политической, духовной и исторической ошибкой заниматься в настоящее время, как это делает венгерское правительство, «процессами» против католиков: это знак политической и исторической старости»[10].

Папу Иоанна XXIII не могла не волновать судьба католиков в странах соцлагеря. И, как блестящий дипломат, он использовал ситуацию, зная, что Фанфани нужна его поддержка. А Хрущеву нужна Италия с правительством Фанфани. Советский лидер соглашается оттянуть процесс дехристианизации католиков в Польше, Венгрии, Чехословакии. Что он получает? Хрущев облегчает свою деятельность по проникновению на Запад. И, как подчеркивали итальянские аналитики, «*Советское правительство всегда выставляло себя как застрельщика мира. Этому бы больше верили, если бы правительства-сателлиты примирились с Ватиканом*»[11].

Политика Ватикана, по мнению тех же аналитиков, была прямо противоположна: «*Ватикан уступает кое-что на Западе с*

[10] АВП. ф. 98. Оп. 35. Пор. 150. Д. 10. Л. 57.
[11] Там же. Л. 24.

тем, чтобы спасти католицизм в Польше, Венгрии, Чехословакии»[12]. Забегая вперед, хочу отметить, что жесты Хрущева в виде присутствия литовских католиков на Соборе (правда, не с первой сессии), выезд униатского митрополита Иосифа Слипого в Ватикан удовлетворили понтифика. Но хотелось большего... Думаю, мечталось об историческом реванше, но только в очень утонченном виде... Русские должны были быть на Втором Ватиканском Соборе. (После кончины Иоанна XXIII итальянская печать подчеркивала, что Папа мечтал о «*великом деле приобщения всей России к Католической Церкви*»[13]. Об этом сообщил журналистам его бывший секретарь епископ Каповилла, выступивший с воспоминаниями о нем.)

О «восточной политике» Иоанна XXIII написано много, не обойдем эту проблему и мы, только пытаясь анализировать ее из России. Для этой оценки важно понять, почему изменилась советская позиция по отношению к Ватикану. Что это? Дальновидный расчет или нечто иное?

Как уже отмечалось выше, Хрущев отказался от возможности проведения реальной политики разрядки. Главная задача для него состояла теперь в отдалении возможного столкновения двух военных бло-

[12] АВП. ф. 98. Оп. 35. Пор. 67. Д. 16
[13] АВП. ф. 93. Оп. 35. Пор. 155. Д. 16. Л. 43.

ков, не упуская при этом ни пяди в устоявшихся основах советского строя. На Западе также начали обсуждать возможность конвергенции двух взаимно отрицающих систем, что, естественно, предполагало отказ от идеологического монолитизма и признание права на свободный выбор мировоззрения в странах социалистического лагеря[14]. Италия уже рассматривалась Хрущевым как партнер, не исключался вариант и налаживания взаимоотношений с Ватиканом, который, как казалось в Москве, тоже не возражал. Обоюдный зондаж начался еще с 1955 г. Тогда Москву посетил иезуит из Люксембурга о. Рединг. Встретившись с Анастасом Микояном, он сообщил тому, что изучает возможности будущей договоренности между Ватиканом и СССР. Оживление в этом направлении началось с начала 1957 года, когда послом СССР в Италии стал Семен Козырев, которому было поручено «*продолжить неофициальные контакты для изучения намерений Ватикана в отношении СССР и его союзников*»[15]. Развить контакты не удалось. Последующие события: смерть Пия XII, избрание на престол Иоанна XXIII, объявление им о созыве Второго Ватикан-

[14] Красиков А.А. Второй Ватиканский Собор в контексте отношений между СССР и Святым Престолом / Второй Ватиканский Собор: взгляд из России. М., 1997. С. 30.

[15] Там же. С. 31.

ского Собора вызвали в Москве различные чувства: как резко антиватиканские, которые рассматривали Собор как очередную затею сторонников «холодной войны», так и внутреннее дело Католической Церкви. Позиция Министерства иностранных дел СССР была предельно осторожной. Готовя встречу президента Италии Джованни Гронки в феврале 1960 г., советские дипломаты «*получили санкцию и на возобновление диалога со Святым Престолом, если со стороны Ватикана будет выражено стремление сотрудничать с Советским Союзом на базе укрепления мира*»[16].

Гронки Джованни (Gronchi Giovanni), (1887–1978), президент Италии. Родился 10.09.1887 в Понтедера (Италия). Закончил университет в Пизе. Депутат парламента с 1919 г. Лидер одного из левых течений Христианско-демократической партии. Был в оппозиции фашистскому правительству Бенито Муссолини. После Второй мировой войны вернулся в политическую жизнь, был министром коммерции и промышленности при четырех итальянских кабинетах. В 1948–1955 гг. – председатель Палаты депутатов. С 1955 по 1962 гг. – президент Италии. В 1960 г. посетил СССР, несмотря на протест Римско-католической церкви. Умер 17.10.1978 в Риме.

Во время обострения берлинского кризиса, 10 сентября 1961 года, Иоанн XXIII

[16] Красиков А.А. Второй Ватиканский Собор в контексте отношений между СССР и Святым Престолом / Второй Ватиканский Собор: взгляд из России. М., 1997. С. 33.

выступил с обращением ко всем людям, принадлежащим к Богу и Христу, по поводу происхождения и искупления, призвав всех принять участие в политике разоружения и не допустить решения сложных международных вопросов никаким путем, кроме мирных переговоров. Москва увидела в этом отказ от декрета Пия XII Священной Канцелярии от 14 июля 1949 г., по которому коммунисты и им сочувствующие отлучались от Церкви. И это открывало путь к контактам. Московское видение разделяли и премьер-министр Италии Аминторе Фанфани, и лидер ИКП Пальмиро Тольятти, который настаивал на том, чтобы отдельные высказывания Папы Хрущев использовал в своем выступлении. Советский лидер должен был подчеркнуть, что Ватикан правильно оценивает обстановку в мире и видит опасность возникновения ядерной войны.

Ответы Хрущева на вопросы «Правды» и «Известий» были опубликованы 21 сентября 1961 г. Их текст готовил главный идеолог М. Суслов. Думается, что ему, человеку Сталинской эпохи, было нелегко писать уважительный и сдержанный текст, в котором усилия Иоанна XXIII оценивались как добрый знак.

Следующим жестом Москвы в отношении Ватикана стало поздравительное послание Хрущева Иоанну XXIII по случаю

его 80-летия 25 ноября 1961 г. Решение о поздравлении принимал ЦК КПСС. В тексте поздравления особое внимание было уделено благородному стремлению понтифика содействовать сохранению мира и решению международных проблем путем переговоров. В ответном послании Папа выразил «сердечные пожелания развития и укрепления всеобщего мира с помощью успешного достижения согласия и человеческого братства»[17].

Безусловно, это окрылило советских дипломатов, которые считали, что установление дипломатических связей с Ватиканом состоится в ближайшем будущем. Но это была иллюзия, в усиление которой определенную лепту внес и сам посол СССР в Италии Семен Козырев. После своей беседы с Фанфани 22 ноября 1962 года посол поспешил сообщить в Москву, что по убеждению премьер-министра настало время подойти вплотную к вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Ватиканом. Ошибка Козырева состояла в том, что он решил, что Фанфани выступает не только от своего имени, но и как доверенное лицо Папы. А в Москве это расценили как первый конкретный шаг со стороны Ватикана к уста-

[17] Красиков А.А. Второй Ватиканский Собор в контексте отношений между СССР и Святым Престолом / Второй Ватиканский Собор: взгляд из России. М., 1997. С. 36.

новлению дипломатических отношений. В МИДе начали писать справки для якобы скорого финального этапа переговоров со Св. Престолом. В начале 1963 г. состоялась встреча С. Козырева с кардиналом Агостино Беа, который отвечал в Ватикане за межцерковные, а не межгосударственные связи. И в разговоре он подчеркнул, что Ватикан не возражает против обсуждения возможности установления дипломатических отношений, но считает, что в начале все же нужно обсудить перспективы религиозной жизни в странах соцлагеря и СССР. Только тогда Козырев понял, как он ошибся[18]. Ни о каких серьезных переговорах Ватикан и не думал, что позже в своих воспоминаниях подтвердил зять Хрущева А. Аджубей, которого Папа Иоанн XXIII, принял 7 марта 1963 г. На аудиенции не звучал вопрос о дипломатических отношениях, хотя дальнейшие события не исключали его постановку. Итак, каков итог этих дипломатических игр? Для Ватикана — огромный успех, для Москвы — провал и тяжелые последствия в течение долгих лет. Будучи уверенным в положительном решении установления дипломатических отношений, Хрущев пошел на амнистию униатского епископа Иосифа Слипого, арестованного еще в 1945 году, и его переезд в Ватикан. Но самое главное — Хрущев по-

[18] Там же. С. 39.

шел навстречу желаниям Иоанна XXIII о присутствии православных наблюдателей на Католическом Соборе. Власть сама санкционировала эту поездку, поставив тем самым Русскую Церковь в труднейшее положение. Ей не только пришлось разрабатывать стратегию и тактику своего присутствия в Риме, но и пытаться объяснить все происходящее православному миру.

Беа [нем. Bea] Августин (1881—1968), иезуит, кардинал, экзегет, один из организаторов экуменического движения католической Церкви. Изучал философию и богословие в университетах Фрайбурга, Инсбрука, Валкенбурга (Нидерланды), Берлина. В 1902 г. вступил в орден иезуитов, в 1912 г, был рукоположен во пресвитера, в 1921—1924 гг. провинциал иезуитов в Германии. В 1917—1921 гг. преподавал на кафедре в Валкенбурге; в 1924—1928 гг. профессор библейского богословия в папском Григорианском университете и одновременно (вплоть до 1959) профессор по кафедре исагогики и ветхозаветной экзегезы в Папском библейском институте в Риме. В 1930—1949 гг. ректор Папского библейского института, издатель ж. «Biblica». Был консультантом в папских конгрегациях: пропаганды веры, Вост. Церквей, обрядов, семинарий и ун-тов, а также членом папских комиссий по библейским исследованиям, по пересмотру Кодекса канонического права. В 1945—1958 гг. исповедник папы Пия XII. В 1959 г. хиротонисан во епископа и возведен в сан кардинала. Беа участвовал в разработке энциклики папы Пия XII «Divino afflante Spiritu» (1943), решающей для истории развития католической экзегезы в XX в., в которой стало возможно применение историко-критического метода (содержание энциклики легло в основу Догматической Конституции Ватиканского II Собора «О Божественном откровении» (Dei verbum)). Под влиянием инструкции Папской библейской комис-

сии «De historica Evangeliorum veritate» (Об историчности Евангелий) от 21 апр. 1964 г., созданной при активном участии Б., Собором было принято решение по вопросу рецепции результатов анализа жанровых форм Евангелий и их историчности. Большую роль Беа сыграл в развитии экуменического движения в Римско-католической Церкви. Он возглавил созданный в период подготовки II Ватиканского Собора в 1960 г. папский секретариат по содействию христианскому единству. Будучи его президентом, курировал вопрос о приглашении наблюдателей на Собор от некатолических Церквей и церковных общин, проводил многочисленные встречи с представителями др. Церквей, а также Всемирного Совета Церквей в Женеве (февр. 1965), с Патриархом Константинопольским Афинагором (апр. 1965), с представителями Лютеранского всемирного союза, Англиканского содружества, Реформатского всемирного союза и методистами. Именно Беа накануне закрытия II Ватиканского Собора папа Павел VI поручил зачитать в соборе св. Петра бреве о взаимной отмене отлучения 1054 г.
Папа Иоанн Павел II, назвав Беа «апостолом христианского единства», отметил его роль на II Ватиканском Соборе, особенно при подготовке документов об экуменизме, о религиозной свободе, об отношении католической Церкви к нехристианским религиям. (ПЭ Т. III. Сс. 407–408)

Хрущев хотел усиления советского влияния на Западе с использованием Италии и Ватикана, дипломаты допустили просчеты и не выполнили своих задач. А Русская Православная Церковь второй раз в своей истории оказалась на Католическом Соборе, решения которого сильно изменили соотношение сил в христианском мире.

О том, что власть рассматривает возможность присутствия наблюдателей в Риме, Патриарх Алексий и архиепископ

Никодим узнали в феврале 1962 года. Реакция Церкви была стремительной. Архиепископ поспешил дать интервью московскому корреспонденту газеты «Джорно» Рафаелло Убольдо, которое было опубликовано 21 февраля. В нем архиепископ Никодим подчеркнул, что, «*если в повестку* дня Собора не будут включены вопросы о доктрине (например, вопрос о папском главенстве), с которыми Православная Церковь не может согласиться, и если не будут иметь место враждебные заявления в отношении страны, которую мы любим, тогда, я думаю, мы не будем иметь принципиальных затруднений в посылке в Рим наблюдателей Русской Православной Церкви»[19]. Этим заявлением Московская Патриархия оставляла за собой малейшую возможность лавирования в государственных тисках, т. к. в феврале 1962 г. повестка Собора не была еще ясно определена. С разрешения власти в Москву приехал один из первых эмиссаров — корреспондент германского католического информационного агентства КНА Лютполд А. Дорн. Его беседы с представителями Московской Патриархии проходили в присутствии старшего инспектора Совета по делам Русской православной церкви Н.А. Филиппова. Позже в справке-отчете он отмечал, что «*по словам Дорна в Ватикане хотели бы видеть русскую*

[19] АВП. ф. 176. Оп. 36. Пор. 155. Д. 19. Л.43.

церковь представленной на соборе, а в дальнейшем хорошее взаимоотношение между ними. Однако Рим не уверен, что Русская церковь примет приглашение, поэтому он и зондирует почву»[20]. Основная тяжесть всех дальнейших действий со стороны Московской Патриархии ляжет на плечи молодого архиепископа Никодима (Ротова) — Председателя Отдела внешних церковных сношений. После визита и бесед с Дорном иллюзий, что власть оставит свое давление, не осталось. Теперь уже требовалось не интервью-заявление, а программа выхода из этой двойственной ситуации с минимальными потерями для себя. (Напомним, что у Вселенской Патриархии в марте 1962 г. четкой позиции в отношении Ватиканского Собора еще не было.)

Документ «*Мысли в отношении католической церкви*» архиепископ Никодим датировал 21 марта 1962 года. Хотя, безусловно, это плод кропотливой работы, и не только его. (Речь о соавторах пойдет ниже.) Документ состоит из четырех разделов, важнейшими из которых являются III — «Контакты» и IV — «Предстоящий Собор». Что касается контактов, то рекомендации по ним были очень четкими: «*Послать кого-нибудь из наших молодых доцентов или клириков, занимающихся научной рабо-*

[20] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Л. 3.

той, в Рим на 2—3 недели (самое большое — на месяц) для занятий в Ватиканской библиотеке и архиве по теме своей диссертации или научной статьи. Работа должна быть избрана при одной из наших академий и утверждена Отделом. Она может касаться или какого-либо вопроса из области истории неразделенной Церкви, или из истории русско-католических отношений, или по проблеме католического отношения к экуменизму. Это лицо могло бы осуществлять неофициально обязанность «лиэзон», т. к., несомненно, курия и все организации Ватикана, занимающиеся православием и русским вопросом (как, например, «Комиссия про Руссиа», Секретариат по вопросам единства и т.п.) обратят пристальное внимание на это лицо и постараются войти с ним в неофициальный контакт»[21].

Подыскивать кандидатуру архиепископ рекомендовал из лиц, не занимающих высоких постов, чтобы «*не было опасности от таких контактов для нашей стороны*»[22]. Главной целью этого лица должно стать «*получение самой лучшей информации о течениях в курии, о подготовке и проведении Собора*»[23].

Четвертый раздел посвящен обоснованию грядущей поездки наших наблюдате-

[21] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Лл. 64—68.
[22] Там же.
[23] Там же.

лей в Рим через призму непростых отношений Московского и Вселенского Патриархатов. Если наших наблюдателей не будет на Соборе, то «*Константинополь выиграет на этом несомненно. Он сможет представлять там все Православие без каких-либо помех... Никто его не остановит, ни на кого ему не надо будет оглядываться. Весь католический мир станет смотреть на Константинополь как на главный центр Православия*»[24]. Присутствие наших наблюдателей, по мнению архиепископа Никодима, позволит «*нейтрализовать всякие поползновения Константинополя говорить от имени всего православия и идти на слишком тесное сближение с Римом*»[25].

Кроме этого, наблюдатели смогли бы следить за развитием событий из их центра, улавливая разные направления среди делегатов Собора и разные течения в курии с тем, чтобы «*использовать свое общение в кулуарах собора для обезвреживания нежелательного нам развития событий*»[26].

Понимая, что вырваться из намеченной государственной линии уже не удастся, архиепископ объясняет этой власти (все его рассуждения перлюстрировались Советом и отправлялись выше по инстанциям), что основное внимание по-прежнему уделяется

[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Там же.

догматическим и каноническим расхождениям с католиками. Он пытается убедить и свое окружение, и себя самого, что нужно искать в сложившейся ситуации не просто выход, а выход с пользой: «*Кроме того, это даст нам огромное преимущество при полемике с Римом. Мы сможем тогда сказать, что мы объективны в осуждении их плохих сторон, так как проявили максимум доброй воли, были даже наблюдателями на их Соборе в надежде приветствовать все хорошее, что у них имеется или могло бы появиться. Однако во имя объективности и беспристрастия мы осуждаем и решительно боремся и будем и впредь бороться со всем, что у них есть плохого и в церковно-богословском и в общественно-политическом отношениях*»[27].

Все это так. Но не очень убедительно. Архиепископ понимает это. И пронзительно-отчаянно звучат его слова о пользе возможного присутствия наших наблюдателей в Риме: «*Нужно, чтобы Ватикан и весь Запад видел нашу «добрую волю» в отношении сближения со всеми христианами, в том числе и с католиками. Одним из таких актов* (подчеркнуто арх. Никодимом) *«доброй воли» было бы присутствие наших наблюдателей на предстоящем Ватиканском Соборе*».

[27] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Лл. 64—68.

Ему шел 33-й год. С таким изощренным коварством и цинизмом власти, попирающей догматические церковные основы, архиепископ Никодим столкнулся впервые. Путь, по которому ему еще предстоит пройти, окажется сложным и тернистым. Начав свое служение в труднейших условиях Хрущевских гонений, он возьмет на себя ответственность за многие решения. И одним из них была разработка церковной стратегии в отношениях с Ватиканом в период от начала Собора до конца 70-х годов. Его усилия часто будут бесплодны: все попытки отменить постановление 1961 г. не увенчаются успехом. Пройдут годы, и начнут рождаться мифы о том, что это он — архиепископ Никодим — привел Русскую Церковь на Второй Ватиканский Собор. Говорящие так, вероятно, не осведомлены о механизме государственно-церковных отношений Хрущевского периода, где без санкции Совета нельзя было сделать шага, не говоря уже о какой-либо инициативе, тем более международной. Архиепископ Никодим предполагал, что многое из событий тех лет не будет понято ни современниками, ни потомками. Незадолго до своей кончины (его земная жизнь оборвалась на пятидесятом году) владыка произнес слова, которые архиепископ Василий (Кривошеин) сделал своим эпиграфом к воспоминаниям о митрополите Никодиме: «Я знаю,

что могу войти в историю запятнанным, и это мне далеко не безразлично, но я готов на это идти ради блага Церкви»[28]. Но это все будет позже. А сейчас молодой архиепископ ищет поддержки в правильности своих мыслей. Одним из первых, к кому он обратился, был преподаватель Ленинградской Духовной Академии протоиерей Ливерий Воронов. Это был не только известный богослов, но и человек сложной и трагической судьбы: его юность прошла в советских лагерях. Отец Ливерий был осужден по делу Псковской православной миссии, в хозяйственном отделе которой он работал. Его записка так и называется «*К вопросу о 2-ом Ватиканском Соборе*». Отец Ливерий начинает с подчеркивания догматических расхождений: «*...обе Церкви, как Православная, так и Римско-католическая, стоят и ныне на прежних догматических позициях. Церковь Римско-католическая настаивает на незыблемости догмата о непогрешимости Папы, говорящего «ex cathedra» в качестве Главы Церкви и учителя христиан, а также на неприкосновенности ряда других догматов, принятых на Западных соборах без участия Православной церкви. Церковь же Православная по-прежнему считает догмат папской не-*

[28] Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Н. Новгород. 1998. С. 265.

погрешимости недопустимым новшеством, противоречащим как духу Священного Писания, так и учению Древней Церкви, а прочие догматические определения чисто западных соборов или отвергает, или не придает им значения общеобязательных истин веры»[29].

Коснулся о. Ливерий и проблемы раскола: «*Церковь Римско-католическая продолжает возлагать ответственность за разделение Церквей на Церковь Восточную. Православная же Церковь усматривает в незаслуженном оскорблении, которое было нанесено ей в 1054 году, лишь внешнее выражение уже задолго пред тем совершившегося разрыва Римской Церковью союза любви, отпадения ее от общехристианских принципов соборности и вступления на ошибочный путь монархической централизации*»[30].

Далее автор пытается оценить происходящее, исходя, в первую очередь, из напряженной международной ситуации: «*Если бы все это происходило сто лет тому назад, то, без сомнения, на том дело и кончилось. Но в нашу историческую эпоху ни одна Церковь не может упустить из виду то обстоятельство, что многие так называемые «внутрицерковные» со-*

[29] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Л. 75.
[30] Там же.

бытия легко могут приобрести характер событий общехристианского или даже международного значения, если они затрагивают такие насущные проблемы современной жизни, как проблемы мира и экуменизма»[31].

И, наконец, самое главное — рекомендации. Отец Ливерий предлагает рассматривать Собор как мероприятие, способное вовлечь Ватикан во Всемирный Совет Церквей как обычного его члена: «*Включение в сферу экуменической жизни и экуменического сотрудничества такой значительной и богатой духовными ценностями ветви христианства, как Римско-католическая церковь, могло бы, несомненно, стимулировать важный прогресс в направлении к достижению вожделенного мира и единства. Само собой разумеется, однако, что такое сближение и сотрудничество требуют полного взаимного уважения и отказа от демонстративного подчеркивания того обстоятельства, что Римско-католическая церковь не мыслит восстановление христианского единства иначе, как в форме «возвращения отделенных братьев в отчий дом», т. е. в лоно хотя и обновленной, но догматически неизменной Римско-католической Церкви. Такая точка зрения, если и может быть в извест-*

[31] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Л. 76.

ной степени понятна и терпима по снисхождению к долголетней привычке римокатоликов не сомневаться в непогрешимости их Церкви и Папы, тем не менее отнюдь не должна быть навязываема христианам, не принадлежащим к Римско-католической церкви, ибо они считают ее ошибочной и иллюзорной, а настойчивое ее повторение воспринимают как проявление фанатической ограниченности и высокомерия»[32].

Даже по прошествии сорока лет, отделяющих нас от тех событий, по-прежнему страшно воспринимать ту действительность: сложная внешняя и внутренняя обстановка, гонения на Церковь, попытка советского лидера заручиться поддержкой Ватикана ценой вмешательства в догматические основы православной жизни. Никогда до Хрущева советская власть не диктовала Церкви, как ей вести свои отношения с римокатоликами. Напомним, что в далеком мае 1922 г. Ватикан обратился к правительству молодой Советской республики, занятому не только восстановлением разрушенной войной экономики, но и изъятием церковных ценностей, с предложением выкупить у Русской Церкви священные богослужебные предметы. Власть, которую трудно было заподозрить в симпатиях к Русской Церкви, не решилась на этот шаг.

[32] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Л. 78.

Да, Никита Сергеевич был мало искушен в исторических и догматических тонкостях. А его стремление к единоличному курсу во внешней политике часто приводило к неожиданным результатам. «Налаживание контактов»[33] с Ватиканом — один из таких примеров, который очень укрепил позиции Римско-Католической Церкви в христианском мире, внес нестроение в движение протестантских церквей и еще туже затянул узел противоречий между Москвой и Константинополем. Но об этом позже.

Следующим шагом Ватикана стала подготовленная встреча голландского прелата Виллебрандса, секретаря Секретариата по Христианскому единству, с отцом Виталием Боровым, представителем Московской Патриархии во Всемирном Совете Церквей. Она состоялась в мае 1962 года. Из уже упоминавшейся справки Н. Филиппова было ясно, что «*приглашать каждую церковь Ватикан не предполагает, а будет приглашать только организации и федерации. Во время встречи с Константинопольским Патриархом последний заявил, что он за посылку на Собор наблюдателей от православных церквей, но он должен посоветоваться со всеми церквами. Патриарх Афинагор не решил еще, кого*

[33] РГАСПИ. ф. 5. Оп. 1. Д. 1968. Л. 57.

посылать: мирян или богословов»[34]. Вселенский Патриарх в случае согласия поехать на Собор хотел представлять вселенское православие сам в окружении либо богословов, либо мирян. Но Иоанн XXIII так хотел видеть русских на католическом Соборе, что готов был пойти на многое. И, как сказал Виллебрандс о. Виталию Боровому, «если Московская Патриархия пожелала бы послать наблюдателей, то она бы в виде исключения (подчеркн. О. В.) получила приглашение»[35]. Свою справку, написанную в начале июня 1962 г., Н. Филиппов закончил словами: «*Совет в настоящее время детально изучает вопрос об участии представителей Русской православной церкви во Втором ватиканском соборе*»[36].

Виллебрандс появился в Москве 27 сентября 1962 г. Его переговоры с архиепископами Никодимом (Ротовым), Иоанном (Разумовым), профессором Л. Н. Парийским, доцентом ЛДА о. Виталием Боровым и сотрудниками Отдела внешних церковных сношений, среди которых был и А.С. Буевский, под зорким оком Совета продолжались до 2 октября включительно. Первая беседа в таком составе состоялась уже в день приезда католического прелата.

---

[34] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Л. 3.
[35] Там же.
[36] Там же. Л. 5.

Иоанн (Разумов Д.А.), митрополит (1898–1990). Разумов Димитрий Александрович родился 28 октября 1898 года в г. Коломне, Московской области. С 1916 года — послушник Смоленско-Зосимовой пустыни при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. В 1923 году переведен в Богоявленский монастырь в Москве. 24 ноября 1924 года пострижен в мантию с именем Иоанн. 25 ноября того же года рукоположен во иеродиакона. С 1928 по 1936 гг. — иеродиакон в Успенском соборе г. Каширы. С 1936 года - эконом Московской Патриархии в служении при Патриаршем Местоблюстителе. В 1941–1943 гг. проживал в Ульяновске вместе с Патриархом Сергием. Служил в Казанском соборе. 1 октября 1942 года епископом Саратовским Григорием рукоположен во иеромонаха. 8 октября того же года возведен в сан игумена, а 26 октября — в сан архимандрита. С 10 августа 1946 года — наместник Св.-Троицкой Сергиевой Лавры.30 ноября 1953 года в Трапезном храме Свято-Троицкой Сергиевой Лавры хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С 11 ноября 1954 года — епископ Псковский и Порховский с правом настоятельства в Псково-Печерском монастыре. С 5 марта 1959 года — епископ Берлинский и Германский и управляющий Псковской епархией. С 21 июня 1960 года — епископ Псковский и Порховский. 25 февраля 1962 года возведен в сан архиепископа. 11 мая 1963 года награжден правом ношения креста на клобуке. В 1967 году архиепископ Иоанн с группой паломников Русской Православной Церкви посетил Святую Землю. 9 сентября 1972 года возведен в сан митрополита. 12 мая 1987 года — уволен на покой. Умер 13 января 1990 года.

Парийский Лев Николаевич (1892–1972), кандидат богословия, окончил СПбДА. С 1915 г. преподавал в Калужской и Минской ДС. В начале 1920-х — помощник секретаря канцелярии митрополита Вениамина (Казанского). Арестован в июле 1922 г., приговорен к 5 годам лишения свободы. В 1930-е годы псаломщик и регент хора

различных храмов Ленинграда. С мая 1944 г. секретарь Патриаршего местоблюстителя митрополита Алексия, бухгалтер Патриархии. В 1945—1950 гг. секретарь Патриарха, регент хора его домовой церкви. С 1951 г. профессор, магистр богословия ЛДА. С 1967 г. на пенсии.

Буевский Алексей Сергеевич (род. 20.06.1920), церковный деятель. Из семьи музыканта С. Н. Буевского и А. И. Козловой, воспитывался в семье деда — И. Г. Козлова, старосты Преображенской церкви (Спаса в Подвязье) в Костроме, с 6 лет прислуживал в храме. В кон. 1929 г. власти приняли решение о закрытии храма, в связи с чем Козлов был выслан на 3 года в Архангельск, куда вскоре приехали жена и внук. Храм был закрыт и взорван. В 1933 г. А.С. Буевский вернулся в Кострому, окончил среднюю школу, работал счетоводом, в 1943-1946 гг. учился в Московском институте стали. В 1945 г. поступил на 2-й курс Московского богословского института в Новодевичьем монастыре; в 1946 г. институт был преобразован в МДАиС, окончил академию в 1951 г. со степенью канд. богословия за соч. «Православный Восток и Русская Православная Церковь в 1-й половине XX столетия». Иподиаконствовал в храме Воскресения Словущего на Успенском вражке в Москве. 1 июня 1946 г. был зачислен делопроизводителем и архивариусом в только что созданный ОВЦС, 21 августа 1951 г. назначен членом отдела, 1 июня 1961 г.— секретарем, 17 июня 1981 г.— ответственным секретарем, 21 авг. 1997 г.— консультантом отдела. А.С. Буевский принимал участие в подготовке и проведении наиболее значительных событий в жизни РПЦ сер.— второй пол. XX в., связанных с межцерковными контактами: праздновании 500-летия автокефалии РПЦ и Совещании глав и представителей Поместных православных Церквей (1948), входил в состав делегаций РПЦ на I (1961) и III (1964) Всеправославном совещаниях на о-ве Родос. Существенное место в работе А.С. Буевского занимали взаимоотношения РПЦ с Римско-католической Церковью, древними Вос-

точными Церквами: Армянской, Коптской, Эфиопской, Старо-Яковитской, Малабарской, а также с англиканской и старокатолической Церквами. Активно участвовал во взаимоотношениях РПЦ с протестантскими Церквами и объединениями, прежде всего с представителями Евангелических и Лютеранских земельных Церквей Германии, других стран; поддерживал дружеские отношения со многими видными представителями протестантских Церквей.

А.С. Буевский участвовал в подготовке вступления РПЦ в ВСЦ, входил в состав делегации РПЦ на III ассамблее ВСЦ (1961, Нью-Дели), когда Русская Церковь стала членом ВСЦ, избирался членом ЦК ВСЦ на последующих ассамблеях: в 1968 г. в Уппсале (Швеция), в 1975 г. в Найроби (Кения), в 1983 г. в Ванкувере (Канада) и в 1991 г. в Канберре (Австралия). В 1962 г. начал сотрудничество с Комиссией по международным делам ВСЦ, в 1968 г. стал членом этой Комиссии и членом ее исполнительного комитета, в 1970—1992 гг. являлся ее вице-председателем. С сер. 50-х гг. XX в. А.С. Буевский активно участвовал в формировании Конференции европейских Церквей (КЕЦ), присутствовал на нескольких генеральных ассамблеях КЕЦ. Начиная со 2-й половине 50-х гг. способствовал учреждению международного христианского миротворческого движения — Христианской международной конференции с центром в Праге (ХМК), являлся членом ее Международного секретариата, Рабочего комитета, вице-президентом (1985), присутствовал на 6 конгрессах ХМК (1961—1985). В начале 60-х гг. участвовал в создании межрелигиозной Всемирной конференции «Религия и мир», был членом ее Международного совета и участником 1-3-й и 5-й ассамблей (1970—1989). А.С. Буевский являлся одним из организаторов миротворческих конференций в СССР, призванных уменьшить международное напряжение, вызванное «холодной войной»: конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР (1952, ТСЛ), конференции представителей всех религий в СССР «За сотрудничество и мир между народами» (1969, ТСЛ), «Религиозные деятели за прочный мир, ра-

зоружение и справедливые отношения между народами» (1977, Москва). (ПЭ. Т. VI. Сс. 323–324)

В общих чертах Виллебрандс осветил проблемы, выносимые Церковью на соборное обсуждение: структурно-организационные, литургические, миссионерские (речь о них пойдет ниже). Представителей Московской Патриархии волновало другое — отношение римо-католиков и православных. Приведу часть стенограммы беседы по самым животрепещущим проблемам.

«А.С. Буевский: — Каковы будут проблемы отношения Римско-католической Церкви к другим Церквам и к Православной Церкви?

Виллебрандс: — Папа не хотел, чтобы Собор был похож на Флорентийский с отдельными дискуссиями. Он хочет, чтобы вероучение было освещено в таком направлении, чтобы христианская жизнь была обновлена, чтобы подготовилась база для будущего сближения.

Проф. Л.Н. Парийский: — Догматы не изменяются. Но Вы говорили о новых способах раскрытия догматов. Каким образом?

Виллебрандс: — Во время 1-го Ватиканского Собора много говорилось о роли Папы, но не говорилось о роли епископов. Возникает опасность потери равновесия. Бывает в жизни Церкви, когда истина при известном аспекте приоб-

*ретает соблазнительный характер в дальнейшем. Согласо*вание этих обликов истины требует уточнения, о чем будет идти речь на Соборе. Например, если один Собор сказал о Божестве Спасителя, то второй Собор может сказать о Его 2-х природах.

Доц. прот. В. Боровой: — Можно ли предположить, что когда Собор будет выяснять роль епископов, то это будет как бы вторым объяснением и дополнением к I Ватиканскому Собору, который подчеркнул значение Папы, и значит ли, что объяснение роли епископов может быть совершенно по-новому. Значит ли, что Папа имеет власть сам по себе, а епископы по соглашению Церкви?

Виллебрандс: — Будет идти речь не об одном епископе, а об епископстве в отдельной стране (напр., Франции). На Востоке это называется патриаршеством»[37].

После вопроса архиепископа Никодима о том, каким образом в Римской Церкви будет восстанавливаться диаконат, католический прелат неожиданно для всех сказал:

«Виллебрандс: — Я хочу попросить понять мои трудности. Трудно ответить преподавателю на вопросы учеников, как мне сейчас трудно ответить на вопросы профессоров»[38].

---

[37] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Лл. 86, 87, 88.
[38] Там же. Л. 91.

Уловка не прошла. И следующая группа вопросов касалась униатов:

«*Доц. прот. В. Боровой: — Римская Церковь имеет на Востоке патриархаты в унии с Римом. Они своего рода параллельны с православными восточными патриархатами и с патриархатами дохалкидонскими.*

Архиеп. Никодим: — Кроме того, есть патриархаты латинского обряда.

Доц. прот. В. Боровой: — Собор их укрепит? Это будет создавать трудности в отношении отделившихся братьев. Или же он найдет другую форму?[39].

Виллебрандс: — Для Православия какая форма более приемлема?

Доц. прот. В. Боровой: — Естественно, что православный патриархат. Но если будут укреплять параллельный патриархат, то ему надо дать II место после Римского, а Антиохийскому — III место»[40].

Секретарь кардинала Беа был прекрасным дипломатом. В ответ на жесткие предложения о. Виталия, он ответил:

«*Виллебрандс: — Нет тенденции усиливать латинские патриархаты на Востоке. Вопрос относительно патриархов-униатов — очень сложный и трудный. До настоящего времени не удалось*

[39] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Л. 91.
[40] Там же.

найти выход и не думаю, что удастся на Соборе»[41]. (Не найден этот выход и сегодня.)

На этом первая беседа с католическим прелатом закончилась. Представители Московского Патриархата показали себя не только богословами, но и борцами за Православие, интересы которого тому же о. Виталию Боровому очень скоро придется отстаивать как наблюдателю на Втором Ватиканском Соборе.

В последующие дни Виллебрандс дозированно выдавал разную информацию и о том, что Константинополь не посылает наблюдателей, и о том, что Собор не будет нарушать интересы никакого государства. И что всеобщий мир не является темой конкретного документа. Иными словами, эмиссар Ватикана в утонченной форме сообщил, что Собор готов отказаться от четкой антикоммунистической позиции, на которой стояла часть курии, только бы русские были на Соборе.

А Хрущева грела мысль, что могущественный Ватикан, недавний политический противник, на время прекратит обличение советской системы. И гарантом этому будут наблюдатели от Русской Церкви в Риме.

1 октября 1962 г. заместитель Председателя Совета по делам Русской православной церкви подготовил проект постановления для ЦК КПСС, которое и было приня-

[41] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 2. Д. 461. Л. 91.

то 10 октября за № 58/30 в следующей формулировке: «*Разрешить Совету по делам Русской православной церкви дать согласие Московской патриархии принять приглашение и направить на Второй Ватиканский собор в качестве наблюдателей Борового В.М., Котлярова В.С., Соколовского П.С. и одного переводчика на все время работы Собора*»[42].

В тот же день состоялось заседание Священного Синода Русской Православной Церкви, который, получив 4 октября официальное приглашение на Собор, посланное кардиналом Беа, решил направить на Второй Ватиканский Собор своих наблюдателей — протоиерея Виталия Борового и архимандрита Владимира (Котлярова).

Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (Котляров Владимир Саввич), родился 27 мая 1929 г. в г. Актюбинске, в семье диакона. По окончании в 1948 г. Джамбульского статистического техникума поступил в МДС, которую закончил в 1952 г. по первому разряду. С августа 1952 г. несет послушание псаломщика в Никольском кафедральном соборе г. Алма-Аты. 22 мая 1953 г. рукоположен в сан диакона, а 24 мая — во иерея. В конце 1953 г. поступает на заочный сектор, в сентябре 1954 г. переходит на стационар и в 1958 г. по первому разряду заканчивает ЛДА с ученой степенью кандидата богословия за сочинение на тему «Троице-Сергиева пустынь Петроградской епархии». С 1959 по 1962 гг. преподает в ЛДС сначала литургику, а затем Священное Писание Ветхого Завета. В феврале 1962 г. принял монашеский постриг с именем Владимир, в честь

[42] ГАРФ. ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942. Л. 169.

кн. Владимира Новгородского, и направлен на должность заместителя начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме. В октябре 1962 г. — наблюдатель от Московского Патриархата на II Ватиканском Соборе в Риме. В это же время возводится в сан архимандрита. С 29 ноября 1962 г. назначен представителем Московского Патриархата при Всемирном Совете Церквей в Женеве в сане епископа. 29 декабря 1962 года наречен, а 30 декабря 1962 года хиротонисан во епископа Звенигородского. 30 марта 1964 г. назначен на Воронежскую и Липецкую кафедру, а 15 февраля 1965 г. — на Подольскую кафедру, с должностью постоянного представителя Патриарха Московского при Патриархе Антиохийском в Дамаске 19 ноября 1966 г. назначен епископом Кировским и Слободским, 7 октября 1967 г. — епископом Берлинским и Среднеевропейским, Патриаршим Экзархом в Средней Европе, а 20 октября возведен в сан архиепископа. С конца 1970 г. — архиепископ Ростовский и Новочеркасский, с 31 мая 1973 г. — Иркутский и Читинский, с 17 апреля 1975 г. — Владимирский и Суздальский, с 24 апреля 1980 г. — Краснодарский и Кубанский, с 12 мая 1987 г. — Псковский и Порховский. 25 февраля 1992 г. возведен в сан митрополита, и 23 февраля 1993 г. вторично переведен на Ростовскую кафедру. 27 декабря 1995 г. назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским и постоянным членом Священного Синода.

Двумя днями раньше прозвучал официальный отказ Константинопольского Синода от посылки своих наблюдателей на Собор.

Известие о прибытии 12 октября 1962 года в Рим представителей Московской Патриархии, как уже омечалось, было для Вселенского Патриарха ударом и полной неожиданностью, приведших к ухудшению самочувствия.

Пребывание наших наблюдателей в Вечном городе было сопряжено со многими трудностями и скорбями. Вовлеченная властью в очередной круговорот Русская Церковь сделала все возможное, чтобы противостоять буре и со стороны государства, и со стороны Рима и Константинополя.

Глава 5

«Как весенний цветок, увидеть который я не ожидал...»

Именно в такой аллегорической форме вспоминал Иоанн XXIII посетившую его мысль о созыве Собора спустя два месяца после своего вступления на престол римских первосвященников в конце декабря 1958 г.

А 25 января 1959 года в соборе св. Павла он уже обратился к кардиналам с приватной речью, в которой, уделив внимание духовным нуждам своей епархии и всего человечества, объявил о намерении созвать Римский епархиальный Синод и Вселенский Собор.

17 мая 1959 года, в день праздника Пятидесятницы, им была учреждена Предподготовительная комиссия. Возглавил ее Государственный секретарь кардинал Доменико Тардини, секретарем стал монсиньор Перикле Феличи, членами — все асес-

соры и секретари священных римских конгрегаций.

В задачи Комиссии входила связь со всеми епископами и католическими университетами для получения предложений и тем, подлежащих обсуждению на Соборе, а также нахождение приемлемых структур для различных подготовительных органов — комиссий и секретариатов. (Письма епископам мира с просьбой высказать свои мнения и предложения были разосланы на следующий день.)

Через год, 5 июня 1960 года, специальным документом Иоанн XXIII объявил о создании Центральной подготовительной комиссии, 10 Специальных и 3-х секретариатов. Отдельно было сказано и о четырех стадиях работы Собора: предподготовительной, подготовительной, соборной и «обнародование Деяний Собора», которые необходимо не только публиковать, но и разъяснять, чтобы они вошли в сознание и жизнь людей, способствуя их духовной жизни и облагораживанию деятельности.

Официальная работа комиссий началась в ноябре того же года, после торжественной папской аудиенции в соборе св. Петра.

Секретариаты и комиссии готовили и представляли в Центральную комиссию тезисы-схемы, подлежащие рассмотрению на Соборе. О сложности и важности работы Центральной комиссии говорит уже тот

факт, что на свои сессии в подготовительный период (время от 5 июня 1960 года до 21 июня 1962 года) она собиралась семь раз.

Официальная дата открытия Собора — 11 октября 1962 года, в день праздника Богоматеринства Пресвятой Девы Марии — была обнародована 2 февраля 1962 года. А через семь месяцев, 5 сентября, были опубликованы «Статуты» — своего рода кодекс, содержащий правила проведения работ Собора. Документ состоял из трех частей и был поделен на 24 главы и 70 статей. Первая часть касалась членов Собора и лиц, призванных оказывать ему помощь в работе; вторая содержала правила, которые необходимо было соблюдать во время его прохождения; что касается третьей части, то она четко определяла всю процедуру работы предстоящего Собора.

Приведем лишь некоторые статьи из разных частей документа.

Так, глава 11 второй части категорически запрещала Отцам Собора покидать его прежде, чем он окончится. Что касается голосования, то его процедуру определяла 37 статья «Статутов». На Открытых собраниях (тех, на которых председательствует Папа) Отцы Собора делают на карточках пометки — «плацет» — «угодно» (да), «нон плацет» — «не угодно» (нет).

На Генеральных ассамблеях (собраниях всех Отцов Собора в зале заседаний, где

обсуждались окончательные формулировки, которые будут утверждаться на Открытых собраниях) допускалась карточка «плацет юксте морум» — «да, но с известными изменениями». Голосовавший так был обязан объяснить мотивы своей оговорки. Язык Собора также определяли «Статуты» (ст. 28). На Открытых собраниях, Генеральных ассамблеях должна была звучать латынь. Для облегчения понимания разрешалось пользоваться услугами чтецов и переводчиков. Что касается заседаний комиссий Собора, речь о которых пойдет ниже, то здесь допускались и новые языки, но с немедленным переводом на латынь. Все происходящее и услышанное на Соборе надлежало хранить в тайне, этому обязывала 26 статья «Статутов». Не только Отцы Собора, но и все, кто будет оказывать помощь в его работе, обязаны были дать клятву о хранении тайны (наблюдатели клятв не давали, но выполняли моральные обязательства в ее сохранении: они могли сообщать о работе Собора лишь пославшим их Церквам).

Употребляемый в данном контексте термин «Отцы Собора» требует своего объяснения, которое также дают «Статуты»: «Вместе с Верховным Первосвященником епископы и другие, созванные Папой, образуют Вселенский Собор и именуются Отцами Собора».

«На 1 сентября 1962 года их общее число составляло 2850 человек: 85 кардиналов, 8 патриархов, 533 архиепископа, 2131 епископ, 12 аббатов «нуллиус», 14 прелатов «нуллиус»**, 67 генералов монашеских орденов и монашеских конгрегаций клириков»*[1].

В таком составе они приветствовали торжественное открытие Второго Ватиканского Собора 11 октября 1962 года.

В этот день все итальянские газеты поместили сообщения о Соборе, описывая, в основном, его протокольную часть и упоминая историю предыдущих Соборов Католической Церкви. Коротко во всей итальянской прессе прошло сообщение о том, что два наблюдателя от Русской Церкви примут участие в работе Собора.

А 13 октября в соборе св. Петра появились исполняющий обязанности представителя Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей профессор Ленинградской Духовной Академии протоиерей Виталий Боровой и заместитель начальника Русской Духовной Миссии в Иерусали-

---

* Аббаты, обладающие юрисдикцией, подобно епископской, на территории, духовенство и паства которой не принадлежат ни к какой («нуллиус») епархии.

** Прелат, облеченный полной церковной властью на территории, состоящей не менее чем из трех приходов, которая отделена от епархии и независима от епископа.

[1] Толковый словарь к Второму Ватиканскому Вселенскому Собору. Документы Бюро печати. С. 15.

ме архимандрит Владимир (Котляров) как наблюдатели Московского Патриархата.

Первое деловое заседание Собора началось в 9 утра. Трибуна наблюдателей находилась с правой стороны от Президиума Собора, в который вошли кардиналы Тиссеран, Льенар (Лион), Гилрой (Австралия), Фрингс (Зап. Германия), Руффини (Италия), Альфринк (Голландия), Пла-и-Даниель (Испания), Спелман (США) и ряд других.

После прочтения молитвы Тиссеран предложил избрать председателей и членов различных соборных Комиссий. (Список этих лиц был подготовлен и роздан заранее.) Возражения последовали от кардиналов Фрингса, Дёпфнера и Кёнига. Их предложение свелось к переносу выборов на следующее заседание, чтобы дать возможность продумать кандидатуры. Так и решили, перенеся выборы на вторник. И, как заметил в своем отчете о. Виталий Боровой: «*Таким образом, само заседание длилось около 30 минут и окончилось в одиннадцатом часу*»[2].

К нашим наблюдателям стали подходить с приветствиями отдельные кардиналы и епископы. В числе их были Агаджанян, Кениг и Монтини.

От о. Виталия и архимандрита Владимира не ускользнул и тот факт, что епископ Анто-

[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 6.

ний (Бартошевич) и протоиерей Троянов, представлявшие на Соборе Русскую Православную Церковь за границей, вели себя очень сдержанно, хотя и в пределах вежливости.

На 18 часов 30 минут этого же дня был назначен прием Папой всех наблюдателей. Но до этого времени состоялась встреча с послом СССР в Италии С.М. Козыревым. Позже об этой встрече о. Виталий Боровой записал: «*Из беседы мы узнали, что реакция мировой и итальянской прессы на наше прибытие в подавляющем своем большинстве благоприятная и благожелательная*»[3].

Антоний (Бартошевич), архиепископ Женевский и Западно-европейский Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) (1910—1993). Бартошевич Андрей Георгиевич родился в ноябре 1910 в С.-Петербурге. Отец, полковник российской армии Георгий Владимирович Бартошевич, и мать Ксения, будучи глубоко верующими людьми, дали детям строго православное воспитание. В начале революционных событий 1917 г. отец эвакуировался в Белград, мать вместе с сыном переехала в Киев, где мальчик учился до 1924 г. В середине 20-х гг. XX в. А. Бартошевич переехал с матерью к отцу. После окончания русско-сербской гимназии в 1931 г. поступил на технический факультет Белградского ун-та, через 3 года перешел на богословский факультет, окончил его. Духовником Антония в эти годы был иеросхимонах Мильковского в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы монастыря Амвросий (Курганов). В 1941 г. в Мильковском монастыре Андрей Бартошевич был пострижен в монашество. В том же году председателем Архиерейского Синода РПЦЗ митрополитом Анастасием (Грибановским) руко-

[3] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 8.

положен во иеродиакона, затем — во иеромонаха и служил в Троицком храме Белграда. Одновременно являлся законоучителем в русском кадетском корпусе в г. Бела-Церква. С апреля 1945 по 1949 г. состоял в каноническом подчинении РПЦ, служил в русском Троицком храме в Белграде, в феврале 1946 г. возведен в сан архимандрита. С 1949 г. клирик РПЦЗ, служил во Франции, Бельгии, Швейцарии.

В 1957 г. А. был хиротонисан во епископа Брюссельского и в том же году переведен викарным епископом на Женевскую кафедру. В 1963 г. назначен правящим архиереем с титулом «епископ Женевский и Западноевропейский», в 1965 г. возведен в сан архиепископа. В 1981 г. награжден бриллиантовым крестом на клобук. В 1987 г. стал первым заместителем предстоятеля РПЦЗ. Скончался в 1993 г. Архиепископ Антоний автор ряда духовных сочинений, председатель общества «Православное дело», осуществлявшего переписку с верующими в России. Будучи прекрасным иконописцем, расписал храм в Лионе (Франция). (ПЭ. Т. II. Сс. 616–617)

На прием к Иоанну XXIII русских наблюдателей сопровождал монсиньор Вилебрандс. Перед входом в зал Священной Консистории, где обычно собираются на свои заседания кардиналы, все наблюдатели были размещены согласно ранговому списку Церквей. Первое место занимала Русская Православная Церковь. Далее шли представители Коптской, Эфиопской, Сирийской и Армянской Церквей. Следом за ними шла Зарубежная Церковь, потом делегация Англиканской Церкви. И только после всех Церквей, имеющих епископат и преемство, шли различные протестантские церкви и деноминации.

Иоанн XXIII приветствовал каждого наблюдателя лично. Монсиньор Виллебрандс называл имя и Церковь, Папа, улыбаясь, подавал руку и пожимал ответно руку гостя. За Иоанном XXIII следовали кардиналы Беа и Чиконьяни и тоже приветствовали наблюдателей. Обойдя всех, Папа сел в кресло. Он был в «*белой сутане и кардинальской маленькой шапочке такого же цвета. На ногах были надеты туфли из шерсти красного цвета. На правой руке был надет перстень, обрамленный бриллиантовыми камнями. В обращении с присутствующими Папа был очень прост и радушен*»[4].

После приветственной речи кардинала Беа, сказавшего о значении наблюдателей на Соборе, начал говорить Иоанн XXIII. Основная тема его выступления была построена на словах 67 пс. «Благословен Господь день от дне». Папа остановился на значении в его жизни епископского девиза «послушание и мир». Он вспоминал свое пребывание в Стамбуле, Константинополе, Афинах. В этом месте Папа прервал свою речь и сказал, что он не в состоянии забыть этого времени и произнес по-славянски «*Господи, помилуй*» и по-гречески «*Кирие, елейсон*»[5]. На всех присутствующих речь произвела благоприятное впечатление.

[4] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 18.
[5] Там же.

Закончился первый день пребывания наших наблюдателей в Риме, 13 октября 1962 года, один из самых сложных в психологическом плане. Изо дня в день в Москву будут уходить отчеты о деятельности Собора, о встречах и беседах между заседаниями. Эти сведения бесценные, ибо помогают восстановить картину происшедшего глазами русских наблюдателей и сделать вывод о том, какие последствия для православного мира имели и имеют по сей день его решения.

Созыв Собора Римско-Католической Церкви был исторически необходим и для проведения внутренних реформ, и для выработки новой линии взаимоотношений с быстро меняющимся миром. И еще слишком зловеща была тень 1-го Ватиканского Собора 1870 года, сыгравшего роковую роль в истории христианства, отодвинувшего на почти непостижимую даль возможность осуществления завета Христова о едином стаде.

Как известно, 1854 году Папа Пий IX провозгласил догмат о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, внесший новые трудности в отношения между Римом и православием, с одной стороны, и протестантизмом — с другой. А в 1867 г. он же выдвинул идею догмата о папской непогрешимости, сразу же встретившую сопротивление католического епископата. Но 1-й

Ватиканский Собор (по счету, принятому Римской Церковью — двадцатый Вселенский), заседавший с 8 декабря 1869 года по 20 октября 1870 года, принял оба догмата: провозглашенный Папой (первый раз в истории Церкви единолично) о непорочном зачатии Девы Марии и 18 июля 1870 года — о непогрешимости Папы, когда он выступает в качестве пастыря и учителя всех христиан «экс кафедра» (т. е. «с кафедры»). Единодушия при голосовании не было (оппозиция папству вошла в историю как старокатоличество в составе трех епархий — Кельнской, Эссенской и Каттовицкой. Возглавил ее епископ Рейнкенс).

Важно отметить, что решения этого Собора подготавливались Комиссиями, в которых оппозиционеров почти не было. Поэтому Отцы Собора, в действительности принадлежавшие к оппозиции, могли выступать только на Общих собраниях. Но все предложения и поправки подавались опять же в Комиссии, которые их принимали или нет. (На Втором Ватиканском Соборе список кандидатов в Комиссии и их утверждение будет одним из важнейших вопросов 1-й сессии.)

Первый Ватиканский Собор не завершил свою работу. 21 октября 1870 года итальянские войска заняли Рим, Папа Пий IX объявил себя «пленником» на Ватиканском холме. Такое положение разрыва между свет-

ской властью и понтификами в Италии длилось до заключения Латеранского договора 1929 года, признавшего государственную самостоятельность «Града Ватикан».

После Папы Пия IX папский престол последовательно занимали Лев XIII (Джиоакино Печчи), Пий X (Джузеппе Сарто), Бенедикт XV (Джиакомо делла Киеда), Пий XI (Акилле Ратти) и Пий XII (Эуджено Пачелли). Все они были разные, но при их понтификатах осуществлялось верховенство пап, столь категорично провозглашенное догматом о непогрешимости в 1870 г. Первые три из них оставались «пленниками», мечтая и говоря о суверенитете Ватикана. Это продолжалось почти шестьдесят лет, и столько же не ставился вопрос о созыве нового Собора Римской Церкви, несмотря на предписания Констанцского Собора о периодичности.

Принято считать, что Лев XIII проявлял либерализм. Так, его знаменитая энциклика «Рерум новарум» явилась своего рода поправкой к «Силлабусу» (1864 г.) Пия IX. Само заглавие этой энциклики говорило о «новых вещах» или новых явлениях. (Это касалось преобразований общественных и социальных структур во имя элементарной справедливости.) Лев XIII, примирясь с утратой де факто светской власти, настаивал на ведущей роли Католической Церкви в области политики и культуры.

При Пие X Римская Церковь как бы ушла в себя. Пий X был молитвенником, но традицию исповедничества толковал как стойкость при гонении на папский престол, выразившемся в лишении его светской власти, всячески подчеркивая свое «пленение».

Понтификатство Бенедикта XV совпало с началом Первой мировой войны. Он старался придерживаться нейтралитета, неоднократно пытался выступать арбитром между воюющими сторонами в пользу перемирия.

Примером замыкания папства в своей «непогрешимости» стал понтификат Пия XII. Его доктрину «интегрализма», т. е. всеобъемлющего влияния Римской Церкви на мир человека, на государственные, социальные, общественные отношения вряд ли можно было назвать новым явлением, вся история папства подтверждает это.

Приход на престол Папы Иоанна XXIII, выбранного, как известно, в результате компромисса борющихся на конклаве сил, казалось бы, не предвещал никаких бурь и потрясений. Новый Папа был стар, слаб здоровьем, не рассчитывал на продолжительность правления. Войти в историю Католической Церкви он мог только, идя навстречу назревшим реформам. Иоанн XXIII сделал выбор и решил созвать Собор. Энциклика, возвещавшая о созыве и появившаяся после устного заявления, ограничи-

вала объединительные общехристианские цели и делала упор на внутренние реформы пастырского характера. К ним относились: а) введение живого языка в богослужении, упрощение обрядов, допущение более активного участия мирян в богослужении и управлении Церковью, демократизация структур аппарата, воздействие на окружающий некатолический мир различных новых форм служения мирян (апостолат мирян), включая возобновление первохристианского диаконата с социально-хозяйственными функциями и с допущением для таких диаконов семейного состояния и пребывания в миру; б) укрепление и расширение позиций Католической Церкви в новых государствах Азии и Африки путем коренной перестройки миссионерской работы, с предоставлением известной доли самостоятельности поместным национальным церквам; в) укрепление позиций католицизма в странах народной демократии через нормализацию взаимоотношений Ватикана с правительствами этих стран; г) сдерживание национально-церковного самосознания в отдельных католических странах, связанное с требованиями известной доли самостоятельности и автономии.

У реформ, как известно, были сторонники — либералы-прогрессисты и противники — консерваторы-интегристы, борьба между которыми развернулась и в подгото-

вительный период, и на самом Соборе. Эти течения со временем приобрели некий корпоративно-географический и культурно-национальный характер. К либеральному течению относились епископы Франции, Бельгии, Голландии, Германии, часть епископата Африки и Южной Америки. К консервативному направлению относилось большинство итальянского, испанского, португальского, ирландского и американского епископата. Католическое духовенство из социалистических стран вело себя на Соборе по-особому. В вопросах церковно-богословских оно чаще поддерживало интегристов, с либералами объединялось по решению социально-общественных проблем.

В подготовительный период Иоанн XXIII блестяще сдерживал борьбу течений. При подготовке проектов-схем (их должно было быть 73) в состав подготовительных комиссий по его настоянию были включены лучшие католические богословы-эксперты, известные своими либеральными взглядами, хотя интегристы их мнение часто не учитывали.

В августе и сентябре 1962 года борьба усилилась из-за необходимости переделки некоторых схем для «нормализации отношений с Востоком». Это касалось схемы «О Церкви» в вопросе государственно-церковных отношений и схемы о религиозной свободе. Под давлением Иоанна XXIII Сек-

ретариат по делам единства добился успеха: схемы были пересмотрены. Монсиньор Виллебрандс поехал в Москву, «улучшение отношений с Востоком началось»...

Оценка событий накануне открытия Собора еще раз подчеркивает жесткие условия пребывания наших наблюдателей на четырех его сессиях, о каждой из которых речь пойдет дальше.

Как уже отмечалось, первый день работы Собора, 13 октября, для русских наблюдателей был одним из самых напряженных в психологическом отношении. Правда, не обошлось и без исторического курьеза. Джорджио Ла Пира в своей поздравительной телеграмме не только отметил их присутствие как «начало новой эпохи в истории Церкви и народа», но и счел нужным вспомнить митрополита Исидора: «*Флоренция, которая во время унионного Собора 1439 г. видела в своих стенах и храмах Святой Марии Новой и в древнем дворце величественную (священную) фигуру Исидора, митрополита Киевского, будет счастлива принять в Древнем дворце представителей Русской Церкви на Соборе. Поэтому-то от имени города передаю сердечное приглашение прибыть...*»[6].

Время до начала второго заседания, назначенного на 16 октября, было насыще-

[6] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 18.

но приемами и встречами. Особое беспокойство у русских вызывала назойливость журналистов, о которых о. Виталий Боровой писал архиепископу Никодиму следующее: «*Мы ссылались еще и на языковые трудности, но корреспонденты предлагали нам выступить по-русски. Тогда мы стали ссылаться на секретариат, но корреспонденты согласовали этот вопрос и с секретариатом. Ввиду этого мы выдвинули мотив о необходимости воздержания от всяких заявлений, пока остальные Православные церкви пересматривают свои взгляды по вопросу о посылке наблюдателей на Собор.*

Просим указаний, как быть в дальнейшем при подобного рода обращениях корреспондентов и представителей радио и телевидения»[7].

(Естественно, что все интервью наших наблюдателей строго санкционировались властью, заранее определявшей линию выступлений.)

Как уже отмечалось выше, наши наблюдатели посылали отчеты о каждом проведенном дне в Риме. Эти отчеты, адресованные архиепископу Никодиму, являются бесценными православными свидетельствами всего того, что происходило на Соборе. С их помощью по прошествии сорока лет

[7] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Лл. 21, 22.

можно оценить соборную деятельность с точки зрения общественно-политического значения и богословских аспектов.

Первая сессия Второго Ватиканского Собора проходила с 11 октября по 8 декабря 1962 года. С первых дней соборных заседаний стало ясно, что Римско-Католическая Церковь не является монолитом, а два течения, представлявшие ее на Соборе — либералы-прогрессисты и консерваторы-интегристы — жестко противостоят друг другу.

Среди кардиналов, по мнению русских наблюдателей, самым либеральным являлся глава Секретариата по делам единства Агостино Беа. К прогрессивным кардиналам, судя по выступлениям, можно было отнести француза Евгения Тиссерана, декана коллегии кардиналов и Председателя Центральной подготовительной комиссии, Иосифа Фрингса из Кельна, Бернарда Альфринка из Утрехта, Нормана Гилроя из Сиднея. Все они входили в состав президиума. Из общего числа кардиналов на либеральных позициях стояли: «*Франциск Кёниг из Вены, Юлий Дёпфнер из Мюнхена, Джованни Монтини из Милана, Поль Леже из Монреаля, Джиакомо Леркаро из Болоньи, Морис Фельтен из Парижа, Пьер Жерлье из Лиона, Аугусто де Сильва из Сан-Сальвадора, Валериан Грасиас из Бомбея, Лореан Ру-*

гамбва из Конго и отчасти Стефан Вышинский из Польши»[8].

Стефан Вышинский (Wyszynski Stefan), кардинал (1901–1981). Родился 3 августа 1901 г. в г. Ломжа в Польше (Российская империя). После обучения в Варшаве Вышинский в августе 1924 г. был рукоположен во священники. Обучался в Люблинском католическом университете по специальности социология и каноническое право, затем проходил обучение во Франции, Италии, Бельгии. В 1935 г. вернулся в Польшу, где основал католический университет, которым управлял до 1939 г. После оккупации Польши Вышинский покинул г. Влоцлавек. Он вернулся в г. Влоцлавек в 1945 г. и возглавил семинарию. В 1946 г. он был возведен в сан епископа Люблинского. С 1948 г. – архиепископ Варшавский, примас Польши. В 1952 г. возведен папой Пием XII в сан кардинала. Был духовным наставником Кароля Войтылы – будущего папы Иоанна Павла II, продвижению которого активно помогал. В 1953 г. кардинал Вышинский был подвергнут тюремному заключению, освобожден в 1956 г., после прихода к власти Владислава Гомулки. Скончался 28 мая 1981 г. в Варшаве.

Гомулка (Gomulka) Владислав (6 февраля 1905, Бялобжег — 1 сентября 1982, Варшава), польский партийный и государственный деятель, идеолог «польского пути к социализму». Из семьи рабочих. Общественную деятельность начал в польских профсоюзах. В 1926–1938 член Коммунистической партии Польши. В 1934–1935 слушатель Международной ленинской школы в Москве. В 1930-х годах подвергался в Польше политическим репрессиям. В 1939–1941 — в СССР. С января 1941 в движении сопротивления на территории оккупированной Польши. Один из организаторов и лидеров созданной в 1942 Польской рабочей партии, в 1945–1948 генеральный секретарь ЦК. В связи с обвинениями в правонационалистическом уклоне отстранен от руководства и исклю-

[8] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 58.

чен из партии; в 1951—1954 находился в изоляции. В 1956 восстановлен в партии и избран 1-м секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Предложенная Гомулкой программа демократизации общества, укрепления независимости и суверенитета Польши не была выполнена, что привело в 1970 к новому экономическому и политическому кризису. 20 декабря 1970 Гомулка заявил об отставке и ушел с политической арены.

Что касается интегристов, то в количественном отношении они превышали число либерально и прогрессивно настроенных Отцов Собора, которые, в свою очередь, превышали противников «*умом, богословскими знаниями, эрудицией и популярностью среди богословов и духовенства*»[9].

По мнению о. Виталия Борового, «*реакционными и консервативными в своих выступлениях и деятельности на Соборе показали себя кардиналы — из числа президиума: Эрнесто Руффини из Палермо, Антонио Каджано из Буэнос-Айреса; из общего состава кардиналов — Джеймс Макинтайр из Лос-Анджелеса, Ричард Кушинг из Бостона, Альберт Майер из Чикаго, Иосиф Риттер из Сент-Луиса, Джузеппе Ферретто (куриальный), Уильям Годфри из Ливерпуля, Хосе Буэно из Севильи; наиболее реакционным считался на Соборе Альфредо Оттавиани, секретарь Верховной конгрегации священной канцелярии*»[10].

[9] Там же.
[10] Там же. Л. 59.

Но ситуация на I сессии складывалась так, что ни одно направление не могло обеспечить себе прочного большинства в две трети голосов. Простое же большинство голосов по тем или другим вопросам колебалось в зависимости от обстоятельств. При этом необычайно возрастали роль и влияние самого Иоанна XXIII, к поддержке которого прибегали оба течения. Папа лавировал между ними, хотя чаще склонялся к прогрессистам. Но после даже незначительной победы либералов Иоанн XXIII делал уступки консерваторам. Так, в начале Собора он вмешался в ход выборов соборных комиссий и способствовал победе прогрессивной партии, сумевшей включить в состав комиссий большинство своих кандидатов. Однако тут же Иоанн XXIII сделал уступку курии и в число третьей части членов комиссий, назначаемых самим Папой, включил значительное число интергистов.

Ярким примером политики лавирования стало решение Иоанна XXIII о предании статуса постоянной Комиссии Секретариату по делам единства. Папа наделил его широкими полномочиями, включая обязательное участие его членов во всех новых смешанных комиссиях по переработке обсуждавшихся на Соборе схем и подготовке новых. Эта уступка либералам была связана с деятельностью на Соборе Комиссии по чрезвычайным делам во главе с кардиналом

Чиконьяни. Это таинственное образование без определенных функций играло роль контролирующей и сдерживающей силы для многих прогрессивных предложений на Соборе, не предусмотренных схемами.

Иоанн XXIII допустил многочисленные нападки членов Собора на кардинала Оттавиани. (Тот так обиделся, что не присутствовал на заседаниях несколько дней.) Но на торжественной четвертой годовщине своей коронации Папа поставил Оттавиани около себя по правую руку, оказав ему этим личное внимание. Не прошел незамеченным у наших наблюдателей и еще один любопытный факт: «*В угоду прогрессивному направлению папа позволял восточным (униатским) патриархам и митрополитам, в нарушение всех правил Собора, выступать по-французски (хотя они могут говорить и на латинском языке, но принципиально этого не желали) и допускал их острый полемический тон против засилия римского обряда и латинской формы в церковной жизни и богословии католической Церкви. Однако, в угоду консерваторам, папа согласился с требованиями реакционной части кардиналов, чтобы восточные патриархи, (разумеется, все те же униаты, о которых речь была выше) сидели на соборных скамьях не впереди, а после кардиналов*»[11].

[11] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 61.

Поддержка прогрессивного направления при умных тактических уступках интегристам обеспечивала Иоанну XXIII рост авторитета в мире. Только при этом условии в короткий срок Папа Ронкалли смог бы сделать что-то значительное и войти в историю как Папа «реформатор и обновитель», открывший новую эпоху в истории Католической Церкви.

Но Русская Православная Церковь, в угоду интересам власти оказавшаяся на Втором Ватиканском Соборе, оценивала все действия Иоанна XXIII объективно и жестко. Отец В. Боровой, анализируя его «сближение с Востоком» и прекрасно понимая, что все, адресованное им архиепископу Никодиму, проходит цензуру власти, написал: «*...в этом плане следует рассматривать и столь ясно проявившееся в последнее время стремление папы к «улучшению отношений с Востоком», налаживанию «нормализации этих отношений». Из каких бы внутренних побуждений (тактических или искренних, скорее всего из первых) не исходил папа, или какие бы конечные цели он при этом ни преследовал (т.е. действительную нормализацию или тактический выигрыш одной лишь католической церкви, а надо думать, что имеется ввиду, конечно только это последнее)* (подчеркн. о. Виталием), *но не подлежит сомнению,*

что на данном этапе папа серьезно и искренне хотел бы улучшения взаимоотношений с Востоком, так как это еще сильнее укрепило бы его положение и способствовало бы его окончательной победе над курией и силами реакции внутри Церкви»[12].

Это стремление к победе должно было вынудить Иоанна XXIII пойти на целый ряд уступок, которые Н. Хрущев и его окружение видели только в принятии понтификом нового образа жизни в странах Восточной Европы. А о. Виталий написал об этом удивительные по оценке событий слова: «*...быть вынужденным помогать миролюбивым силам социалистических стран даже в таких вопросах, суть которых папа в настоящее время еще не в состоянии правильно понять и потому не готов еще даже к их обсуждению*»[13].

Первая сессия Собора в плане уступок была самой результативной: Президиум Собора и Генеральный Секретариат лишали возможности говорить тех, чьи выступления по политическим причинам могли быть опасными. (В первую очередь это относилось к униатским епископам.) По негласному указанию Отцы Собора не могли выступать с полемическими выпадами и резкой критикой «ни по адресу протестантов,

[12] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 62.
[13] Там же. Л. 65.

ни по адресу православных, ни по адресу социалистических стран. Один из епископов прямо-таки жаловался в своем выступлении, что Отцы Собора стеснены в свободе высказываний[14].

Что касается голосования, то его процедура была очень сложной, оно было тайным, посредством бюллетеней. Отдельно голосовались каждая глава, каждый параграф, каждая поправка и каждая схема в целом. К обсуждению на I сессии было намечено 7 схем. Реально были обсуждены только 4 схемы, и начата работа над пятой. Из них: схема «об источниках откровения» была отклонена, и разработка новых вопросов была поручена уже смешанной комиссии, куда вошел и Секретариат по делам единства.

Как рабочий документ была принята «схема о средствах социального общения» (в нее вошли вопросы о пропаганде веры, об апостолате Церкви, о прессе, о кино, радио и телевидении). На II сессии эту схему следовало принять в сокращенном виде. Как рабочий документ Отцы Собора одобрили схему «о единстве Церкви». Ее принятие должно было произойти также на II сессии, после объединения со схемой «О Церкви», которая была только начата обсуждением и требовала доработки. Самым результативным стало обсуждение литур-

[14] Там же. Л. 66.

гической схемы, состоящей из «Введения» и восьми глав. Но большинством голосов были приняты только первая глава и «Введение», ставшие законом для Католической Церкви. В них говорилось об общих принципах литургической реформы, о допущении живого языка в богослужении, однако в очень ограниченных масштабах, с сохранением, где возможно, латыни. Национальным конференциям епископов разрешалось отныне на месте решать вопрос о живом языке в богослужении. «*В принципе допускается причастие под двумя видами, но в очень ограниченных размерах и в очень определенных условиях. В особых случаях допускается также сослужение. Увеличиваются роль и активное участие верующих в службах. Расширяются значение проповеди и употребление текста Священного Писания. По миссионерским соображениям допускается совершение отдельных служб и обрядов (кроме литургий) на приходском уровне в случае нужды даже диаконами. Для этого допускается женатый епископат и пребывание его в миру (т.е. при исполнении светских должностей и профессий)*»[15].

Конечно, количественные результаты I сессии были малы. Но их значение состояло в ином: в самой возможности Собора, его

[15] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 68.

дискуссиях, его критики в адрес курии и настойчивых требований реформ.

Папа Ронкалли шел не только на изменения во внутренней жизни Католической Церкви. Иоанн XXIII и его окружение меняли тактику отношений и с внешним миром, стараясь приспособиться к ситуации так, чтобы эти изменения могли быть использованы в интересах укрепления Католической Церкви. Необходимость «улучшения и нормализации отношений с Востоком», речь о которых уже шла выше, заставляли идти и на уступки, и на замалчивание, и на целый ряд самоограничений.

Так, в период кубинского кризиса Иоанн XXIII обратился с мирным призывом к заинтересованным сторонам, но отклонил при этом просьбу американского епископата о специальных молениях за президента Кеннеди в Риме. Но, как блестящий дипломат, Иоанн XXIII устроил специальную аудиенцию для американских епископов-делегатов, подчеркнув тем самым свои добрые чувства к Америке. Но на торжественное приглашение посетить США (его передал Спелламан) понтифик ответил отказом.

Китайско-индийский пограничный конфликт вызвал у Отцов Собора сочувствие к Индии, но интересы многих миллионов китайских католиков сдержали Собор от острых выпадов против КНР.

Но наиболее ярко политическое приспо-

собление Ватикана к новому положению в современном мире проявилось в его отношении к нашим наблюдателям на I сессии Собора — о. Виталию Боровому и архимандриту Владимиру (Котлярову). На приеме и у Иоанна XXIII, и других приемах, в ложе для наблюдателей и на всех официальных церемониях, где соблюдался протокольный ранг Церквей и их представителей, наблюдателям Русской Православной Церкви отводилось первое место. Монсиньор Виллебрандс, секретарь Секретариата по делам единства и правая рука кардинала Беа, «*прислушивался к каждому слову наших наблюдателей, всегда находил для них время (а занят он был во время Собора сверх меры), очень откровенно обсуждал с ними все возникающие трудности и препятствия во взаимных наших отношениях (конечно, само собою разумеется, что откровенность эта имела границы, диктуемые интересами католической церкви, и вытекала из этих интересов) и лояльно (может быть, даже скрепя сердце) выполнял все их пожелания*»[16]. Конечно, тонкая ирония о. Виталия понятна и объяснима (именно ему принадлежат эти высказывания о заботе монсиньора Виллебрандса). Но факт оставался фактом.

Ко второй половине I сессии присутствие русских на Соборе стало вызывать

[16] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 71.

сильное недовольство у интегристов и прямые обвинения в том, что в угоду призрачным целям нормализации отношений с Востоком предаются интересы страждущих католиков в странах социалистического лагеря. Эти нападки вынудили Папу и Секретариат по делам единства сменить тактику, они стали действовать более осторожно и «*...показывать, что синхронно и параллельно сохраняют и усиливают хорошие отношения и к греческому православию и к русской эмиграции на Западе. В связи с этим усилилось некоторое заигрывание с карловчанами (епископ Антоний и прот. И. Троянов) и с Константинополем (через личного гостя Секретариата парижского епископа Кассиана Безобразова, находящегося в юрисдикции Константинополя)*»[17].

Через кардинала Беа, не раз беседовавшего с нашими наблюдателями, советское руководство было осведомлено о том, что «*папа и руководство католической церкви вообще понимают историческую неизбежность изменившегося положения на Востоке и готовы на разумных основаниях для пользы Церкви сотрудничать со всем тем новым и хорошим, что там имеется*»[18].

Но оба государства: и СССР, и Ватикан

[17] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 72.
[18] Там же.

хорошо знали цену любым обещаниям. Что касается внешнего расположения, то его высказывали все, с кем приходилось иметь дело русским наблюдателям. Исключение составляли лишь 15 украинских униатских епископов (речь о них пойдет ниже). Но не они волновали Предстоятеля и архиереев Русской Церкви. Для Московского Патриархата была важна реакция православного мира и в первую очередь Константинопольской и Элладской Церквей. Их реакция на появление русских в Риме была очень болезненной, они усмотрели в нем, как отмечал о. Виталий, «*желание со стороны нашей Церкви унизить перед всем миром Константинополь и весь греческий Восток, показать будто бы всему миру, что в Православной полноте первое и решающее значение принадлежит Русской Церкви. Вся греческая пресса и церковные круги громко обвиняли (и продолжают еще обвинять) Русскую Церковь в сознательном нарушении единства Православия, проявившегося на Родосе, в отступлении от идеалов Родоса ради «политических целей Советского правительства»*[19]. Эти высказывания не были беспочвенными. И дело здесь не в унижении, а в том, что православный мир чувствовал давление власти на Русскую Церковь, не имея возможности его объяснить.

[19] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 74.

На плечи наших наблюдателей легла тяжесть объяснения причины своего появления на католическом Соборе без какой-либо возможности говорить об истинных виновниках происходящего — Н. Хрущеве и его окружении. Можно представить себе только, что испытывали о. Виталий Боровой и архимандрит Владимир (Котляров) в этой ситуации двойственности и недосказанности: «*... все единодушно говорили о том, что подобные разъяснения следует дать также и Константинопольскому Патриарху. Лучшей формой для этого был бы, по мнению всех, личный доклад наблюдателей (или одного из них) патриарху Афинагору, с информацией о Соборе. Патриарх имеет информацию почти от всех наблюдателей протестантов, армян, коптов, яковитов и т. п. Не имеет однако информации от единственных православных наблюдателей на Соборе, т. е. от наблюдателей Русской Церкви*»[20]. Такое предложение не устраивало Русскую Церковь: вечный спор о примате Константинополя и Москвы был слишком серьезным в церковной истории. И даже из такой двусмысленной ситуации нужно было найти выход. Очевидно было одно: информация от русских наблюдателей могла успокоить греков, и вопрос о посылке наблюдателей на вторую сессию мог бы быть

[20] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 74.

после этого пересмотрен всеми остальными Православными Церквами. В этом случае Русская Церковь действительно явилась бы миру как решающая сила в Православии.

В противном случае весь мир стал бы свидетелем изоляции Московского Патриархата от остальных Православных Церквей и решающее влияние Константинополя было бы наглядно доказано. (Забегая вперед, следует сказать, что Патриарх Алексий пришлет для ознакомления патриарху Афинагору краткий отчет наблюдателей о I сессии Собора. Но этот жест никак не сможет повлиять на ситуацию: Вселенский Патриарх поведет свою политическую игру с Римом, приведшую к разрушению хрупкого единства православного мира, с трудом достигнутого в послевоенное десятилетие.) Кроме этого, активизируются все силы, противостоящие Московскому Патриархату: и Русская Зарубежная Церковь, и украинские униаты, которых с таким трудом удавалось сдерживать Иоанну XXIII на I сессии Собора. Их было ровно 15, и они представляли украинскую политическую эмиграцию из Югославии, Австрии, Западной Германии, Италии, Франции, США и Канады. Признанным лидером униатских епископов был канадский митрополит Максим Германюк. Еще до начала Собора они выработали меморандум о насильственной ликвидации унии в Западной Украине и

преследовании униатского духовенства в СССР. Этот документ епископы хотели представить на обсуждение Собора и добиться особой резолюции, осуждающей действия и Русской Церкви, и советского руководства. Но уже в период пребывания монсиньора Виллебрандса в Москве кардиналу Чиконьяни, статс-секретарю Ватикана, поступило распоряжение свыше о запрещении принятия меморандума.

Через своих друзей, итальянских епископов, униаты пытались на открывшейся I сессии внести предложение об упоминании «о церкви молчания» и «о страдающих там за веру братьев». Но и это предложение не было принято. И, как отмечал в своем отчете о. Виталий: «*Из числа тех, кто выступал по проекту послания, нашлось только три человека, которые косвенно и вскользь выразили свое согласие с этим предложением. Большинство выступавших высказалось против него. Решительно отрицательную позицию по этому вопросу заняли Президиум Собора и генеральный секретарь. По-видимому, эта линия была указана свыше*»[21].

Сколько же ожидал Иоанн XXIII от I сессии, что пошел и на такие действия! С его решением не согласились украинские националистические организации США и Канады. В Рим приехал Уолтер Душник, один из

[21] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 79.

руководителей УПА («Украинской повстанческой армии»). Он собрал 15 униатских епископов и потребовал от них немедленных действий. По его словам, «*Ватикан все больше начинает считаться с русскими наблюдателями, и в угоду им приносятся «украинские интересы» и совершенно замалчивается «ликвидация унии» и преследование униатского духовенства*»[22].

Епископы начали действовать. Почти все члены Собора получили по почте документ за подписью всех украинских делегатов-униатов. От их имени выражалась надежда, что «*Собор обсудит текст «меморандума» и вынесет по его содержанию соответствующее решение (т.е. осудит нашу Церковь и опротестует действие наших властей)*»[23]. Для распространения этого документа среди мировой общественности было создано специальное украинское пресс-бюро.

Н. Хрущев отреагировал стремительно. Слишком хорошо ему была знакома униатская тема. Именно в бытность Хрущевского партийного лидерства на Украине начался процесс «добровольного воссоединения», начало которого уходит в далекий теперь уже февраль 1945 г.

Инструкции из Москвы предписывали нашим наблюдателям энергичные дей-

[22] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 79

[23] Там же.

ствия. Состоялись беседа с монсиньором Виллебрандсом и кардиналом Беа, от имени папы Иоанна XXIII украинским епископам было выражено недовольство. И, как написал в своем отчете протоиерей Виталий Боровой, «*статс-секретарь Чиконьяни объявил этим епископам выговор. Их поведение разбиралось на общем собрании конгрегации по делам Восточных Церквей под председательством кардинала Тесты. На этом собрании, о котором нам стало известно из нескольких источников, украинским епископам пришлось выслушать много горьких упреков. Кардинал Беа публично в присутствии многих других кардиналов и епископов принес наблюдателям Русской Церкви официальные извинения Ватикана и свои лично и выразил свое глубокое возмущение этой провокацией. Принес свои извинения и статс-секретарь кардинал Чиконьяни (правда, в более сдержанной форме)*»[24]. А кардинал Беа послал в Москву официальную телеграмму с извинениями на имя Святейшего Патриарха Алексия и Председателя Отдела внешних церковных сношений архиепископа Никодима (Ротова). Официальный печатный орган Ватикана «Оссерваторе Романо» дал опровержение меморандума, и все итальянские газеты поместили сообщение об этом.

[24] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 81.

Что касается 15 униатских епископов, то они звонили Беа и Чиконьяни и говорили, что их именами злоупотребили без их ведома. Просили аудиенции у понтифика и кардинала Беа, но не были приняты. А весь мир «*узнал о бесславном провале этой злобной провокации*»[25]. Сейчас, по прошествии сорока лет, это кажется нереальным. Но это было. И могущественный Ватикан шел на большие уступки во имя своих целей... А униатская тема была политической картой, которую разыгрывали и Н. Хрущев, и Иоанн XXIII.

Среди политических хитросплетений I сессии Собора заслуживал внимания и визит в Рим члена Государственного совета Польской Народной Республики, депутата сейма Ежи Завейского. Этот представитель левой интеллигенции, известный писатель, возглавлял группу прогрессивных католиков, желавших сотрудничать с правительством Польши. Будучи другом и доверенным лицом Гомулки, Ежи Завейский одновременно входил в круг людей, близких кардиналу Стефану Вышинскому. В силу этого он играл роль связующего звена между государством и Католической Церковью. В Рим он тоже прибыл, имея специальные полномочия своего правительства для встречи и переговоров с Иоанном XXIII, который принял его через несколько часов после прибытия. И, как было отмечено в

[25] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 82.

отчете наших наблюдателей, «*принят был со всеми почестями и церемониями, подобающими главе государства. Беседа с Папой длилась около 2-х часов и происходила с глазу на глаз. На ней не присутствовал ни кардинал Чиконьяни, ни даже личный секретарь Папы, обычно находящийся вблизи при всех аудиенциях*»[26]. Приезд и аудиенция вызвали на Соборе много догадок и различных толков. По инициативе Ежи Завейского состоялась его встреча с русскими наблюдателями, на которой он хотел поделиться с ними своими впечатлениями от беседы с Иоанном XXIII. По словам Завейского, Папа понимает неизбежность социальных изменений, происходящих в современном мире, и видит много хорошего в странах социализма, в частности, в Польше.

Понтифик дал свое архипастырское благословение польским католикам на их участие в строительстве социализма и в совместных социальных программах. По мнению Завейского, это очень большое достижение, т. к. до сих пор католическая иерархия в Польше совершенно официально объявляла, что она готова сотрудничать с правительством в политических вопросах (границы Польши, сохранение целостности и суверенитета государства и т.п.), но уклоняется от поддержки правительства в

[26] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 83.

социальных вопросах, не желая связать свою судьбу с «*экспериментом, который будет иметь преходящее значение и сам по себе недолговечен*»[27].

Важной информацией для советского руководства было высказывание Иоанна XXIII «о неотвратимости новых границ по Одеру и Нейссе, но он не может об этом публично заявить по понятным причинам»[28]. В условиях нарастания противостояния между СССР и США вопрос о незыблемости послевоенных границ попрежнему оставался одним из важнейших.

На аудиенции был также поднят вопрос и об установлении прямых дипломатических отношений между Польшей и Ватиканом. В разговоре с нашими наблюдателями Ежи Завейский рассуждал о возможности дипломатических контактов между Ватиканом и Москвой. И, по его мнению, — а это, вероятно, и было основным стержнем его беседы с о. Виталием и о. Владимиром, — «*если бы нельзя было установить прямых дипломатических контактов или отношений, то, возможно, польский посол при Ватикане мог бы играть роль некоего связующего звена и отчасти представлять и защищать интересы стран (особенно Советского Союза)*»[29].

[27] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 84.
[28] Там же.
[29] Там же. Л. 85.

Просто и ясно... Именно через католическую Польшу намеревался Ватикан «продвигаться на Восток», как это уже не раз было в истории.

Но у этой идеи были и оппоненты. Менее всего папского нунция в Варшаве хотел видеть польский кардинал Стефан Вышинский, наделенный Ватиканом огромными полномочиями, которые позволяли ему проводить очень твердую по отношению к польскому правительству внутреннюю церковную политику. «*Папский же нунций в Варшаве и непосредственное сношение с ним правительства сильно ограничили бы самовластие Вышинского и несомненно, повлияли бы на «смягчение его жесткого курса»*[30].

Но Иоанн XXIII во имя своих стратегических планов готов был даже жестко корректировать действия кардинала Вышинского.

У наших наблюдателей не было иллюзии, что забота об их политическом спокойствии будет долгой и бескорыстной. Они ждали ответных просьб. И дождались...

Перед самым отъездом русских в Москву (первая сессия подходила к концу) их посетил кардинал Густав Тэста, Председатель конгрегации по делам Восточных Церквей, глава апостольской сигнатуры, заместитель Папы по управлению Ватиканским государством и личный друг Иоанна XXIII.

[30] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 85.

Беседа происходила в резиденции кардинала Беа при молчаливом присутствии монсиньора Виллебрандса.

Густав Тэста начал издалека. Сначала он долго и очень подробно описывал свою близость к Папе, землячество с ним и личную дружбу, начиная со школьных лет. Уверял русских наблюдателей, что Иоанн XXIII считает его своим лучшим другом и делится с ним своими мыслями и заветными желаниями. Православные отцы поняли скоро, что все излияния Тэсты сводятся к одному: его устами с ними будет говорить сам Папа. Суть дела о. Виталий Боровой изложил так: «*Папа очень просит наблюдателей довести до сведения Святейшего Патриарха, а через патриарха — до сведения Советского Правительства, что он — Папа — был бы очень счастлив и благодарен Советскому Правительству, если бы оно, руководясь гуманными соображениями и милосердием, предоставило бы амнистию заключенному униатскому митрополиту Иосифу Слипому, семнадцать лет тому назад осужденному советским судом. Слипой уже глубокий старик, к тому же он больной. Если он был виновен, он достаточно понес наказание за свои преступления. Теперь для Советского Правительства он не представляет уже никакой опасности. Будет гуманно, если его помилуют, освободят из заключения и дадут*

возможность спокойно дожить остатки его дней и умереть не в тюремных условиях. Папа, Тэста и вообще Ватикан ручаются пред Советским правительством в том, что Слипой не возобновит никакой официальной деятельности и не станет что-либо говорить или действовать неофициально. Этот гуманный акт Советского Правительства произвел бы во всем мире самое благоприятное впечатление, а Папа, подчеркивал Тэста, был бы за это «очень и очень и весьма конкретно благодарен» (подчеркн. О. В.)»[31]. (В это время униатскому митрополиту Иосифу Слипому был 71 год, и содержался он в одном из лагерей Мордовии.)

Наши наблюдатели, чьей выдержкой и спокойствием нельзя не восхищаться, напомнили кардиналу Тэста, что вследствие отделения Церкви о государства Святейший Патриарх Алексий не имеет юридических полномочий ходатайствовать о помиловании перед государственной властью. Однако, «*с точки зрения гуманности и христианского милосердия по отношению ко всем людям, наблюдатели понимают озабоченность Папы и его желание помочь своему митрополиту*»[32].

Густав Тэста понимал формальную невозможность ходатайства, но просил рус-

[31] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 88.
[32] Там же.

ских наблюдателей подробно рассказать о данной беседе в своем отчете, прекрасно понимая, что все сообщения о. Виталия архиепископу Никодиму перлюстрируются.

Наши наблюдатели были не единственным каналом, по которому Иоанн XXIII передал свою личную просьбу. Позднее к решению этого вопроса был подключен известный издатель и общественный деятель Норман Казинс, которого Н. Хрущев принял в декабре 1962 г. Во время их продолжительной беседы речь снова зашла об Иосифе Слипом. Н. Хрущев был готов к его освобождению при одном условии: оно не вызовет огласки и не будет использовано для антикоммунистической пропаганды. Эти условия молчания Иоанн XXIII принял, о них нашим наблюдателям вскользь сообщал кардинал Тэста, «*решение удовлетворить просьбу Ватикана было сообщено по дипломатическим каналам в Рим и Вашингтон 18 января 1963 г.*»[33].

Дальнейшие события развивались стремительно. 28 января 1963 г. митрополита Слипого привезли в Москву и поместили под надзор в одной из гостиниц. Со 2 по 4 февраля были улажены все формальности. Их решениями занимались прибывший в Москву монсиньор Виллебрандс и о. Виталий Боровой.

[33] Красиков А.А. Второй Ватиканский Собор в контексте отношений между СССР и Святым Престолом // Второй Ватиканский Собор: взгляд из России. М., 1997. С. 39.

Из СССР Иосифа Слипого вывезли в спальном вагоне. Путь в Италию лежал через Варшаву, Прагу и Вену. «Митрополит Слипой был одет в темный штатский костюм, так что ничто не указывало на его духовное звание. Важно было, чтобы он в дороге по странам свободного мира не был узнан журналистами, которые могли бы сделать из этого сенсацию.

На итальянской территории поезд задержался ночью в местности Орте, за несколько станций до Рима, чтобы не высаживаться на главном вокзале Термини в Риме. Тайна была вполне сохранена. В полночь 9 февраля в Орте приехал личный секретарь Иоанна XXIII монсиньор Лорис Каповилла. Отсюда автомобилем митрополита Слипого повезли в Гроттаферата, монастырь Восточной Церкви. Только на следующий день сюда прибыли кардиналы Чиконьяни и Тэста, которые на папском автомобиле привезли Слипого в Ватикан. Его поместили в приготовленной для него квартире, в доме рядом с приютом св. Марты. Но навещать его можно было, только получив специальное разрешение соответственных властей римской курии. «Джентльменское соглашение» между Москвой и Ватиканом было точно выполнено»[34].

А на II сессии Второго Ватиканского Собора, речь о которой пойдет ниже, мит-

[34] Мацкевич И. Капитуляция Римской Церкви. Новый журнал. 1972. Кн. 108. С. 263.

рополит Иосиф Слипый займет почетное место.

Но это будет позже. А пока русские наблюдатели готовились уезжать домой и впитывали всю информацию вне Собора, столь важную для сложившейся ситуации.

И она была не очень утешительной. Им стало известно, что, кроме прямых контактов между Ватиканом и Востоком, планировалось еще создание посредствующих звеньев в таких отношениях. Для всего греческого Востока и Балкан таким мостом должна стать Вена во главе с кардиналом Кенигом. Для русского Востока (т. е. для СССР) мостом может быть Варшава. (Ежи Завейский был прав, когда говорил об этом.) А все эти «мосты», как их ни назови, были не чем иным, как прозелитическими устремлениями Ватикана. И если на I сессии об этом ни прямо, ни косвенно не говорил никто, то дальнейшие события покажут иное. Важная информация была получена и о самом понтифике: «*Папа, по-видимому, очень серьезно болен. Говорят о раке предстательной железы и астме с нарушением кровообращения. От близкого к папскому врачу (проф. Антонио Гасбаинни) лица наблюдателям от Русской Церкви стало известно, что Папа проживет не больше года. Курия готовится к новым выборам. Называют имена кардиналов Монтини и Леркаро. Они*

известны своей либеральностью, и это обеспечит им голоса всех сторонников реформ и прогрессивного направления. Но они — истые итальянцы, и, таким образом, и дальше власть сохранится в руках итальянцев. Для итальянской курии это важнее всего. Она уверена, что, исходя из этих соображений, за них будут голосовать и консерваторы»[35].

Но не только политические оценки всего происходящего на Соборе волновали наших наблюдателей. Церковно-богословский аспект был основным в заключительном докладе о. Виталия Борового, представленном им архиепископу Никодиму по возвращении домой к концу февраля 1963 г.

Свой богословский анализ он начал с оценки схемы «Об источниках Божественного Откровения». В своей сущности она верно отражала католическое учение по этому вопросу и была в основном приемлема. Однако обсуждение затянулось и вылилось в скучное словопрение, в ходе которого и интегристы, и консерваторы использовали свои лучшие силы. «*Такая «соборная ревность» отцов и их «рвение по благочестию» объясняются только одним. Дело было не в содержании схемы, а в ее внешнем выражении, в ее формулировках и общем тоне. Они были выдержаны в традиционном духе и носили на себе явную*

[35] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 90.

печать юридизма и схоластичности. Поэтому именно сторонники нового направления с таким самозабвением ополчились против этой схемы; поэтому именно с не меньшим ожесточением руководители консервативного направления старались отстоять свои позиции»[36].

Во всех спорных ситуациях Иоанн XXIII проявлял симпатии к новым веяниям, не упуская при этом возможность доставить «некое утешение» и своим друзьям-консерваторам, чтобы сохранить относительный баланс и проявить свое «первосвятительское попечение».

Для православного сознания в экклезиологическом отношении этот факт был беспрецедентным, т. к. «*этим самым Папа фактически ставился вне Собора и над Собором. Епископ Римской кафедры не был членом Собора (хотя бы и наиболее влиятельным и первым среди всех), он являлся верховной инстанцией по отношению к Собору, т.е. по отношению к каноническому волеизъявлению и догматическому самосознанию всей Церкви*»[37]. Таким образом, он не в Церкви, а над Церковью. И какой бы ни был сам Иоанн XXIII, как бы благотворно он ни влиял на обновление католической церковной жизни, для православного мира это было продолжением пе-

[36] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Лл. 97, 98.
[37] Там же. Л. 98.

чальной линии Первого Ватиканского Собора. Второй важнейший богословский вывод наши наблюдатели сделали, проанализировав «*Схему декрета о единстве Церкви — Да вси едино будут*» и главу об экуменизме «*Схемы о Церкви*», которые «*не стояли на позициях подлинного диалога между разобщенными братьями, не удовлетворяют их самосознанию исторической и догматической справедливости и потому не могут служить эффективным инструментом христианского единения. Говоря кратко, — это очень хорошо разработанные схемы не соединения, а присоединения*» (подчеркн. о. Виталием)[38].

Этот слабо звучащий лейтмотив будет все более усиливаться на последующих сессиях.

Сдержать этот натиск могли православные наблюдатели, представительство которых должно быть более полным. «*И православным следует осторожно и бдительно относиться к сохранению и охранению той полноты целостной и неповрежденной истины, которой обладает Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь*»[39].

Присутствие наблюдателей от Автокефальных Православных Церквей не означает «*ни их согласия со всем, что происходит на Соборе, ни признания вселенского ха-*

[38] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 99.
[39] Там же. Л. 102.

рактера данного Собора. Вселенским становится Собор в силу рецепирования и только лишь после рецепирования его постановлений всей Вселенской Церковью»[40].

А наличие своих наблюдателей на Соборе для православного мира должно рассматриваться, с одной стороны, сдерживающим фактором «*для возможных отрицательных в отношении Православия явлений, а с другой стороны, как стимулирующий фактор для новых веяний и новых отношений*»[41]. Иной миссии, кроме охранительной, быть у них и не могло.

Приезд домой и легкая передышка перед следующим раундом — второй сессией — нужно было использовать с максимальной пользой: сделать все возможное, чтобы сломить противостояние Вселенского Патриарха Афинагора и убедить его послать своих наблюдателей в Рим. В противном случае изоляция Русской Церкви была бы слишком очевидной. Приезд наблюдателей от Восточных Православных Церквей входил и в планы Иоанна XXIII. Но прогнозируемого врачами года жизни у него уже не оставалось.

3 июня 1963 года Папа Иоанн XXIII скончался, завещав, чтобы его похороны не были торжественными.

Предстоятель Русской Православной Церкви Патриарх Московский и всея Руси Алексий

[40] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 102.
[41] Там же.

(Симанский) в телеграмме на имя государственного секретаря Ватикана кардинала Амлето Чиконьяни выразил скорбь по поводу утраты, постигшей Римскую Церковь, и отметил, что «*в сердцах всех людей, стремящихся к миру, сохранится благодарная память об усердных трудах Папы по сохранению и упрочению мира на земле*»[42].

Ушел из жизни один из крупнейших политических и церковных деятелей XX века.

Анджелло Джузеппе Ронкалли родился 25 ноября 1881 г. в деревне Сотто иль Монте, в провинции Бергамо. Учился в Бергамской духовной семинарии и в Великой Понтификальной семинарии (духовной академии) на богословском отделении, которую окончил с высшей наградой. Был рукоположен в священный сан в августе 1904 г. До начала 20-х годов его служба протекала в родном Бергамо и Милане. А с марта 1925 г. после епископской хиротонии он получил назначение в Болгарию, где исполнял обязанности апостолического делегата. В течение 28 лет своей дипломатической службы он бывал и в Афинах, и в Анкаре, и в Париже, куда он прибыл на архиепископскую кафедру в 1945 г. Его плодотворная деятельность во Франции была отмечена возведением архиепископа Ронкалли в кардинальское достоинство.

Одновременно с этим в январе 1953 г.

[42] ЖМП. 1963. № 7. С. 75.

французский президент Венсани Ориоль наградил Анджелло Ронкалли высшим орденом Французской Республики. Следующим местом службы стала Венеция, куда кардинал был назначен Патриархом Венецианским в конце 1953 г. А 4 ноября 1958 г., спустя неделю после избрания Папой, Венецианский Патриарх Анджелло Ронкалли был коронован на престол св. Петра и с именем Иоанна XXIII возглавил 263-й понтификат Римской Церкви, который продолжался неполных пять лет.

Вопрос о преемнике стал не только определяющим для Католической Церкви, но и важным для православного мира. Заявление об этом прозвучало в некрологе памяти Иоанна XXIII, напечатанном в «Журнале Московской Патриархии» в июле 1963 г.: «*Ныне, воздавая должное светлой памяти Папы Иоанна XXIII, христиане Русской Православной Церкви с упованием на Бога ожидают, что великое дело христианской любви, которое почивший Предстоятель Римско-Католической Церкви так ревностно совершал в этом мире, будет продолжено его достойным преемником*»[43].

Текст некролога разъяснял православным и причину высокой оценки деятельности понтифика: «*Русская Православная Церковь в своих экуменических перспек-*

[43] ЖМП. 1963. № 7. С. 79.

тивах не имеет в виду склониться к какой-либо уступке в части драгоценного для нее догматического и нравоучительного достояния, воспринятого от древней, неразделенной Церкви. Положительные высказывания со стороны православных в адрес Римско-Католической Церкви и ее почившего Предстоятеля (подчеркн. О. В.) *вызваны тем обстоятельством, что папа Иоанн XXIII вступил на правильный путь реалистического и подлинно христианского отношения к миру и прогрессу человечества, что совпадает с неизменной линией Русской Православной Церкви в деле утверждения на земле мира, справедливости и прогресса»*[44].

Но искренняя скорбь не скрывала и стоящего перед всеми вопроса: что же произойдет в дальнейшем? Будет ли продолжаться Второй Ватиканский Собор?

(В истории Римской Церкви многие из ее Соборов продолжались при понтификатах нескольких пап.)

Главный вопрос заключался в том, кто будет новым папой. Сразу же после смерти Папы Иоанна XXIII основное внимание сосредоточилось на архиепископе Миланском кардинале Монтини. Именно ему будет суждено войти в историю с именем Павла VI.

[44] ЖМП. 1963. № 7. С. 79.

Глава 6

«...Оставляю Вам три моих главных заботы — о Церкви, о Соборе, о мире»

Эти слова умирающего Папы Иоанна XXIII были обращены к архиепископу Миланскому Монтини, прибывшему проститься с понтификом.

Известно, что с момента своего избрания Иоанн XXIII подчеркивал сердечное расположение к архиепископу и особенно близость их мышления. В последний год его понтификата стал известен один не очень значительный, но характерный и показательный эпизод. Так, при вручении Иоанном XXIII Монтини перстня Папы Пия XII (Пачелли) понтифик отметил, что кардиналу представится случай возвратить его Церкви.

По традиции, после смерти Папы вся полнота власти в Римско-Католической Церкви перешла к Священной коллегии кардиналов, но практическое руководство

духовными и светскими делами осуществляла группа кардиналов из четырех человек во главе с деканом Коллегии кардиналов Евгением Тиссераном. В руководящую четверку входил также и кардинал-камерленг Алоизий Бенедетто Мазелла (управляющий имуществом Св. Престола), которому в период времени между смертью прежнего Папы и выборами нового надлежало руководить всей светской деятельностью Римской Церкви. Этой руководящей группе нужно было не ранее 15 дней и не позднее 19 дней после смерти Иоанна XXIII созвать всех кардиналов Римской Католической Церкви на конклав для избрания преемника почившего Папы. Днем начала выборов стал день 19 июня.

Сама процедура выборов складывалась веками и имеет свои традиции. Вначале кардиналы присягают в том, что они сохранят в тайне все сведения, связанные с избранием Папы. После присяги раздаются три удара колокола конклава, и все посторонние лица покидают Сикстинскую капеллу, где проходят выборы.

Вплоть до момента избрания Папы кардиналам под страхом отлучения от сана запрещается получать из внешнего мира любые печатные документы и письма.

Каноническое право Римской Католической Церкви предусматривает следующий порядок избрания: каждый кардинал

получает бюллетень, на котором «сделана надпись на латинском языке: «Я выбираю Святым Первосвященником Его Высокопреосвященство кардинала .....». Затем он заполняет этот бюллетень и опускает его в урну со словами: «*Призываю в свидетели Господа нашего Иисуса Христа, перед которым я предстану на суде, что я избираю того, кто по воле Бога должен быть избранным*»[1].

По окончании голосования в капеллу приглашаются три счетчика, которые и приступают к подсчету поданных голосов. Один из них достает бюллетень, зачитывает вписанное в него имя и передает его двум своим коллегам, которые также вслух повторяют это имя.

Перед каждым из сидящих кардиналов лежит список всех членов конклава, на котором они и делают пометки о количестве полученных голосов. Избранным считается тот, кто получит 2/3 голосов + 1 голос. Если при первом туре голосования ни один кандидат не набрал большинства, то назначается новое голосование, а использованные бюллетени сжигаются в печи вместе с мокрой соломой. И все собравшиеся на площади св. Петра видят черный дым, показывающий, что голосование было безрезультатным.

---

[1] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 16.

Белый же дым (когда горят одни бюллетени) свидетельствует об избрании Папы.

Каноническое право Римской Церкви предусматривает еще две процедуры выборов Папы: «*по вдохновению Бога*» и «*по договоренности*». Согласно первой кардиналы без обсуждения останавливаются на каком-либо лице и назначают его Папой. «*Вторая процедура предусматривает создание по договоренности всех кардиналов комиссии в составе 3, 5 или 7 человек, которой и поручается выбирать Папу. Но со времени средневековья эти две процедуры не применялись*»[2].

Важно отметить, что в течение дня разрешается проводить не более двух голосований, и в истории Католической Церкви были случаи, когда выборы затягивались на долгие месяцы.

Когда избрание состоялось, то в Сикстинскую капеллу приглашаются секретарь Коллегии кардиналов, префект и два руководителя церемониала. В их присутствии декан Коллегии кардиналов спрашивает вновь избранного Папу о том, согласен ли он с избранием и какое имя хочет принять. В случае положительного ответа старейший кардинал-дьякон с балкона капеллы представляет «граду и миру» нового понтифика.

19 июня 1963 г. на конклав собрались 82 кардинала, из которых 45 были возведены

[2] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 17.

в этот сан Иоанном XXIII. Всех их, в зависимости от отношения к политике покойного Папы и позиции, занятой на I сессии Второго Ватиканского Собора можно было отнести к трем группам: «*консерваторам*», «*умеренным*» и «*обновленцам*». И, как отмечала итальянская пресса, «*у консерваторов, к которым относятся две трети итальянских кардиналов, некоторые латиноамериканцы, испанец Ларраона и американец Спелльман, нет серьезных шансов добиться избрания на папский престол их ставленника. Их линия не нашла поддержки ни на вселенском соборе, ни в подавляющем большинстве национальных церковных организаций. Единственное, что они могут сделать, так это постараться воспрепятствовать избранию папы — «обновленца»*[3].

Среди журналистов большинство склонялось к тому, что претендента на папский престол следует искать среди «*умеренных*» и в меньшей степени среди «*обновленцев*». Назывались следующие имена итальянских кардиналов:

«*Джакомо Леркаро, 1891 г.р., архиепископ Болоньи, известен своим интересом к социальным проблемам, один из немногих, кто поддерживает «обновленцев».*

Джованни Монтини, 1897 г.р., архиепископ Милана, имеет большой дипло-

[3] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 18.

матический опыт. Возведен в сан кардинала Иоанном XXIII в 1958 г. При Пие XII в течение многих лет руководил внешней политикой Ватикана. Занимает осторожную выжидательную позицию. На Вселенском соборе ясной позиции не занимал (— подчеркн. О. В.), *хотя раньше его причисляли к «обновленцам».*

Карло Конфалоньери, 1893 г.р., секретарь консисторальной конгрегации. В свое время был личным секретарем папы Пия IX. Пользуется поддержкой Римской курии, «умеренный».

Джованни Урбани, 1900 г.р., патриарх Венеции. Возведен в сан кардинала Иоанном XXIII в 1958 г., один их его активных сотрудников. Его называют как одного из соавторов энциклики «Мир на земле». Считается «умеренным».

Паоло Марелла, 1895 г.р., кардинал Римской курии, пользуется ее поддержкой. Его поддерживают также американские кардиналы. «Умеренный».

Франческо Роберти, 1889 г.р., кардинал Римской курии, префект трибунала по делам Апостолического суда. Известный специалист в области права. Называется среди «умеренных».[4]

Среди возможных кандидатов на папский престол называли и имена нескольких кардиналов-иностранцев. Но все понимали,

[4] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Лл. 18. 19.

что их шансы быть избранными очень малы, т. к. существовала вековая традиция избирать Папой только итальянца. Последним Папой неитальянского происхождения был Адриан VI (1522—1523) из Утрехта. Итальянские обозреватели среди иностранных кандидатов называли и австрийца Франца Кенига, и Бернарда Альфринка из Голландии, и бельгийца Лео Сюэненса. Особо отличала итальянская пресса кардинала Григория Агаджаняна, считая его одним из наиболее вероятных претендентов на папский престол. «*Кардинал Римской курии, он возглавляет важную Конгрегацию по пропаганде веры. С ранних лет он живет в Италии и считается наиболее «итальянизировавшимся» из иностранных кардиналов. Благодаря своим способностям и разносторонним знаниям, он пользуется поддержкой со стороны различных течений. На выборах преемника Пия XII в октябре 1958 г. он также был среди кандидатов. Является осторожным сторонником курса Иоанна XXIII*»[5].

Смерть Иоанна XXIII оставила Римской Церкви две нерешенные проблемы: Второй Ватиканский Собор и начатый понтификом новый курс в отношениях с правительствами социалистических стран. Линия Папы — Ронкалли была настолько популярна, что даже его недруги вынуждены были гово-

[5] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 19.

рить о ее неизбежности: «*Новый папа не может не возобновить работу вселенского Собора (хотя он по каноническому праву имеет право на это) в силу широкого круга вопросов, которые там были поставлены и не разрешены*»[6].

Сложность избрания прежде всего была связана с внутренней борьбой различных течений в Римской Церкви, которая так рельефно проявилась на I сессии Собора. (Речь о «прогрессистах» и «консерваторах» шла ранее.) Что касается «умеренных», то они либо колебались, либо старались не примыкать ни к тем, ни к другим. При выборе нового Папы роль «умеренных» становилась очень важной: исход зависел от того, кому они отдадут свои голоса.

Сами же итальянские кардиналы (24 из 29) считали целесообразным избрание Папы умеренного направления, без новаторских идей. И только пятерых: Монтини, Леркаро, Урбани, Тэста Густаво, Конфалоньери — политические обозреватели называли продолжателями реформистской деятельности Иоанна XXIII.

Вопреки ожиданиям, конклав оказался весьма непродолжительным. И 21 июня 1963 года он избрал Папой архиепископа Миланского, несмотря на сильное противодействие консервативного крыла.

Кардинал Монтини при своем избрании

[6] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 21.

Папой принял имя Павла. В своем первом обращении он отметил, что «*самая значительная часть нашего понтификата будет занята продолжением Второго Ватиканского вселенского Собора, к которому устремлены взоры всех людей доброй воли. Это главное дело, которому мы посвятим все силы, данные нам Господом*»[7]. А 28 июня 1963 года новый Папа назначил открытие второй сессии Собора на 29 сентября — день празднования Римской Католической Церковью памяти Архистратига Божия Михаила.

Джованни Баттиста Монтини — Папа Павел VI родился 26 сентября 1897 года на севере Италии, в Кончезио, около Брешии в семье редактора газеты «Читтадино ди Брешиа» («Гражданин Брешии»). Впоследствии его отец, Джорджо Монтини, примкнул к народной партии («партито пополаде») и был избран членом парламента.

Будущий Папа учился в семинарии в Брешии, а позже в Риме он проходил одновременно курс трех высших учебных заведений: Государственного университета, Григорианского понтификального университета и Понтификальной церковной академии, готовящей кадры для Государственного секретариата — дипломатии Ватикана. Первый дипломатический опыт молодой священник приобрел в папской нунциатуре в

[7] ЖМП. № 11. 1963. С. 50.

Варшаве. Три последующих десятилетия Монтини работал в Государственном секретариате, совмещая эту деятельность с пастырским служением.

С 1937 по 1954 гг. был помощником Государственного секретаря Ватикана и начальником Отдела текущих дел. За семнадцать лет работы на этом посту он ведал личным составом всех дипломатических представительств Ватикана. Рост его авторитета среди епископата в этот период был очевиден. В 1953 г. Монтини получил назначение на Миланскую кафедру, самую значительную после Рима...

Личность Папы Павла VI интересовала не только католический мир. За всеми событиями в Ватикане следили из Москвы. Понтифик и его окружение попали в сферу интересов сотрудников 2-го Главного управления Комитета государственной безопасности. По их мнению, «*новый папа Павел VI, избранный в июне 1963 года, выступает за то, чтобы Ватикан и Католическая церковь выработали более гибкие, тонко замаскированные методы борьбы с коммунизмом. Павел VI и его сторонники выступают за новые формы деятельности католической церкви в социалистических странах, допуская в определенной степени сотрудничество церкви с правительствами этих стран*»[8].

[8] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 72. Л. 71.

Для советского руководства важной информацией стало известие о том, «*что Павел VI поправит «ошибки» своего предшественника в отношении «левого курса». И его политика не будет открыто реакционной и не реформаторской, подобно линии Иоанна XXIII*»[9].

Отличительной чертой понтифика как политика была осторожность во всем. И в период подготовки к работе II сессии Собора, обещающей быть сложной, Павел VI подстраховал себя принятием неожиданного для многих решения. 17 сентября было объявлено, что Папа счел необходимым поставить во главе Собора для руководства его трудами четырех арбитров, которые будут занимать положение выше Президиума Собора и будут называться его модераторами. Все четверо: архиепископ Болонский Леркаро, поборник «нищенствующей» Церкви; архиепископ Миланский и Брюссельский Сюэненс — один из наиболее активных сторонников линии Иоанна XXIII, выразитель нового курса Римской Католической Церкви; архиепископ Мюнхенский и Фрейзингский Депфнер, младший по возрасту из кардиналов, представитель обновленческого курса в немецком католичестве; куриальный кардинал Агаджанян, считающийся «умеренным», — были личными друзьями Папы. Через них

[9] Там же.

Павел VI мог осуществлять руководство Собором, и его воля происходила бы без необходимости личного вмешательства, как это было на I сессии при Иоанне XXIII.

Второе свое решение, также неожиданное для многих, понтифик обнародовал перед курией в зале Благословений Ватиканского дворца 21 сентября 1963 г., за восемь дней до открытия II сесиии Собора. В своей речи Павел VI указал, что курия должна стать международной по составу и что управление Римской Церковью будет децентрализовано. В связи с этим возрастет роль епископата на местах. Папа подчеркнул, что это — намерение Собора и его собственное, призвав кардиналов курии поддержать инициативу. Этим далеко идущим планам в Москве не очень верили. Павел VI по-прежнему оставался фигурой закрытой. Из агентурных данных были известны темы закулисных разговоров накануне его выборов, которые не могли не волновать советское руководство: «Монтини в то время заключил со Спелманом соглашение, по которому в обмен на поддержку обещал оставить Чиконьяни на посту государственного секретаря.

Аналогичные беседы с Монтини накануне выборов нового Папы имели кардиналы Испании, Франции и Бельгии. Они обещали поддержать Монтини, но взамен потребовали от него занять более жесткую пози-

цию по отношению к коммунизму, однако не сразу, с тем, чтобы отдать должное памяти Иоанна XXIII и выдержать в течение определенного времени линию последнего и тем самым укрепить свой авторитет»[10].

Возможное изменение курса Ватикана в отношении социалистических стран могло сильно повлиять на европейское направление советской внешней политики. В Москве осознавали, что основные события, эхо которых коснется и внешнеполитических проблем, будут разворачиваться на II сессии Собора. Это советское руководство понимало. Не понимало и не желало оно понимать иного: какова будет дальнейшая судьба русских наблюдателей на Соборе, какую позицию в новых для себя политических условиях (речь о которых пойдет ниже) займет Вселенский Патриарх Афинагор. Московские стратеги, исписывая сотни листов справками о реакционной империалистической сущности Ватикана, оказались не готовы к дальнейшим событиям в межцерковных отношениях.

И, как не раз это было в российской истории, Русская Православная Церковь встала на защиту своих догматических и канонических интересов, а также и интересов своего государства, от которого она была отделена. От государства, но не от народа. Это противостояние было сложным

[10] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 72. Л. 71.

и изнурительным. А отголоски тех событий чувствуются и по сегодняшний день...

Все это разворачивалось на фоне дальнейшего ужесточения антирелигиозной политики в СССР.

Избрание Павла VI совпало по срокам с очередным Пленумом ЦК КПСС, проходившим с 18 по 21 июня 1963 года. На нем с большим докладом «Об очередных задачах идеологической работы партии» выступил секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев. Из стенограммы доклада на первом заседании Пленума:

«*Ильичев. Формирование научного мировоззрения и коммунистической морали невозможно без борьбы с религиозной идеологией.*

Религия — главный противник научного мировоззрения внутри страны, один из самых цепких пережитков прошлого, от которого не освободились еще значительные слои населения. В нашей стране давно уже подрезаны социальные корни религии, но религиозные взгляды еще существуют, как пережиток прошлого. Там, где не работаем мы, усиливается влияние церковников и сектантов. В ряде республик и областей все еще очень высок процент людей, совершающих религиозные обряды. Приведу некоторые цифры (не для печати). В Литве, например, крестят свыше 60

процентов новорожденных, а в ряде районов Латвийской ССР — свыше 80 процентов. В Чувашской АССР в прошлом году окрестили 59 процентов новорожденных, в Рязанской области — 60 процентов, Ивановской — 58 процентов, чаще всего происходит двойное крещение — в церкви и загсе.

Хрущев. Так крепче! (Смех, оживление). По формуле: «И Бога моли, и черта не гневи»[11].

Но, несмотря на жесткие решения пленума в области внутренней государственно-церковной политики, они никак не влияли на международные государственные интересы с использованием церковных каналов. Власть одобрила и санкционировала приезд в Москву в июле 1963 года католической делегации — монсиньора Шаррьера, епископа Женевы и Фрибурга и о. Дюмона — по случаю празднования 50-летнего епископского юбилея Святейшего Патриарха Алексия. По возвращении в Рим о. Дюмон в пространном отчете подчеркнул «необходимость продолжать поддерживать открытость Москвы, продиктованную в основном внутренней необходимостью самой Русской православной церкви»[12].

[11] РГАНИ. Ф. 2. Оп.1. Д. 635. Л. 87.

[12] Велати М. «Русская православная церковь между Женевой и Римом в годы Второго Ватиканского собора // Второй Ватиканский собор: взгляд из России. М., 1997. С. 174.

Внутренняя необходимость исходила, в первую очередь, из желания хоть как-то вырваться из тисков Хрущевской «церковной» реформы.

Павел VI также придавал значение этому визиту. При посещении им 18 августа 1963 года древнего Гроттаферратского аббатства он отметил его важность, назвав визит выражением великой искренности.

Гроттаферратское аббатство являлось крупнейшим и весьма красочным центром итальянского византийского обряда. Монастырь был ставропигиальным, подчинявшимся непосредственно Папе. Он славился своим собранием уникальных греческих рукописей и книг. И именно отсюда, из центра итальянского византийского обряда, Павел VI обратился к Восточным Церквам: *«Не имеет ли Папа миссию обращать свои взоры и ко всем прочим Церквам Востока, у которых общее с нами крещение, общая в основе вера, у которых действительная иерархия и благодатные таинства? Да, преемник Петра обращается к этим братьям, ибо каждый может видеть ныне, что по их происхождению и естеству сии Восточные Церкви близки к нам... И что же сказать Папе? В Церкви уже находится в действии все, что может быть сказано по этому поводу. Прежде всего — привет, почетный и широкий, этим древним и великим Цер-*

квам Востока. Это почтение должно было бы воистину быть выражением великой искренности, простой и братской широты взглядов, с которой недавно, в прошлый месяц, епископ Католической Церкви монсиньор Шарьер, епископ Лозанский, Женевский и Фрибургский, прибыли в Москву от имени Секретариата по единству христиан, чтобы принести благопожелания Патриарху Алексию по случаю его епископского юбилея»[13].

Вряд ли эти слова можно расценивать как братское обращение. Здесь все иначе: преемник Петра обратился с миссионерскими словами к «братьям», близким Римской Церкви, но не равным ей. И важно, что этот мотив прозвучал еще до открытия II сессии Собора. Но было и другое мнение, оценивающее заявление как желание направить работу предстоящей сессии к «воссоединению христиан». Там же, в Гроттаферрате, Павел VI, отдав должное Восточным Церквам и определенно признав их «харизматическое» общение с Римом, заявил, что Католическая Церковь не хочет ни поглотить, ни уничтожить этот великий расцвет Восточных Церквей. Понтифик выразил надежду на восстановление единства всех христиан если не в этом веке, то в следующем. Речь в Гроттферранском аббатстве комментировали почти все итальянские

[13] ЖМП. № 11. 1963. С. 53.

янские газеты. И многие политические обозреватели сходились на том, что «*когда говорят о восточных церквах, то имеют в виду прежде всего Русскую Церковь, т. е. Церковь, живущую в советской системе, и легко может явиться мысль воспользоваться католико-православным объединением для специфически политической цели — как средства добиться согласия на проникновение в СССР католицизма* (подчеркн. О. В.) *с возможностью большей активности, чем та, которая допущена для Православной Церкви — по многим историческим причинам и прямо сделать это проникновение орудием «западничества»*[14]. Вряд ли можно было сказать более откровенно и жестко о проблеме «воссоединения».

Отделять интересы Римской Церкви от интересов Запада было бы большой политической ошибкой. И в Москве хорошо знали позицию теоретика «атлантического папства» Джованни Спаролини: «*Чем больше Святой престол будет упорствовать в своем старании вернуть к себе восточные Церкви, находящиеся под властью коммунистической диктатуры, тем больше он будет нуждаться в Италии, прочно прикрепленной к западной и атлантической системе*»[15]. Ответом Вати-

[14] Аванти. 20 августа 1963.
[15] Там же.

кану и Западу могло стать только всеправославное единство и общая линия всех Автокефальных Православных Церквей в отношениях и с Римской Католической Церковью, и с руководством западных стран.

Русская Церковь возлагала большие надежды на II Всеправославное Совещание на Родосе, которое проходило в период с 26 по 29 сентября 1963 года, накануне открытия II сессии Собора. Инициатива его открытия, так же, как и первого совещания, принадлежала Вселенскому Патриарху Афинагору. Обсудить предстояло следующее: определение на основе общего согласия особенностей посылки наблюдателей от всех Православных Церквей на II сессию Ватиканского Собора.

Второе Родосское совещание, в отличие от первого, было малочисленным. Число участников сократилось с 14 до 10. Отсутствовала и Греческая Церковь, которая вопреки мощному давлению со стороны греческого правительства отказалась направить свою делегацию на Родос. Русскую Православную Церковь представляли архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин) и митрополит Никодим (Ротов), который перед прибытием на Родос, 15 сентября, был на аудиенции у Павла VI в Риме. Важность этой встречи и для советского руководства, и для Русской Церкви очевидна: была острая необ-

ходимость в уточнении позиции Павла VI в отношении социалистических стран накануне возобновления работы Собора. 18 сентября 1963 г. в секретной записке в ЦК КПСС заместитель Председателя Совета по делам Русской православной церкви В. Фуров докладывал:

«15 сентября с.г. глава римско-католической церкви Павел VI принял члена Синода Русской православной церкви, Председателя Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии митрополита Никодима (Ротова Б.Г.), находившегося в Риме проездом. Встреча состоялась по инициативе папы (подчеркн. О. В.) *и носила частный характер.*

В беседе с митрополитом Никодимом Павел VI стремился показать, что он является верным последователем своего предшественника Иоанна XXIII, и интересовался, что хотела бы Русская православная церковь от Ватикана?

На заявление митрополита Никодима о том, что у нас популярна реалистическая политика, которую проводил в международных вопросах папа Иоанн XXIII, Павел VI сказал, что «он очень почитает своего предшественника папу Иоанна XXIII и хочет действовать так, чтобы продолжать его линию во всем, хотя, говоря откровенно, — подчеркнул он, — это бывает иногда весьма трудно. «Я

твердо уверен и надеюсь, — заявил Павел VI, — что все трудности в проведении курса покойного папы будет преодолены, его линия восторжествует, и вторая сессия собора в этом отношении пройдет не хуже первой».

Далее Павел VI просил митрополита Никодима передать Советскому Правительству, что он хранит глубокую благодарность и признательность за освобождение митрополита Иосифа Слипого»[16].

Результаты аудиенции можно было расценить как позитивные. Итальянская пресса призвала западный мир пересмотреть существующее о Русской Церкви мнение как о «*второстепенной силе русского общества, которая де выжила в силу инерции по отношению к социальным событиям, совершенным во имя атеистической идеологии. В действительности, находясь в весьма трудном положении в силу обстановки, Русская Православная Церковь не является стареющим организмом, а представляет из себя организм, который вновь расцветает*»[17]. А флорентийская газета «Джорнале делль маттино» привела слова монсиньора Шарьера, главы ватиканской делегации на праздновании епископального юбилея Патриарха Алексия, о русских верующих: «*Их*

[16] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 10. Л. 192.
[17] АВП. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 44.

набожность восхитительна, их вера гранитна. У этой церкви, находящейся в непрочном положении, необычайная живучесть»[18].

Впереди митрополита Никодима ждал Родос, где в очередной раз нужно было противостоять централизму Константинополя в решении общецерковных задач, к которым относилось и присутствие наблюдателей на Соборе. По этому вопросу единой позиции не было. «В ходе дискуссии делегации Константинополя, Александрии и Кипра приняли попытку навязать совещанию свою линию. Не являясь принципиальными противниками посылки наблюдателей в Рим, они тем не менее рассматривали весь этот вопрос как «*бесплодное маневрирование, ибо наблюдатели не имеют права принимать участия в дискуссиях, а также унизительное заискивание, ибо Ватикан поставил православных на одну доску с протестантами*»[19]. И только благодаря усилиям митрополита Никодима был найден компромисс: каждая Автокефальная Церковь будет решать вопрос о наблюдателях самостоятельно.

По настоянию Председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии было решено, что наблюдатели не могут быть в епископском сане, т. к.

[18] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67.
[19] Велати М. Указ. соч., с. 351.

положение наблюдателя несовместимо с епископством. Неожиданно для всех Патриарх Афинагор устами своего викария митрополита Мелитона Эливпольского выдвинул идею открытия диалога с Римом при соблюдении принципа «равноправия». Но и по этому вопросу между греческим и славянским православием не было достигнуто соглашение. В обнародованном 28 сентября 1963 года заключительном заявлении Совещания все расхождения были зафиксированы и было сказано также о решении вынести вопрос диалога с Римом на следующее Всеправославное Совещание.

Патриарх Афинагор боялся усиления международного влияния Русской Церкви и желал контролировать ее путем включения в систему православного монолитизма.

«Так, накануне открытия Второго Всеправославного совещания Афинагор заявил, что «единство Православия является необходимой предпосылкой единства всей Церкви. Характерно, что Никодим, митрополит Минский, так же утверждал, что совещание закладывает основы «единого Православия». Однако расхождения по вопросу о смысле и способах достижения этого единства прямо-таки резали глаза»[20].

Константинополь желал рассматривать свое участие в сессиях Второго Ватикан-

[20] Там же. С. 352.

ского Собора признанием собственного собственного первородства, с чем Москва не была намерена соглашаться. В итоге Второе Всеправославное Совещание еще более усилило расхождение позиций между русскими и фанариотами в вопросе о Католическом Соборе в Риме. Ожидаемого единства не получилось...

Дальнейшие события показали, что Патриарх Афинагор принял решение не посылать наблюдателей и предпочел проведение прямого диалога на «равных началах», который от имени всего православия он же, Вселенский Патриарх, и повел.

Но это будет позже. А пока 23 сентября 1963 года Священный Синод Русской Православной Церкви рассмотрел приглашение на имя Святейшего Патриарха Алексия от Его Святейшества Павла VI о направлении на Вторую сессию II Ватиканского Собора наблюдателей от Русской Православной Церкви. В качестве наблюдателей были утверждены кандидатуры профессора-протоиерея Виталия Борового, заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, и протоиерея Иакова Ильича, священника Преображенского собора г. Ленинграда.

Как и прежде, это решение Синода было санкционировано властью.

Вторая сессия Собора продолжалась с 29 сентября по 4 декабря 1963 года.

На ее торжественном открытии в базилике св. Петра Папа Павел VI выступил с пространной речью, которую он сам оценил как введение не только в Собор, но и в его понтификат. Выразив признание избравшей его коллегии кардиналов и отметив заслуги покойного Иоанна XXIII, понтифик определил перед Отцами Собора его основные цели, как он их видел:

1) познание или самосознание Церкви;

2) обновление ее;

3) стремление к единству христиан;

4) диалог с современным миром.

Что же касается главной темы II сессии, то она была определена Павлом VI как рассмотрение всего, что относится к внутренней природе церкви. И Собору следовало достичь в доступных человеческому языку пределах такого определения, которое могло бы полнее показать подлинное и основное строение Церкви, глубже распознать различные аспекты ее спасительной миссии.

По мнению нового Папы, углубление учения о епископате должно стать началом решения задачи изучения природы Церкви: «*Среди разных проблем, которые тема о Церкви выдвигает на обсуждение Собора, прежде всего встретится та, которая относится ко всем вам, досточтимые братья, как епископам Церкви Божией*»[21].

[21] ЖМП. № 2. 1964. С. 69.

Говоря об единении христиан, он произнес слова, которые насторожили и русских наблюдателей, и наблюдателей от Протестантских Церквей. Павел VI рекомендовал Собору «открыть все врата, пажити собственных овец» и в нее пригласить всех овец Христовых, которые еще не исключили себя из единственной Пажити Христовой, это значит, не исключили себя от Римской Церкви, в которую им надлежит «*возвратиться*»[22]. Этот призыв менее всего напоминал диалог «на равных», о котором так начал заботиться Вселенский Патриарх Афинагор. Но вопрос об экуменизме не стал главным на Второй сессии, которая успела утвердить окончательную редакцию только двух пересмотренных ранее схем: богослужебной (литургической) и о средствах массовой коммуникации (оба эти документа рассматривались на первой сессии Собора).

Почти два месяца работы ушло на обсуждение схемы «О Церкви». Дебаты начались сразу же после принятия 2 октября новой редакции схемы, которую представили Собору Председатель богословской комиссии кардинал Оттавиани и его заместитель кардинал Брауни. Схема состояла из четырех глав:

[22] Иоанн Кармирис. Православная Кафолическая Церковь о II Ватиканском Соборе и его аспектах и тенденциях в отношении к христианскому единству/ Кириос. № 4. 1964.

— о тайносущности Церкви;

— о иерархической структуре Церкви, в частности о епископате;

— о народе Божием, в частности о мирянах;

— о призвании к святости.

Самый жесткий спор при обсуждении схемы велся о роли преемственности церковной власти епископов от апостолов. Два течения современного католицизма: сторонники римской традиции («петринизма») и сторонники коллегиальной роли епископата (возвращение к соборности всех двенадцати апостолов, признающих лишь старшинство Петра, а не полное его преобладание) — дискутировали долго и, казалось, бесконечно, хотя успели высказаться только 200 соборных Отцов, представлявших обе точки зрения. Но оставалось еще две тысячи, а по регламенту Собора нельзя было приступать к голосованию до окончания прений. Но когда они закончатся, не знал никто. (Этот важнейший дискуссионный вопрос имел вполне практическое выражение в проблеме взаимоотношений между Папой и епископами.) И обсуждение его, как отмечалось выше, шло достаточно жестко. Так, Мельхитский Патриарх Максим IV заявил, что «*римскому папе даны большие права для служения Церкви, а не для утверждения личной власти, как это имело место в последние годы*»[23]. Прения

[23] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 46.

затягивались, время шло, газеты все чаще писали о том, что Собор топчется на месте...

Наконец, произошло объединение усилий всех руководящих инстанций Собора: модераторы (кардиналы Агаджанян, Леркаро, Дёпфнер и Сюэненс) вместе с Президиумом Собора и секретариатом представили Павлу VI проект выхода из создавшейся ситуации на II сессии. Было решено задать Отцам Собора четыре вопроса (впоследствии их оказалось пять), чтобы выявить соотношение сил по обсуждаемому вопросу о роли епископата. Ставить вопросы Собору было непросто: одни могли усмотреть в этом нарушение регламента, другие опасались раскола. Результаты ответов оказались сенсационными и для одних, и для других.

29 октября Отцам Собора был роздан текст вопросов, на которые они ответили день спустя. Ниже приводим текст вопросов и результаты голосования:

«*Вопрос первый: «Угодно ли отцам, чтобы в схеме содержалось указание, что епископская хиротония является высшей степенью таинства священства?» Ответ: голосуют 2157 отцов; «да» — 2123, «нет» — 34.*

Вопрос второй: «Угодно ли отцам, чтобы в схеме содержалось указание, что всякий епископ, канонически хиротонисанный в общение с епископами и Рим-

ским первосвященником (который является главой и началом единства), — член Собора епископов?». Ответ: голосует 2154 отца; «да» — 2049, «нет» — 104; недействительный — 1.

Вопрос третий: «Угодно ли отцам, чтобы в схеме содержалось указание, что Собор, или коллегия апостолов в служении проповедничества, освящения и пастырства, и, что он осуществляет полную и верховную власть над всей Церковью совместно со своим главой — Римским первосвященником (и ни в коем случае без этого главы, сохраняющего право первоиерарашества над всеми пастырями и над всеми верующими во всей его неприкосновенности и полноте)? Ответ: голосуют 2148 отцов; «да» — 1808; «нет» — 336, недействительных — 4.

Вопрос четвертый: «Угодно ли отцам, чтобы в схеме содержалось указание, что вышеуказанная власть по Божественному праву принадлежит епископскому Собору, возглавленному главой его?» Ответ: голосуют 2138 отцов; «да» — 1717; «нет» — 408; недействительных — 13»[24].

Динамика очевидна. Последний вопрос дал более 4/5 положительных ответов.

Отдельный, пятый, вопрос касался восстановления в Римско-Католической Церк-

[24] ЖМП. № 2. 1964. С. 72.

ви диаконата как постоянного чина священства. Положительных ответов было 1588, отрицательных — 525, хотя спор разгорелся сильный из-за возможности допущения женатых диаконов в помощь целибатным священникам. Многие епископы были смущены, т. к. признание женатого диаконата могло поставить под вопрос принцип безбрачия. У епископов из Южной Америки, напротив, это предложение вызвало горячую поддержку, т. к. латиноамериканские страны испытывали острую нужду в священнослужителях. Собор все же утвердил принципиально восстановление диаконата в Католической Церкви, предоставив поместным епископским конференциям решать практическую целесообразность в отдельных странах. В этом решении можно видеть один из примеров децентрализации управления.

Другим ярким примером стала дискуссия о «*предоставлении больших прав национальным конференциям епископов и превращение их в коллективный орган по управлению епархиями* (такие конференции действуют в 50 странах). По мнению ряда участников Собора, это дает возможность «*лучше знать местные особенности в каждой епархии, оперативнее устанавливать связи с гражданскими властями, обмениваться опытом работы, лучше маневрировать наличием кадров священнослужителей и коллективно вырабаты-*

вать мероприятия по активизации деятельности Католической Церкви»[25]. Наиболее активно по этому вопросу выступал польский кардинал Вышинский, который считал, что «*необходимость существования национальных конференций епископов и активной их работы вызывается, в первую очередь, опасностью воинствующего атеизма*»[26]. А лучшим средством борьбы с ним, по мнению кардинала, является единство священнослужителей Католической Церкви. Об атеизме и материализме заговорили вновь при обсуждении схемы «Об экуменизме», которое началось 18 ноября. Так, кардинал Кениг заявил, что «*сотрудничество всех церквей необходимо для разоблачения и осуждения атеистического материализма, идеи которого угрожают сотням миллионов человек во всем мире*». В том же духе выступил викарий в Судане Малон, который отметил, что «*стремление католиков и некатоликов к объединению вызывается опасностью атеистического коммунизма*»[27]. Югославский епископ Франк отметил еще одну причину необходимости объединения: «*Если коммунисты вырабатывают новые методы по установлению контактов с другими народами, то*

[25] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 47.
[26] Там же.
[27] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 48.

почему же Католическая Церковь перед угрозой материализма не должна искать пути для объединения с другими религиями?»[28]

Детальное обсуждение схемы было отложено на третью сессию, т.к. для дальнейшего ее рассмотрения времени уже не оставалось. Но даже обсуждение трех глав схемы «Об экуменизме» дало возможность нашим наблюдателям в своих отчетах сделать вывод о начале смены тактики Католической Церкви в экуменических вопросах. Известно, что начиная с 20-х годов XX столетия Ватикан не только решительно отвергал любое экуменическое движение, но всякими способами старался бороться с ним. Однако, видя неуклонный его рост и присоединение к нему Православных Церквей, Рим решил поменять свою тактику и взять на вооружение уже популярные экуменические методы. Была изобретена идея «католического экуменизма», практику и тактику которого в общих чертах разработали на II сессии. Здесь было применено известное тактическое правило, гласящее, что если нельзя победить в открытой борьбе, то нужно использовать в своих целях союз и дружбу. Если нельзя ликвидировать Женеву как конкурирующий центр христианского сотрудничества, то можно его идеи использовать на служение католическому «римоцентриз-

[28] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 46. Пор. 16. Д. 67. Л. 48.

му». И, как считали наши наблюдатели, начавшаяся на II сессии дискуссия по схеме «Об экуменизме» выявила намерение Рима начать эру «католического экуменизма».

Их опасения окажутся правильными, и «католический экуменизм» будет оформлен декретом на III сессии, последствия принятия которого будут чрезвычайно тяжелыми. Но об этом позже...

За работой II сессии следили не только наблюдатели от Русской Православной Церкви, но и сотрудники 2-го Главного Управления Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР. По их мнению, на сессии было много интересных высказываний, которые позже вошли в справку для партийного руководства страны. Из отдельных интересных предложений на Соборе были отмечены следующие:

«*а) Предложение епископа из Турции изменить формулировку догмата I Ватиканского собора о непогрешимости Папы.*

б) Предложение немецкого (миссионерского) епископа об упразднении института нунциев и апостолических делегатов и о передаче дипломатического представительства и службы Ватикана в руки местных епископов.

в) Речь кардинала Сюэненса о расширении прав мирян в церкви с предложением увеличить число представителей мирян на Соборе и ввести в их состав женщин.

г) Предложение американского епископата, чтобы Собор торжественно осудил и предал проклятию расовую дискриминацию и ее сторонников (особенно в США и Южной Африке) и принял торжественную декларацию о расовом, национальном, культурном и социальном равенстве и братстве всех людей.

д) Предложение украинских епископов о создании при папе постоянного совета из патриархов, кардиналов и представителей региональных конференций епископов. Совет должен стоять выше курии и управлять Католической церковью совместно с папой.

е) Предложение нескольких французских, испанских и латиноамериканских епископов о том, чтобы Собор осудил злоупотребление земными материальными благами и погоню за ними, и потребовал справедливого и равномерного их распределения между всеми людьми»[29].

Никаких решений по этим предложениям, как указывали авторы справки, принято не было. Вторая сессия подтвердила также опасения советского руководства об ужесточении курса Павла VI в отношении с социалистическими странами. И, если на самом Соборе не было открытых дискуссий, советская агентура отмечала пристальное внимание за наблюдателями Русской Церк-

[29] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 72. Лл. 73, 74.

ви со стороны иностранных спецслужб. Так, *«группу в английском посольстве, занимающуюся этим вопросом, возглавляет некто Вудроф — специалист по Восточной Европе и украинским проблемам, который специально просил английских корреспондентов внимательно наблюдать за всеми контактами русских наблюдателей. Большую активность в противодействии «происка» русских наблюдателей в выработке контракций проявляет также другой английский специалист по Восточной Европе и украинскому вопросу Герберт Оберон, постоянно проживающий в Риме, где он руководит и координирует деятельность польских и украинских эмигрантов.*

Американская группа имела регулярные совещания с американскими епископами и экспертами, на которых обсуждались дела Собора и «намерения» русской стороны»[30].

Но, несмотря на сложную психологическую ситуацию, русские наблюдатели продолжали свое дело, давали оценку событиям, происходящим как на самом Соборе, так и вокруг него. Особенный интерес вызывала у них новая идея политической украинской эмиграции о легализации Украинской Католической «Церкви в СССР». Освобождение митрополита Иосифа Слипого ли-

[30] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 72. Лл. 75, 76, 77.

шило эмиграцию серьезного политического козыря. Теперь нужно было разыгрывать новый — легализация униатов в СССР. Сделать это можно было только через Ватикан путем учреждения т. н. Киевского украинского католического экзархата.

Недалеко от Рима, в местечке Рокка ди Папа, активные члены украинской эмиграции во главе с Душником и весь наличный на Соборе и в Риме украинский епископат вместе со Слипым провели совещания, официально названные заседаниями «Украинского христианского комитета». Душник прочитал доклад о внутреннем и внешнем положении СССР и о текущей политике советского правительства. Было решено использовать имеющиеся хозяйственные затруднения в СССР для давления на его правительство. Давление это должно было идти по трем направлениям. Первое и основное — это давление самого Ватикана (через переговоры с представителями советского правительства). Второе направление — организация широкой кампании в прессе и среди всемирного общественного мнения для нажима на СССР извне. Третье направление предполагало пропагандистское воздействие на население Западной Украины. Епископы Гарбо и Борецкий рассказали присутствующим о том, что украинская политическая эмиграция уже имеет хорошо налаженные подпольные связи с бывшими

униатами Галиции и Львовщины: «*В селах Пеняки, Чепели Бродского района; Ролив Дрогобычского района; Жилдец, Воля Ховтанецкая, Колоденцы, Каменка Бугского района;... и ряда других сел Львовской области верующее население, в том числе и православные, после закрытия ряда церквей находится под влиянием униатов и руководителей нелегальных униатских групп*»[31] (подчеркн. в тексте). Иосиф Слипый назвал верных «униатов-католиков» не менее миллиона человек.

(Проверить это было сложно, но советское руководство знало, что литовские католики имеют налаженные сношения с кардиналом Вышинским, который даже рукополагал ксендзов из Литвы.) Тайные посвящения светских лиц в духовный сан были и в западной Украине: «*Так, бывший игумен монастыря униатского ордена Бахтыловский готовит для посвящения в сан священника возвратившегося из заключения бывшего ОУНовца Кривульчика и обрабатывает группу девушек в количестве 10 человек для принятия монашества*»[32]. Надеясь на результаты тройного нажима на советское руководство, украинская эмиграция мечтала об открытии двух епархий — во Львове и Киеве, а также на возвращение митрополита Иосифа Слипого и при-

[31] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 10. Л. 215.
[32] Там же.

знание за ним титула Киевского Патриарха. Их расчет был прост: желая улучшить отношения с Западом, Советское правительство пойдет на эти «уступки», чтобы приобрести большой моральный капитал в мировом общественном мнении. А соглашение украинские эмигранты надеялись оформить в виде договора с Ватиканом, что должно будет служить гарантией его соблюдения. И таким образом, по их замыслам, существование приходов новой Украинской Церкви будет иметь солидную юридическую базу (что-то вроде частичного конкордата между Москвой и Ватиканом). Для Римской Церкви это тоже сулило определенные выгоды: православные из приходов, которые уже не действуют, будут посещать храмы Киевского Патриархата и постепенно привыкнут, а число верующих Католической Церкви при этом возрастет.

После совещания весь т. н. Украинский христианский комитет был принят Павлом VI. В «Оссерваторе Романо» было напечатано об этом сообщение и опубликована его речь. На одном из заседаний Собора Иосиф Слипый открыто выдвинул идею создания Киевского Патриархата, обосновав его исторически со времен митрополита Петра Могилы. Но статс-секретарь потребовал от генерального секретаря Собора Феличи впредь не допускать подобного рода речей. Однако сам понтифик не занял

такого определенно отрицательного отношения к идее «новой Церкви»: слишком заманчивой была для него радужная перспектива усиления католичества в СССР, нарисованная украинцами.

Кроме этих проблем, беспокойство у Москвы вызвал и призыв 200 епископов из 46 стран, который был обнародован в конце ноября. Отцы Собора предложили разработать к Третьей сессии новую схему «О борьбе с коммунизмом», в которой «*были бы указаны заблуждения марксизма, социализма и коммунизма в их философском, социологическом и экономическом аспектах*»[33].

У советской стороны в связи с этой акцией были основания считать, что на следующей сессии будет сделана попытка навязать Собору своеобразный антикоммунистический манифест. Нужны были ответные меры. И они нашлись. Их предложила тов. Ильичеву группа советских спецкорреспондентов, выезжавших на II сессию Собора, и сводились они к следующему:

«*1. Через соответствующие каналы довести до сведения руководства Ватикана, что всякая попытка осудить в какой бы то ни было форме коммунизм на Соборе вызовет крайне отрицательную реакцию со стороны социалистических государств и вызовет невыгодные для католической церкви последствия.*

[33] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 72. Л. 28.

2. Целесообразно развить через Союз дружбы начавшиеся контакты с группами левых католиков (группа Ла Пира во Флоренции, «Мулино» в Болонье, «Темуаньяж кретьен» (Франция)) с тем, чтобы показать возможность и продуктивность «диалога» между коммунистами и католиками.

3. Желательно опубликовать в печати ряд статей, разъясняющих, что сотрудничество между коммунистами и католиками вовсе не приводит к их отказу от своих идеологических позиций.

4. Одновременно следует развернуть в нашей печати принудительную критику идеологии и политики Ватикана.

...однако при этом не следует скатываться на шумный ругательский тон, необходимо учитывать политическую дифференциацию в среде деятелей церкви.

5. Было бы полезно подготовить серию статей о свободе совести, положении религии и церкви в СССР для распространения в их западных органах печати. Представляется также целесообразным подготовить соответствующие разделы в советских выставках, организуемых за рубежом»[34].

Все рекомендации спецкорреспондентов, включая и рекламу «свободы совести в

[34] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 72. Л. 29.

СССР», были поддержаны политическим руководством страны.

В то время как политическое противостояние набирало силу, Отцы Собора готовились к третьей сессии. Очевидным для всех стала необходимость сокращения ее повестки и улучшение работы соборных комиссий. Многие епископы добивались полного обновления их состава. Папа Павел VI нашел компромиссный вариант: в состав каждой Комиссии было доизбрано четыре новых члена и один, дополнительный, назначен самим понтификом. В большинстве случаев новые члены Комиссии оказались сторонниками «прогрессистов», что стесняло «консерваторов» в руководстве их работой в межсессионный период. Но не только Комиссии будут работать много и напряженно. В межсессионный период произойдет еще одно важнейшее событие: на Святой Земле Папа Павел VI встретился со Вселенским Патриархом Афинагором. О последствиях этой встречи для всего православного мира речь пойдет ниже.

Глава 7

«Сам я был потрясен этой новостью...»

Именно такие слова произнес Вселенский Патриарх Афинагор, когда услышал о желании Папы Павла VI совершить паломничество в Святую Землю. (Понтифик объявил Собору об этом 4 декабря 1963 года, а Афинагору сообщил раньше в письме от 20 сентября.)

«*Итак, Римский Папа собирается покинуть Рим! Покинуть для того, чтобы отправиться смиренным паломником в Иерусалим, где сама земля освящена кровью Христовой, где Дух Святой снизошел на первоначальную Церковь*»[1].

Когда прошло первое потрясение, Константинопольский Патриарх 6 декабря принял решение предложить всем главам Церквей Востока и Запада встретиться в Иерусалиме.

---

[1] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 429.

«Это было в церкви св. Николая Чудотворца, куда я отправился в связи с праздником этого святого... Я объявил народу о паломничестве папы. Я сказал, что это решение было внушено Богом. И предложил, чтобы все предстоятели христианских Церквей направились бы в Иерусалим, не для того чтобы спорить, но для того чтобы молиться, «дабы испросить в усердной общей молитве на коленях — со слезами на глазах и в духе единства, на Голгофе, которая была орошена святейшей кровью Христовой и перед Его гробом, откуда воссияло примирение и покаяние, — чтобы открылся, для славы святого Имени Христова и для блага всего человечества, путь к восстановлению полного христианского единства согласно святой воле Господней»[2].

Но в Риме думали иначе. И вскоре, после нескольких присланных из Ватикана телеграмм, объяснявших Вселенскому Патриарху невозможность осуществления данного замысла, кардинал Беа послал в Стамбул о. Дюпре: Папа соглашался на встречу с Афинагором в Иерусалиме. Это было 10 декабря, а четырьмя днями позже Патриарх Московский и всея Руси Алексий был поставлен в известность относительно намерения Вселенского Патриарха отправиться в Святую Землю одновременно с

[2] Там же.

Павлом VI. Письмо Афинагора не содержало приглашения, но в то же время оно выражало мнение Патриарха Константинопольского о желательности встречи «в верхах» глав Православной Церкви, между тем как понтифик подчеркнул, что ввиду ограниченности времени, которым он располагает для поездки, Папа не сможет встретиться ни с кем, кроме Вселенского Патриарха. Этим посланием Афинагор пытался выяснить, какую позицию займут прочие самостоятельные Церкви по отношению к такой встрече.

Для предстоятеля Русской Церкви, как и для большинства Глав Поместных Православных Церквей, эта намечающаяся встреча явилась полной неожиданностью. Московский ответ Афинагору, датируемый 26 декабря 1963 г., был дипломатичен и осторожен: уточнялось, что поездка будет рассматриваться как частное паломничество и что встреча двух церковных глав может рассматриваться только через призму Родосских решений. Никаких возражений выдвинуто не было. Патриарх Алексий даже добавил, что он и сам охотно бы совершил частное паломничество в Святую Землю, но состояние здоровья не позволяет ему сделать этого. Думается, что этим нейтральным заявлением Москва избежала необходимости занять какую-то определенную позицию при предстоящих пе-

реговорах. И в Стамбуле, и в Риме, и в Москве ожидали развития событий...

Что касается реакции других Церквей, то она была различной. Так, Патриарх Иерусалимский Венедикт вначале проявил сдержанность, а потом пытался разубедить Вселенского Патриарха устами одного из своих епископов, что общая молитва Павла VI и Афинагора немыслима и невозможна, ибо «*каноническое право и положение одного из соборов формально противоречат этому...*»[3].

Святейшего Венедикта успокоили, что общего богослужения не будет, и ему, как правящему Патриарху, принадлежит право принять Папу в Иерусалиме (Афинагор, который должен был прибыть в Иерусалим 3 января 1964 года, задерживался, а 4 января Павел VI смог принять Патриарха Иерусалимского и нанести ему ответный визит).

Самой жесткой была реакция со стороны Элладской Церкви. «Когда стало известно о предстоящей встрече в Иерусалиме, Синод разделился и отказался вынести свое решение, тогда как архиепископ Афинский, более непримиримый, чем когда-либо, потребовал у священников «*разъяснить верующим истинные цели папизма*». От монастыря Петраки в Афинах до монастыря

[3] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 438.

Лонговарда на Паросе монахи и верующие молились о провале встречи. «*Паписты хотят подкопаться под Православие при посредничестве униатов*»[4], — заявил игумен Петраки.

Последующие события покажут, как близки были греки к истине.

Историческая встреча произошла 5 января 1964 года (все ее протокольные моменты согласовывал в Риме в последних числах декабря митрополит Фиатирский).

И Афинагор, и Павел VI должны были подняться на Святую Гору: понтифик — с одной стороны; Патриарх — с другой. (Кадры, запечатлевшие их объятия на горе Елеонской, транслировались многими крупнейшими телевизионными станциями.)

Через митрополита Фиатирского было передано еще одно пожелание Афинагора: «*Может быть, Вашему Святейшеству как первому епископу Церкви, с согласия патриархов и предстоятелей других Церквей Востока и Запада, предназначено созвать представителей христианских Церквей на Всехристианскую Конференцию*»[5]... Таким образом, инициативу созыва Вселенский Патриарх передал Римскому Папе.

---

[4] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 438.

[5] Там же. С. 434.

При восхождении на Святую Гору Патриарха Афинагора сопровождали четыре митрополита из его Синода, митрополиты Крита и Родоса и три экзарха Греческих Церквей Америки, Англии и Австралии. При встрече двух виднейших паломников присутствовал и глава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. (Западные газеты назвали его «глазами Патриарха Московского».)

Вечером того же дня Папа принял Вселенского Патриарха в здании Апостолической делегации. Беседа с глазу на глаз затянулась на полчаса вместо предусмотренных десяти минут.

Затем последовало чтение семнадцатой главы Евангелия от Иоанна на греческом и латинском языках и совместное чтение Молитвы Господней. Позже, в своей короткой речи, Афинагор назовет эту встречу «*рассветом сияющего и благословенного дня, когда будущие поколения, причащаясь из одной чаши Святого Тела и честной Крови Христовой, восхвалят и прославят в любви, мире и единстве Единого Господа и Спасителя мира*»[6].

На следующий день эти братские призывы найдут своеобразный отклик у Павла VI. В своей речи, произнесенной в Вифлееме, он заговорит о проблеме «возвращения». «...Дверь овчарни открыта... Места хватит для всех... Мы с любовью ожидаем, что этот

[6] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 435.

шаг будет сделан... Мы ожидаем этого блаженного часа».

И Папа добавил, как бы позабыв (подчеркн. О. В.), что накануне он вместе с Патриархом читал «Отче наш» и будет вновь читать через несколько часов, что «*молитва с разделенными братьями*... (подчеркн. О. В.) *пока не является общей, но может быть, по крайней мере, одновременной*»[7].

И в Риме, и здесь, в Вифлееме, Павел VI по-прежнему говорил о православных только как о «разделенных братьях».

Наиболее резкий отклик эта речь имела в Элладской Церкви, считавшей, что Рим под прикрытием переговоров о единстве пытается подчинить православие католичеству. Большинство православных Греции, как среди духовенства, так и среди мирян, не одобряли никаких переговоров о единстве Церквей и выдвигали возражения процедурного характера: Вселенский Патриарх, вопреки широко распространенному мнению, не является духовным главой Православия — как Папа у католиков. «Первый среди равных», он не имеет никакого права оказывать давление в какой бы то ни было сфере на решения других Православных Церквей. И Патриарх Афинагор, если он хочет говорить от имени

[7] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 439.

православия, должен собрать мнения всех Автокефальных Церквей. Элладскую Церковь поддержал и Патриарх Московский и всея Руси Алексий. В своем заявлении «О современном характере отношений Православной и Римско-Католической Церквей» он подчеркнул, что «*дальнейшее развитие контактов может привести к диалогу между Церквами, в котором со стороны Православия должны будут участвовать представители всех Поместных Церквей*»[8]. Патриарх Алексий стал и инициатором созыва Третьего Родосского Совещания, которое прошло с 1 по 15 ноября 1964 г. (К этому времени III сессия Собора, речь о которой пойдет ниже, уже работала полтора месяца.) Вопрос о диалоге с Римом, руководить которым Вселенский Патриарх пытался единолично, попрежнему оставался главным. Незамедлительность его открытия также декларировалась Афинагором. Посланные им после Иерусалимской встречи наблюдатели на III сессию Второго Ватиканского Собора должны были действовать в этом же русле. Все это не могло не волновать Поместные Православные Церкви. На Совещание прибыли представители Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской, Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Кипрской, Эллад-

[8] ЖМП. № 2. 1964. С. 2.

ской, Польской и Чехословацкой Церквей. От Ватикана впервые присутствовали два официальных наблюдателя. Делегацию Русской Православной Церкви возглавлял митрополит Никодим (Ротов). Пятнадцать дней напряженных дискуссий показали, что позиции Патриархов Вселенского и Московского все более и более разнятся. Этому, безусловно, способствовало и обострение политического давления на Афинагора со стороны турецкого правительства. Прозвучали угрозы о сносе Фанарского квартала по причине реконструкции и благоустройства города, были закрыты почти все газеты Патриархата. И в этой связи, как уже было в истории, Вселенский Патриарх искал союзников, важнейшим из которых могла стать Римско-Католическая Церковь. С чем, безусловно, не могла согласиться Русская Церковь, считавшая немедленное начало диалога преждевременным. И, как отмечал позже в своих воспоминаниях архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин), бывший в составе делегации, именно на Родосе начало в полной мере проявляться дипломатическое искусство Владыки Никодима. Требовалось сохранить видимость хороших отношений с Фанаром и при этом продекларировать позицию Московского Патриархата: диалог с Римом может быть, но его начало следует отложить на долгие годы до «благоприят-

ных времен». Архиепископ Василий вспоминал о тех днях: «*Еще более трудным и опасным для единства православия оказался другой вопрос: от чьего имени будет написано папе о нашем решении начать с ним диалог, — от имени нашего Всеправославного совещания или от имени Вселенского Патриарха, как настаивали греки, грозя разрывом. Только после ряда «закулисных» совещаний, дневных и ночных, чуть ли не до утра, опять-таки в сильной степени благодаря упорству, тонкости, дипломатическим способностям и, главным образом, умеренности митрополита Никодима, всегда думавшего о всеправославном единстве и о необходимости не нарушать его, удалось достигнуть всеми принятого компромисса: письмо будет написано от лица Всеправославного совещания, но будет вручено папе представителем Константинопольской Патриархии*»[9]. Но этот удачно найденный и для греков, и для фанариотов компромисс не рассеял сомнений православного мира в отношении диалога, так активно навязываемого Вселенским Патриархом. Об этом кратко и ясно сказал в своей речи на III Всеправославном Совещании митрополит Никодим: «*Можно считать бесспорным,*

[9] Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Н. Новгород. 1998. С. 305.

что до завершения II Ватиканского Собора не могут быть рассеяны сомнения Поместных Православных Церквей в том, что католическая сторона будет мыслить этот диалог как монолог в направлении «братьев в разделении сущих», а не как диалог на равных началах. Поэтому нам представляется преждевременным сейчас, до окончания II Ватиканского Собора, решать вопрос об обращении к Его Святейшеству Папе Павлу VI с предложением о богословском диалоге между Православной Церковью и Церковью Римско-Католической»[10]. И, как уже отмечалось выше, благодаря усилиям, в первую очередь русских, удалось отложить вопрос о двустороннем диалоге на неопределенное время. Кроме этого, итоговый документ Совещания определял, что «*каждая Православная Церковь вправе принимать самостоятельные решения по отдельным вопросам с целью «проведения богословского диалога с другими церквами»*. Никодим подтвердил также экклесиологические причины, положенные в основу подобного подхода: «*Ни одна Православная церковь не может претендовать на то, что именно она является носительницей и выразительницей полной кафоличности и истины. Соборность — вот основа цер-*

[10] ЖМП. № 2. 1965. С. 58.

ковной жизни Православия»[11]. И мало кто из присутствовавших тогда на Родосе мог предположить, что развернувшиеся вскоре события смогут эту истину поколебать и нарушить и без того зыбкое единство. А решения III сессии Второго Ватиканского Собора в очередной раз покажут православному миру, как понимает диалог католическая сторона. По определению Священного Синода от 2 сентября 1964 года наблюдателями на III сессию от Московского Патриархата решено было направить профессора-протоиерея Виталия Борового (бывшего на двух предыдущих) и протоиерея Ливерия Воронова, доцента Ленинградской Духовной Академии. Как уже отмечалось, работа III сессии началась 14 сентября 1964 года и продолжалась до 21 ноября того же года. Итогом четкой и короткой работы стало принятие трех схем: Догматической конституции о Церкви; Декрета об экуменизме; Декрета о Восточных Церквах. Схемы о Церкви и об экуменизме начали обсуждаться еще на II сессии. Тогда же был высказан ряд пожеланий и замечаний, в духе которых работали соответствующие комиссии межсессионного периода. Большинство Отцов Собора были уверены в том, что вторичное обсуждение схемы о

[11] Мартано В. Роль Москвы: взгляд из Константинополя // Второй Ватиканский Собор: взгляд из России. М., 1997. С. 356.

Церкви только усилит ее прогрессивное звучание (особенно в разделе об епископате). Однако все произошло иначе...

В официальной терминологии догматическая конституция о Церкви имела название «Люмэн гентиум» («Свет народам») и состояла из восьми разделов.

Первая глава документа излагала учение об отношении Церкви к Богу Самому в Себе и к Богу — Троичному в Лицах.

Вторая глава трактовала о Церкви как народе Божьем, обществе крещеных людей, главой которого является Христос и которое паломничает через историю и конечной целью которого является объединение всех людей. Эта глава давала доктринальную основу для сотрудничества Римско-Католической Церкви с другими христианами и последователями нехристианских религий, а также утверждала миссионерскую роль всего народа Божьего (а не только монашествующих, духовенства и специальных миссионеров, как это было ранее).

Третья глава «*Об иерархическом строении Церкви и, в частности, о Епископате*» стала эпицентром столкновения «прогрессистов» и «консерваторов» на III сессии. В межсессионный период в ней были учтены замечания и о коллегиальности епископов, и об их полноте власти. Но буквально в последние дни работы сессии

Павел VI благословил т.н. «нота экспликатива» (разъяснительное примечание к 3-й главе). Суть этого разъяснительного примечания сводила на нет все предыдущие рассуждения и утверждала безраздельно абсолютную полноту единоличной власти одного Папы. «Нота экспликатива» подчеркивало, что основной чертой истинного епископата является общение с понтификом как наместником Христа и Главой епископской коллегии: «*Ведь коллегия с необходимостью и всегда предполагает и своего Главу, который в неприкосновенности сохраняет в Коллегии свою должность Наместника Христа и Пастыря вселенской Церкви*»[12].

Таким образом, шумно разрекламированная коллегиальность (а некоторые проводили даже параллель с православной соборностью) в действительности только усилила и укрепила папскую власть через придание ей форм соборного волеизъявления и приспособление ее к условиям современной эпохи.

Думается, что в утверждении власти Папы над Церковью эта «*Конституция*» пошла гораздо дальше, чем даже «*догмат*» Первого Ватиканского Собора о главенстве и непогрешимости Папы. В третьей главе содержалось также и постановление

[12] Документы II Ватиканского Собора. М., 1998. С. 129.

о праве местных епископов возобновить диаконат как постоянную степень священства, причем диаконами могут быть и женатые. Безусловно, это придало необычайную эластичность деятельности католического духовенства. Например, в странах, где есть недостаток священников или их деятельность ограничена, женатые диаконы, живущие обычной жизнью данного общества и успешно работающие в светских учреждениях, могут в свободное время выполнять функции священника: «*...торжественно совершать Крещение, хранить Святые Дары, причащать Святых Тайн, от имени Церкви ассистировать при бракосочетании и благословлять брак, преподавать Святое Напутствие умирающим, читать верным Священное Писание, наставлять и увещать народ...*»[13] На диакона возлагалось также практическое руководство миссионерской деятельностью мирян.

О мирянах трактовала и четвертая глава, где значительно расширялись права мирян и участие их в жизни и миссии Церкви (распространение Евангелия и направление в христианском духе жизни и деятельности человечества в целом): «*...миряне, даже занятые преходящими заботами, могут и должны осуществлять цен-*

[13] Документы II Ватиканского Собора. М., 1998. С. 95.

нейшую деятельность по возвещению Евангелия миру. Хотя за неимением священнослужителей или в том случае, когда последние лишены свободы действий в условиях гонений, некоторые миряне в меру своих возможностей исполняют те или иные священные обязанности, и, хотя многие из них все свои силы отдают апостольским трудам, нужно все же, чтобы все без исключения сотрудничали ради распространения и роста Царства Христова в мире»[14].

Пятая глава Конституции призывала к святости весь «*народ Божий*».

Глава шестая «*О монашествующих*» определяла их функции в отношении к внутренней жизни и к их служению человеческому роду: «*И пусть не думают, будто из-за своего посвящения монашествующие становятся чуждыми людям или бесполезными в граде земном. Ибо, даже если подчас они и не стоят в непосредственной близости к своим современникам, все же неким, причем более глубоким, образом они пребывают с ними в лоне Христовом и духовно с ними сотрудничают, дабы созидание земного града всегда основывалось в Господе и к Нему направлялось, чтобы не впустую трудились те, кто его созидают*»[15].

[14] Там же. С. 100.
[15] Там же. С. 112.

Седьмая глава была посвящена учению о Церкви как обществе паломников на земле, готовящихся к вечной жизни. В ней также было освящено и единство с Церковью Небесной.

Завершала Конституцию восьмая глава о Матери Божией и Ее участии в тайне Христа и Церкви. Торжественным провозглашением Матери Божией «*Матерью Церкви*» завершился апофеоз католической мариологии: «*Но вместе с тем в роде Адамовом Она соединена со всеми людьми, которых надлежит спасти», более того: Она, «конечно, Матерь членов (Христа), ... ибо любовью Она содействовала тому, чтобы в Церкви рождались верные, а они — члены этого Главы*»[16]. На наш взгляд, это явилось очередным проявлением позиции крайнего «папизма» и Собора, и самого Павла VI, и поставило Второй Ватиканский Собор в ряд с Первым как его естественное продолжение и развитие.

Вторым принятым документом сессии, имевшим и имеющим последствия для православного мира, стал Декрет «О Восточных Католических Церквах» (униатских), история которых неотделима от Рима. В начале 60-х годов XX века их влияние на Восток было значительным... За девять веков формального раскола с Востоком

[16] Документы II Ватиканского Собора. М., 1998. С. 119.

папство пыталось придать своей Поместной Римской Церкви характер Церкви Вселенской. Католическая доктрина утверждала, что спасение возможно лишь в лоне Римской Церкви, так как только она и есть истинная Церковь Христова. Из такой теории, естественно, проистекали все виды римского прозелитизма и миссионерства. В Римскую Церковь веками вовлекались отдельные неофиты или захватывались ею целые народы — части других Церквей. За время католического миссионерства в Римской Церкви привились не свойственные ей ранее обряды, в большинстве своем «*восточные*», поскольку присоединяемые к Риму религиозные общины сохраняли свои церковные обычаи и традиции. Обряду в Риме дается следующее определение: «*Это официальный молитвенный устав или канонически установленное литургическое действие, имеющее свое общественное и конкретное выражение в литургии*»[17]. «*Восточных*», в частности, обрядов в Римской Церкви существует пять: 1. Александрийский; 2. Антиохийский; 3. Византийский; 4. Сиро-Халкидонский; 5. Армянский*. Они распадаются на

[17] Васильева О.Ю. Проблемы прозелитизма в России конца XX века // Исторический вестник №№ 9-10. 2000. С. 254.

* Материал по Восточным Католическим Церквам дается по отчетам наших наблюдателей из личного архива автора.

несколько десятков производных от них обрядов, возникающих и развивающихся под действием политических, этнических и географических факторов. Основное деление всех восточных обрядов можно провести: 1) по вероучительному содержанию; 2) по типу Божественной литургии и ее формам; 3) по языковому и национальному признаку.

Так, под «*александрийским обрядом*» римской Церкви подразумеваются соответственно два: коптский и эфиопский. Эти прозелиты перешли в римскую юрисдикцию из нехалкидонских Церквей: Коптской и Эфиопской. И коптские, и эфиопские униаты подчиняются куриальной конгрегации Восточной Церкви. У коптов римской юрисдикции есть свой Патриарх — Стефан I (Сидарусс), возведенный в этот сан в 1958 г. По папскому назначению Стефан I был одним из первых в списке лиц, включенных в Соборную Комиссию по делам Восточных Церквей.

Римский «антиохийский обряд» включает в себя три ветви: сиро-антиохийский, маланкарский и маронитский обряды. Важно отметить, что территориально с ними смешивается и мельхитский обряд, который классифицируется уже как византийский. Все они произошли от древнего Патриархата Антиохийского и всего Востока. Но вероучительная разница заключается в том, что

мельхиты приняли христологическое учение IV Вселенского Собора, а сиро-антиохийский, маланкарский и маронитский обряды принадлежали к Церквам нехалкидонским.

Сиро-антиохийский обряд пользуется древнесирийским и арабским богослужебными языками. В настоящее время (речь идет о периоде Второго Ватиканского Собора) во главе сиро-антиохийского обряда Римской Церкви стоит Патриарх Игнатий — Гавриил Таппуни, возведенный в кардиналы еще при Пие XI. Несмотря на свой почтенный возраст (ему 83 года), он состоит в числе десяти кардиналов — членов Председательского Совета Второго Ватиканского Собора.

Миссионерская работа Ватикана в Индии привела к унии с сиро-антиохийским Патриархатом около ста тысяч маланкарских христиан, которые сохранили свой самостоятельный литургический обряд и древнесирийский богослужебный язык.

Что касается маронитского обряда, то он возник из поздней разновидности монофизитства-монофелитства и известен под этим своим названием с начала VIII в. (оно происходит от древнего монастыря св. Марона). Отречение маронитов от монофелитского учения произошло в конце XII в. перед присоединением их к юрисдикции римских пап. Это столь раннее присоединение объясняется существованием латинского Иерусалимского королевства, в состав ко-

торого входил обширный участок от Тира через Триполи до Антиохии, т. е. территория Маронитского Патриархата. Примкнув к Римской Церкви, мароните привнесли латинские элементы в свое богослужение и со временем стали считаться восточным обрядом, наиболее близким к латинскому. Облачения у них латинские. Основной богослужебный язык маронитов — древне-сирийский (во многих приходах — арабский) с латинскими текстами.

С XIII в. папство признало за главой маронитов титул Патриарха Антиохийского Маронитского. В истории Ливана мароните также издавна играли заметную роль. Так, в первой половине XVI столетия их союз с воинствующими мусульманами-друзами (разновидность измаильтянства) позволил добиться для ливанской территории относительной автономии в рамках Оттоманской империи. Но с середины XIX в. между маронитами и друзами начались столкновения, продолжившиеся и в двадцатом столетии. На рубеже веков началась массовая эмиграция маронитов в Америку, и к 60-м годам свыше 450 тысяч их проживало вне Ливана. В самом же Ливане мароните составляют самую значительную по численности христианскую группу (25% всего населения).

Патриархом Антиохийским Маронитским ныне (речь идет о начала 60-х гг.)

является Павел — Петр Мнучи, возраст которого 68 лет. По папскому назначению Антиохийский Маронитский Патриарх входит в соборную Комиссию по делам Восточных Церквей. В своем титуловании он приравнен к архиепископам.

Теперь об униатах византийского обряда. Он объемлет всех, отторгнутых в разное время от Православных Автокефальных Церквей Европы. Выше уже упоминалось о мельхитском обряде, который географически существует в приморской части Сирийского побережья между Алеппо и Бейрутом. Есть у них отдельные группы и в Израиле, и в Египте, где католический прозелитизм действовал за счет православного Александрийского Патриархата. Общая численность мельхитов-католиков превышает двести тысяч человек, к которым следует прибавить около 150 тысяч эмигрантов, проживающих в Северной и Южной Америке.

Во главе мельхитского обряда римской юрисдикции стоит Патриарх Максим IV (Сигх). Ему 85 лет, но он и в таком почтенном возрасте играет важную роль на Втором Ватиканском Соборе. (Любопытно, что прекрасно владея латинским языком, он отказался на нем говорить, и все его выступления звучали только по-французски.) Как и православные восточные патриархи, Максим IV пользуется титулованием «Его Блаженства».

Если говорить об основной массе последователей византийского обряда Римской Церкви, то следует отметить, что до Второй мировой войны это были жившие на территории католических стран украинские, белорусские и румынские меньшинства. Исторические сведения об отечественных униатах уже давались в начале книги. Что касается униатов, живущих в США, то на 1962 год их насчитывалось более 600 тысяч, а в Канаде — около 200 тысяч последователей католического византийского обряда, преимущественно украинских.

В самой Италии также проживает около пятидесяти тысяч униатов албанского происхождения, бежавших оттуда в период гонений. В настоящее время они проживают в Южной Италии — в Калабрии и Сицилии. В 1917 году в Калабрии была образована епархия албанского обряда в Лунгро, управлявшаяся отдельным епископом, а в 1937 г. в Сицилии была создана еще одна епархия — Планенская — Албанская, подчиненная архиепископу Палермскому, который управляет ею через особого викарного епископа. Есть еще в Италии и прямые преемники монахов, живших в южной оконечности Аппенинского полуострова, включая Неаполь и Сицилию. В начале XI в. они покинули родные места из-за нашествия сарацинов и осели у самого Рима на холмах Фраскати, обосновавшись в известном аббатстве Грот-

тафферата, которое и стало крупнейшим центром итальянского византийского обряда (речь о монастыре также шла выше).

Остается сказать еще несколько слов о халдейском и армянском обрядах. Халдейский обряд происходит из некогда могущественной Несторианской Церкви. На начало 60-х годов униатов-халдеев насчитывается от 150 до 200 тысяч человек. Литургия халдеев — латинизированная несторианская, в основе своей очень древняя. Духовенства мало. Халдейский или восточно-сирийский обряд Римской Церкви окормляется Патриархом Вавилонским — Халдейским (не носящим титула Блаженства). Резиденция его в столице Ирака Багдаде. В настоящее время Патриархом Вавилонским является 56-летний Павел II Шейхо. Он, как и многие другие униатские патриархи, входит в состав соборной Комиссии по делам Восточных Церквей. В V веке по почину Вавилонского Халдейского Патриарха возник сиро-малабарский обряд в юго-восточной Индии, который сейчас могущественнее и сильнее, чем его древняя Мать-Церковь. Малабарцы помогают чем могут халдеям Ближнего Востока, например, устройством для них семинарии. Численность сиро-малабарских униатов превышает полтора миллиона верующих. Отметим еще раз, что, помимо сиро-малабарского (бывшего несторианского) обряда, у Римской

Церкви в Индии есть еще и маланкарский (бывший яковитский). Эти два обряда различны и не зависимы один от другого.

Армянский восточный обряд Римской Церкви — небольшая часть, оторванная от тела Армяно-Грегорианской Церкви. Армянский обряд возглавляется Патриархом, носящим титул Киликийского Армянского, резиденция которого находится в Бейруте. Следует отметить, что армяно-грегориан в Ливане свыше 60 тысяч, в то время как армян-униатов насчитывается около 14 тысяч.

В течение 25 лет Патриархом Киликийским был Григорий — Петр XV Агаджанян, кардинал Римской Церкви, имевший большие шансы быть избранным на папский престол после кончины Пия XII. (О нем достаточно подробно говорилось в разделах, посвященных I и II сессиях Собора.) Совмещение должности префекта куриальной Конгрегации пропаганды веры было признано несовместимым с возглавлением им одного из обрядов, подчиненного другой куриальной Конгрегации (Восточной Церкви). И преемником Агаджаняна стал Патриарх Игнатий — Петр XVI Батаниан. Он также по назначению Папы зачислен в соборную Комиссию по делам Восточных Церквей*.

* Материал по Восточным Католическим Церквам дается по отчетам наших наблюдателей из личного архива автора.

После общей характеристики Униатских Церквей вернемся вновь к принятому документу. Основные положения его сводились к следующему: увеличение автономии Восточных Униатских Церквей по отношению к Римской конгрегации и расширение прав и прерогатив Патриархов и епископов этих Церквей. Накануне «форсирования» начала диалога с Православием Римская Церковь показывала, как она высоко чтит древние традиции, привилегии и особенности канонического строя. А в действительности это можно было оценить как оперативное увеличение дееспособности восточных униатов накануне диалога с Православными Церквами. Предполагалось образование новых епархий, приходов, развитие просветительской и благотворительной деятельности на Православном Востоке: «*Поэтому повсюду надлежит заботиться о поддержке и развитии всех отдельных Церквей, и для этого следует учреждать приходы и их собственную иерархию там, где этого требует духовное благо верующих*»[18]. Это явное поощрение прозелитизма вызвало недовольство православных наблюдателей на Соборе, которые даже подали в Секретариат по единению свои критические замечания. Однако Павел VI был уверен, что

[18] Документы II Ватиканского Собора. М., 1998. С. 132.

после «успеха» в Иерусалиме Патриарх Афинагор сможет убедить высокопоставленных православных иерархов прибыть в Рим сразу после Третьего Всеправославного Родосского совещания, когда Собор будет принимать документ в окончательном виде. Этот визит, по мнению Рима, сможет убедить весь мир, что православные готовы вступить в немедленный диалог даже при наличии такого «Декрета о Восточных Церквах». И как уже отмечалось выше, только жесткая позиция на Родосе Русской Православной Церкви и лично митрополита Никодима (Ротова) удержала Православие от такого шага.

Удержала, но на очень недолго...

Декретом были недовольны не только православные наблюдатели, но и сами восточные Отцы Собора, которые выступали против латинизации и западных тенденций в документе (против этого возражал даже Иосиф Слипый).

Много толков и недоумения вызвало постановление Декрета об общении в таинствах с православными: «*...можно преподавать таинства Покаяния, Евхаристии и Елеосвящения больных восточным христианам, отделенным от Католической Церкви не по их собственному злому умыслу, если они сами об этом попросят и будут настроены должным образом. Более того, католикам также*

разрешается просить о тех же таинствах у служителей-некатоликов, в Церкви которых наличествуют действительные таинства, всякий раз, когда того потребует нужда или подлинная духовная польза, а доступ к католическому священнику окажется физически или нравственно невозможен.

Равным образом, исходя из тех же принципов, по уважительной причине допускается общение в священных действиях, предметах и местах между католиками и отделенными восточными братьями»[19].

Разрешение православным при известных обстоятельствах принимать таинства из рук католических священников и наоборот — католикам из рук православных — было воспринято многими католиками как первый шаг на пути воссоединения православных с Римом, думая, что это вызовет одобрение у православного мира. Однако, причин для радости нет. Это решение является односторонним актом. Рим не только не спросил у православных, желают ли они этого и считают ли они это возможным, а односторонне «милостиво» даровал это право от себя. Был и еще один момент, связанный с определенными обстоятельствами: православные верующие рассеяны сре-

[19] Документы II Ватиканского Собора. М., 1998. С. 140.

ди католического населения в католических странах Запада гораздо больше, чем католики среди сплошного православного населения. Из этого следует, что у православной диаспоры не хватает ни храмов, ни духовенства, а католики, где бы они ни находились и как бы их много ни было, всегда, как правило, обеспечены духовным окормлением со стороны своей собственной Церкви. Таким образом, это соотношение явно в пользу католиков и от «коммуникатио ин сакрис» (общение в таинствах) выиграла только Римско-Католическая Церковь.

Победой можно считать и принятие на III сессии в окончательном виде «Декрета об экуменизме». В него также с благословения Папы было внесено 19 поправок, что значительно усилило позиции «консерваторов».

Официальное название Декрета от начальных слов «Унитатис рэинтэгратио» (восстановление единства). И Всемирный Совет Церквей в Женеве, и протестанты Запада смотрели на этот документ как на один из важнейших. И он действительно открыл новую эру в отношениях Римско-Католической Церкви и Протестантских Церквей. Стоит вспомнить, что с момента образования Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) Рим занимал по отношению к нему очень жесткую позицию. Теперь же, в свете новых политических событий, в которых

ВСЦ завоевал прочный авторитет в христианском мире и высокое общественное мнение, Ватикан надеялся развить и использовать это движение и усилить свое положение среди «отделенных братьев». Необходимо было слить два центра — Ватикан и Женеву при лидерстве Рима. Как и ранее в истории, Ватикан действовал по принципу: «Если не можешь одолеть соперника, обними его»[20].

На Соборе официально отрицалось наличие «особого» римского католического экуменизма, а говорилось лишь о католическом понимании экуменизма. Реально же, параллельно с экуменизмом в Женеве, на Втором Ватиканском Соборе был создан другой экуменизм — экуменизм Рима. При идентичности названия и официальной цели — единение и сближение христиан между собой, четко прослеживается католическое понимание единения: воссоединение с Римом и под главенством Рима: «*Сей Святейший Собор призывает верующих воздержаться от всяческого легкомыслия и необдуманного рвения, способных повредить подлинному продвижению к единству. Ведь их экуменическая деятельность может состояться лишь в том случае, если она будет*

[20] Васильева О.Ю. Проблемы прозелитизма в России конца XX века // Исторический вестник №№ 9—10. 2000. С. 255.

полностью и искренне католической, то есть верной истине, воспринятой нами от Апостолов и Отцов, и согласной с верой, которую всегда исповедовала Католическая Церковь, но вместе с тем неизменно устремляющейся к той полноте, до которой Господь желает взрастить Свое Тело с течением времени»[21]. Стремление Рима к сотрудничеству с Женевой опасно для протестантского мира. Усиление католических позиций среди «отделенных братьев» может привести к естественному слиянию двух центров. А в случае слияния, конечно же, Рим будет центром и лидером экуменизма и поведет за собой «объединенных», а точнее, воссоединенных с Римом христиан. И, как покажут дальнейшие события, на первых порах Рим будет иметь верного союзника в лице Вселенского Патриарха Афинагора...

Вот такими печальными итогами закончилась III сессия Второго Ватиканского Собора.

[21] Документы II Ватиканского Собора. М., 1998. С. 160.

Глава 8

«Прошлое живет в нас...»

Так говорил Вселенский Патриарх Афинагор, призывая христиан стереть из памяти дурное прошлое, ибо оно вызывает ненависть. Эти мудрые слова он произнес, предвосхищая события IV сессии Второго Ватиканского Собора и его торжественное закрытие. Они звучали красиво, но реальность оказалась прозаичнее и жестче, чем даже мог предположить сам Патриарх Афинагор, мудрый пастырь и опытный политик.

Напомним, что результаты III сессии Собора принесли волнение и горечь не только православным, но и католикам. Конституция «О Церкви» подтвердила непогрешимость Папы, «*как бы подразумевавшуюся во всех выступлениях Римского Первосвященника, в том числе и тех, которые не провозглашались ex cathedra*»[1].

Коллегия епископов сохраняла сравнительную полноту власти только с согласия

[1] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 457.

Папы, имеющего всю полноту власти, не зависящей от согласия коллегии епископов и всей Церкви.

«Провозглашение Павлом VI Марии «Матерью Церкви», отвергнутое богословской комиссией Собора, еще более усилило тягостное чувство»[2].

Что касается Декрета «О Восточных Церквах», то он был нацелен на политику прозелитизма. И, как уже отмечалось выше, Третье Родосское Совещание (1—15 ноября 1964 г.) сделало все возможное, чтобы удержать Патриарха Афинагора от начала диалога между католиками и православными и отложить его до неопределенных времен. У Вселенского Патриарха были на то и свои, сугубо политические, причины. Но об этом — немного позже.

15 февраля 1965 года митрополиты Гелиопольский Мелитон и Мирский Хризостом отправились по поручению Афинагора в Рим, чтобы оповестить Ватикан о решениях Третьего Родосского Совещания. (Диалог возможен, но спешить не будем.) Напомним, что без усилий делегаций Русской и Румынской Православных Церквей этого решения достичь было бы сложно.

Четырьмя месяцами позже, в начале июня того же года (с 30 мая по 15 июня) епископ Маурианский Иоанн Виллебрандс

[2] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 457.

и о. Петр Дюпре посетили Советский Союз. В ходе своего визита они побывали в Москве, Ереване, Эчмиадзине, Тбилиси, Киеве, Пскове, Ленинграде. Главной целью визита епископа Виллебрандса была передача приглашения Русской Церкви от Председателя Секретариата по вопросам христианского единства кардинала Беа на участие наших наблюдателей в работе IV сессии Второго Ватиканского Собора.

Положительное решение по этому вопросу было дано в Определении Священного Синода Русской Православной Церкви от 5 августа 1965 года:

«*1. Наблюдателями Московского Патриархата на четвертой сессии Второго Ватиканского Собора назначить профессора-протоиерея Виталия Борового и архимандрита Ювеналия (Пояркова).*

2. Наблюдателям на четвертой сессии Второго Ватиканского Собора, как и в прошедшие сессии, систематически делать доклады Преосвященному председателю Отдела внешних церковных сношений, который будет информировать Священный Синод о работе Второго Ватиканского Собора. От него же наблюдатели получают и указания относительно их должности и деятельности»[3].

Подчеркивание обязательной отчетности в Определении Синода связано, в пер-

[3] ЖМП. 1965. № 9. С. 1.

вую очередь, с тем напряжением, которое было у православных после решений Третьей сессии Собора.

Дальнейшая оценка всего происходящего невозможна без анализа той политической ситуации, в которой оказался в этот период Вселенский Патриарх Афинагор и которая во многом повлияла на принятые им решения.

1965 год принес обострение турецко-греческого конфликта из-за Кипра, усилившее в Турции кампанию против греческого нацменьшинства. Особенно резкие формы она приняла в Стамбуле, где количество турецких граждан греческой национальности самое большое по стране. И, как видно из донесений генконсульства СССР в Стамбуле: «*Антигреческие выступления и тесно связанные с ними выступления против Вселенской Патриархии как в печати, по радио, так и в турецком парламенте, представляют собой часть внешнеполитического курса правительства, которое по существу использует греческое нацменьшинство и патриархию в Стамбуле в качестве заложника в проведении своей линии*»[4].

Как известно, СССР горячо приветствовал провозглашение независимости Кипра от английского колониального господства в августе 1960 г. Но суверенитет был весьма

[4] АВП. Ф. 194. Оп. 55. Пор. 12. Д. 177. Л. 1.

ограниченным: на территории острова сохранялись две крупные английские военные базы, а «гарантами» независимости Кипра выступали Англия, Турция и Греция. Действуя по вечному принципу «разделяй и властвуй», они «*провоцировали межнациональные столкновения между двумя общинами: греческой и турецкой*»[5].

В марте 1964 года советское руководство по просьбе правительства Кипра поддержало резолюцию Совета Безопасности ООН о посылке на Кипр войск ООН для предотвращения начавшегося кровопролития между греками и турками. Особенно обострилась обстановка на Кипре летом 1964 года, когда «*турецкие самолеты подвергли бомбардировке некоторые города Кипра в связи со столкновением между греческим и турецким населением острова*»[6].

Лондон и Вашингтон, с одной стороны, пытались использовать ситуацию для ликвидации независимости Кипра, а с другой стороны, были «*озабочены тем, что столкновение между греческой и турецкой общинами на острове вызвало обострение отношений между Грецией и Турцией, что серьезно ослабляло южный фланг Североатлантического блока*»[7].

[5] История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 2. С. 303.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 304.

И, как это уже было в истории, Вселенский Патриарх оказался в эпицентре политических событий.

Начало мощной кампании, направленной против Афинагора, можно отнести к весне 1965 года. Именно тогда, 7 апреля президент республики Гюрсель в одном из выступлений заявил следующее: «*Патриархия с момента своего основания находится на незаконном пути, и она выполняет отнюдь не религиозную миссию. Незнающего этого в Турции нет. Если меджлис и правительство также оценивают позицию патриархии, то они и определяют меры. Я думаю, что правительство думает, и оно не остановится в случае необходимости перед принятием нужных решений*»[8]. Спустя несколько дней Гюрселя поддержал турецкий премьер-министр. Отвечая на вопросы журналистов о положении Вселенской Патриархии, глава правительства подчеркнул: «*Я с сожалением наблюдаю, что не прилагается достаточно усилий (это о союзниках по НАТО. — **О. В.**), чтобы понять чувства турецкого народа и не ранить их. Если мы обманемся в этом или будем обмануты, то по существу обманутыми окажемся не мы, и не мы будем нести ответственность*»[9].

[8] АВП. Ф. 194. Оп. 55. Пор. 12. Д. 177. Л. 1.
[9] Там же.

Гюрсель Кемаль (Cemal Gursel), президент Турции. В мае 1960 г. генерал турецкой армии Гюсерль возглавил переворот, в результате которого было отстранен и премьер-министр Мендерес, многие члены правительства оказались в заключении. Гюсерль возглавил Комитет национального единства. После принятия новой конституции Турции, в ноябре 1961 г. Гюрсель был избран президентом Турции.

Вопрос об определении будущего Вселенской Патриархии и греческих подданных в Турции на протяжении всего апреля 1965 года рассматривался и в правительстве, и на заседании Национального Совета безопасности под председательством президента Кемаля Гюрселя. Об этом говорили и депутаты в меджлисе, а министры и лидеры политических партий в своих многочисленных интервью рассуждали на эту тему. Так, заместитель премьер-министра Демирель в своем интервью 28 апреля, подхваченном всей стамбульской прессой, заявил: «*Патриархия будет выдворена, если интересы Турции этого потребуют*»[10].

Ему вторил один из бывших министров Хюнсю Туран: «*Фанарская патриархия создает ситуацию более опасную, чем Кипр*»[11]. А известный турецкий журналист Надир Нади в одной из своих статей предлагал «*почистить все гнезда, откуда наносится ущерб турецко-греческим отношениям. Надо закрыть поповскую*

[10] АВП. Ф. 194. Оп. 55. Пор. 12. Д. 177. Л. 2.
[11] Там же.

школу на Хейбелиаде и проводить уважаемого Афинагора за пределы Турции»[12]. Сенаторы и депутаты тоже вносили свою лепту в общее дело. Так, выступая на заседании Сената республики, сенатор Улан призвал «*...выставить патриархию за пределы наших границ в 24 часа, не консультируясь ни с кем. Начиная с этого часа ни один грек не должен находиться в нашей стране. Всякие экономические отношения с Грецией должны быть порваны*»[13].

Не отставала от государственных мужей и молодежь. Национальный союз турецких студентов во время своего съезда опубликовал 18 апреля коммюнике, в котором были и такие слова: «*Нация нам повелевает, чтобы правительство в возможно короткое время приняло необходимые меры в отношении патриархии, которая до сих пор злоупотребляет турецким терпением...*»[14].

С одной стороны, своими угрозами турецкое руководство пыталось вынудить греческое правительство пойти на уступки в кипрском вопросе, а с другой — повлиять на своих натовских союзников и заставить их отказаться «*от поддержки Греции и Макариоса на Кипре*»[15].

[12] АВП. Ф. 194. Оп. 55. Пор. 12. Д. 177. Л. 2.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.

Ту же цель преследовала и шумиха в прессе по вопросу о выселении греческих подданных и граждан греческой национальности из Турции. «*По сообщению газеты «Хюррист» от 7 апреля с. г. министр внутренних дел Акдоган в бюджетной комиссии заявил, что из нашей страны будет выселено 1312 греческих подданных в течение 1966 года*»[16]. За 1964 год, по словам министра, выселению подверглись 6485 греческих подданных из 12 582, проживающих в Турции. «*В стране осталось 2 940 греков турецкого происхождения. По соглашению, достигнутому между различными министерствами, было решено, что в Турции останется 1653 человека из числа греческих подданных*»[17].

К началу мая 1965 года все чаще и чаще стали раздаваться голоса о возможном военном столкновении с Грецией из-за Кипра. Так, газета «Миллиет» сообщала, что «*правительство Турции распорядилось о подготовке национальных воинских частей для оккупации греческих районов, прилегающих к Турции. Этим мобильные части будут оснащены стратегическим оружием помимо НАТО*»[18].

В качестве дополнительных мер Турция оставляла за собой право:

---

[16] АВП. Ф. 194. Оп. 55. Пор. 12. Д. 177. Л. 3.
[17] Там же.
[18] Там же. Л. 4.

1. Немедленного выдворения из Стамбула Вселенского Патриарха Афинагора и лишение его турецкого гражданства.

2. Высылки из страны греческих подданных и греков турецкого гражданства, занимающихся вредной деятельностью.

3. Подготовки к принятию турок, которые в случае войны покинут Грецию и пожелают найти убежище в Турции [19].

Но не все в турецком руководстве придерживались таких радикальных взглядов. Кое-где раздавались голоса, что после выселения Вселенского Патриарха Турция приобретет себе новых врагов: «*Не надо забывать, что Афинагор послан в Турцию американской политикой... В тот день, когда патриархия будет выдворена за пределы границ, США могут приостановить экономическую и военную помощь Турции. Это будет началом ужасной политики против нас в западном мире, который будет рассматривать вещи под углом конфликта между исламом и христианством*»[20]. Каковым он и является. И Патриарх Афинагор как умный политик и прозорливый пастырь использовал этот конфликт для укрепления своей позиции. Ему нужна была поддержка Запада, которую мог обеспечить Ватикан.

[19] АВП. Ф. 194. Оп. 55. Пор. 12. Д. 177. Л. 4.
[20] Там же. Л. 5.

И он использовал резолюцию Третьего Родосского Совещания о возможности начала диалога с католиками в неопределенном будущем. Но это время для Вселенского Патриарха уже наступило. И именно в июне 1965 года, когда военный конфликт между Грецией и Турцией продолжал нарастать, Патриарх Афинагор через своего представителя в Великобритании митрополита Фиатирского Афинагора заявил о возможности взаимного снятия анафемы 1054 года. Эта речь была произнесена в Вестминстерском аббатстве: «*Было ли абсурдом надеяться, что патриарх Константинопольский отменит отлучение папских легатов патриархом Керуларием в 1054 году? Так ли немыслимо ожидать от Ватикана, что он отменит отлучение того же патриарха, положенное кардиналом Гумбертом на алтарь Святой Софии? Эти два отлучения положили начало расколу Востока и Запада... История подтверждает, что кардинал Гумберт действовал с неподобающей поспешностью и без согласия папы, который умер прежде прибытия легатов в Константинополь. Это роковое деяние неделикатного представителя папы вызвало возмущение патриарха и всей Восточной Церкви и привело к отлучению папских послов. Разве отмена обоих этих актов не будет сообразна духу любви? Подобный жест*

оказал бы большое влияние на процесс сближения обеих Церквей, а также исключительно врачующее действие на исцеление шестой язвы на Теле Христовом, все еще открытой и кровоточащей...»[21]. Прекрасные призывы, за которыми стояли столетия разделения.

Дух Святой «исходит от Отца», — говорит Христос в Евангелии от Иоанна. И эта формула была закреплена в Никео-Константинопольском Символе веры, выработанном первыми двумя Вселенскими Соборами. Рожденная Блаженным Августином формула: Дух Святой исходит от Отца и Сына (filioque) распространяется на Западе, при этом ее рассмотрение не было ни на одном из Вселенских Соборов. Столкновения начались уже при Карле Великом, который хотел обвинить греков в ереси, но папа Лев III отказался ему уступить и повелел выбить на стенах Латеранского собора Никое-Константинопольский Символ веры. В 880 году при очередном столкновении патриарха Фотия и Папы Николая I все же было достигнуто соглашение о единстве на основе прежнего Символа без «филиокве».

Начиная с правления императора Генриха II, короновавшегося в Риме, Западная Церковь исповедовала Символ веры уже с «филиокве».

---

[21] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 474.

Мощные монашеские реформаторские движения, особенно клюнийских монахов, стремятся освободить Западную Церковь из-под опеки императоров. Эти реформы и приведут позже к установлению действенной папской теократии.

В 1048 году на папский престол восходит Лев IX. Среди его соратников оказался и один из сторонников реформ Гумберт де Мойенмутье, ставший кардиналом и поведший решительную борьбу за целибат среди итальянского духовенства. В ответ на преследование женатого итало-греческого духовенства на юге Италии Византийский патриарх Михаил Керуларий захватывает латинские церкви в Константинополе. В это время норманы, наводящие ужас на Европу, обосновались в Сицилии и пошатнули там господство византийцев во главе с Аргиросом, а позже, в 1053 году, пленили и самого Папу Льва IX. Рим делает шаги в направлении к союзу с Аргиросом. Но теперь требуется возобновление и канонических отношений, фактически прерванных к этому времени. По просьбе императора Патриарх Михаил Керуларий пишет Папе письмо с выражением доброй воли. Ответить Лев IX не может, но посылает легатов в Константинополь во главе с кардиналом Гумбертом, который является автором писем «*от папы Льва IX*» к императору и Патриарху.

Основная цель Гумберта — навязать принципы римской теократии и на Востоке, а не возобновить канонические отношения. Получив письмо «*папы Льва IX*», патриарх Михаил ведет себя с римскими послами сдержанно, т.к. не верит в авторство. А вскоре, после получения известия о смерти Льва IX, вообще прекращает все контакты с легатами.

Кардинал Гумберт надеется, что на Патриарха повлияет византийский император. Но все напрасно. И Гумберт наносит решающий удар. 15 июля 1054 года в начале литургии он кладет на престол Святой Софии акт об отлучении Михаила Керулария и «его сторонников». Патриарх обвиняется в десяти ересях, самые серьезные из которых — допущение женатого духовенства и опущение «филиокве» в Символе веры. Четыре дня спустя Патриарх Михаил отлучает «Гумберта и его сообщников», указывая на такие латинские заблуждения, как «филиокве», употребление опресноков, преследование женатых священников.

Керулярий ставит в известность о происшедшем всех восточных патриархов. «*Самый видный из них, Петр III Александрийский, под юрисдикцией которого находятся сто девяносто две епископские кафедры, далеко выходящие за восточные границы империи, отвечает ему*

письмом, являющим подлинное «ощущение Церкви»: «Если латиняне согласятся устранить из Символа веры их добавление, я не потребую от них ничего более, полагая, что все остальное — дело не столь уж и важное»[22].

Но латиняне, как известно, не согласились.

Пройдет девять веков. Патриарх Афинагор не только не заговорил о догматических противоречиях с католиками, но и не счел нужным поставить в известность о своем решении по совместному снятию анафем 1054 года Поместные Православные Церкви.

Он создал в своей Патриархии «большую» комиссию, в состав которой вошли члены двух постоянных комиссий, занимающихся всеправославными и общехристианскими делами. Вселенский Патриарх лично принимал участие во всех заседаниях, внося свои предложения.

Подобную комиссию в Ватикане создал и Павел VI. Она подготовила проект общей Декларации и выехала с ним в Стамбул, где с 22 по 24 ноября прошла совместная работа комиссий Вселенского Патриарха Афинагора и Папы Павла VI.

А в это самое время в Риме шла своим чередом работа Четвертой сессии Второго Ватиканского Собора, делегаты которого в своем большинстве, как и весь православ-

[22] Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель. 1993. С. 470.

ный мир, ничего не подозревали о грядущих событиях...

Как уже отмечалось, сессия проходила с 15 сентября по 7 декабря 1965 года. Последний период работы Второго Ватиканского Собора начался с учреждения Павлом VI Синода епископов, предусмотренного конституцией «О Церкви». На первом заседании было оглашено послание понтифика «Апостольская ревность», которое и освещало будущую деятельность Синода, представлявшего весь епископат Римской Церкви. Определялся и объем его полномочий — исключительно совещательный характер. Время созыва Синода определял сам Папа, он же утверждал его членов и все вопросы, подлежащие обсуждению. Что касается представительства на Синоде, то оно могло осуществляться либо самим понтификом, либо специально уполномоченным на это легатом. Определялась и классификация заседаний Синода: они могли быть обычными, чрезвычайными и специальными. В обычных заседаниях принимали участие все восточные (униатские) патриархи, митрополиты и архиепископы восточных обрядов; епископы, избранные национальными конгрегациями, а также десять представителей монашеских орденов и все кардиналы — префекты конгрегаций Римской курии.

В чрезвычайных заседаниях принимали

участие все вышеуказанные, но только вместо десяти представителей монашествующих орденов на этих заседаниях присутствовали трое.

Что касается специальных заседаний, то они должны были собираться только для рассмотрения определенных вопросов, касающихся тех или иных стран или континентов. И по специальным указаниям Папы на них должны были приглашаться местные специалисты по обсуждавшимся проблемам.

Папское послание подчеркивало также, что полномочия членов Синода прекращаются с окончанием его работы.

Само существование Синода никак не ограничивало полномочий куриальных кардиналов, которые являлись его членами, могли влиять и на принятие решений. Но даже при такой ограниченности возможностей Синода его появление было, безусловно, положительным явлением в жизни Римской Церкви.

Всего на Четвертой сессии Собора были приняты 11 схем, которые получили окончательное утверждение в качестве двух Конституций, шести декретов и трех деклараций (всего же на Втором Ватиканском Соборе были приняты четыре Конституции, девять декретов и три декларации). Конституции имели вероучительное (доктринальное) значение для Римско-Католической Церкви.

Соборные декреты, не нося постоянного доктринального значения, имели скорее практическое значение. Что же касается деклараций, то они представляли собой заявления Собора по определенным вопросам, не имеющим первостепенного вероучительного характера.

На четвертой сессии принятие этих документов происходило в следующем порядке:

1. Догматическая конституция об Откровении (принята 18 ноября 1965 г.).

2. Пастырская конституция о Церкви в современном мире (принята 7 декабря 1965 г.).

3. Декрет о пастырском служении епископов в Церкви (принят 28 октября 1965 г.).

4. Декрет об обновлении жизни монашествующих (28 октября 1965 г.).

5. Декрет о подготовке ко священству (28 октября 1965 г.).

6. Декрет об апостольстве мирян (18 ноября 1965 г.).

7. Декрет о миссионерской деятельности Церкви (7 декабря 1965 г.).

8. Декрет о служении и жизни священников (7 декабря 1965 г.).

9. Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям (28 октября 1965 г.).

10. Декларация о христианском воспитании (28 октября 1965 г.).

11. Декларация о религиозной свободе (7 декабря 1965 г.).

Всеми присутствующими на Соборе наблюдателями был отмечен тот факт, что, оставляя личности и сообществу право на поиск, выбор и принятие веры, Римско-Католическая Церковь отстаивала принцип нахождения истины только в ней самой: «*Ибо по воле Христовой Католическая Церковь — наставница в истине, и обязанность ее — возвещать ту Истину, Которая есть Христос, аутентично учить ей и вместе с тем своей властью провозглашать и утверждать нравственные принципы, проистекающие из самой человеческой природы*»[23].

Четвертая сессия подходила к концу. В последний день работы Собора, 7 декабря 1965 года, в день памяти святого Амвросия Медиоланского, было решено обнародовать текст совместной Декларации Римско-Католической и Константинопольской Православных Церквей по случаю снятия анафем. Она гласила следующее:

«*1. Благодарные Богу за то, что по благости и милосердию Своему Он дал им встретиться на той Священной земле, где смерть и воскресение Господа Иисуса завершили тайну нашего спасения, и где излияние Духа Святого породило Церковь, папа Павел VI и патриарх Афинагор I твердо решили не упускать*

[23] Документы II Ватиканского Собора. «Паолине», 1988. С. 294.

ни одной возможности к проявлению жестов, вдохновленных Любовью, которые могли бы содействовать развитию уже начавшихся братских отношений между Римско-Католической Церковью и Константинопольской Православной Церковью. Они убеждены, что отвечают таким образом на призыв благодати Божией, ведущей ныне как Церковь Римско-Католическую и Церковь Православную, так и всех христиан к преодолению разногласий, дабы они вновь стали «едиными», как просил о них Господь Иисус своего Отца.

2. Среди препятствий, которые находятся на пути к братским отношениям доверия и уважения, следует назвать прежде всего воспоминание о достойных сожаления решениях, поступках и инцидентах, приведших в 1054 году к отлучению патриарха Михаила Керулария и двух других лиц легатами Римского Престола, возглавляемыми кардиналом Гумбертом, подвергшимися в свою очередь подобному отлучению со стороны Константинопольского патриарха и Синода.

3. В тот беспокойный период истории события эти не могли быть иными. Но сегодня, когда возможно вынести о них более здравое и уравновешенное суждение, необходимо признать, что

чрезмерное значение, которое они приобрели позднее, было чревато последствиями, которые, насколько мы можем судить, далеко вышли за пределы намерений и предвидений зачинщиков, чьи запретные меры касались лишь определенных лиц, но не Церквей и не были направлены на прекращение церковного общения между кафедрами Римской и Константинопольской.

4. Вот почему папа Павел VI и патриарх Афинагор I со своим Синодом, убежденные в том, что выражают общее стремление к правде и единодушное чувство любви своих верующих напоминают завет Господень: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5, 23—24) — и по обоюдному согласию заявляют:

а) что они сожалеют об оскорбительных словах, о необоснованных упреках и осудительных жестах, которые как с одной, так и с другой стороны окрасили собою печальные события того времени или сопутствовали им;

б) что они равным образом сожалеют и желают изъять из памяти и среды

церковной акты отлучения, которые затем последовали и воспоминание о которых до наших дней служит препятствием к сближению в духе любви, и предать их забвению;

в) что они скорбят о том, что дурные прецеденты и последующие события под влиянием различных факторов, прежде всего взаимного непонимания и недоверия, в конце концов привели к реальному разрыву церковного общения.

5. Папа Павел VI и патриарх Афинагор I со своим Синодом сознают, что этот жест справедливости и взаимного прощения недостаточен для того, чтобы положить конец разногласиям, как древним, так и недавним, все еще остающимся между Римско-Католической Церковью и Церковью Православной, и которые будут преодолены действием Духа Святого, благодаря раскаянию в исторических ошибках и деятельной воле к достижению понимания и совместному выражению апостольской веры и ее требований.

Совершая подобный жест, они уповают на то, что он будет угоден Богу, готовому прощать нас, когда и мы прощаем друг друга, и оценен всем христианским миром и в особенности всей Римско-Католической Церковью и Православной Церковью, как выражение ис-

кренней взаимной воли к примирению, как побуждение к продолжению в духе взаимного уважения, доверия и любви, диалога, который к великой пользе для душ приведет с помощью Божией к обновлению жизни, наступлению Царства Божия в полном общении веры, в братском согласии и участию в таинствах, соединявших нас в течение первого тысячелетия жизни Церкви.

Павел VI, папа
Афинагор I, патриарх»[24].

Этот текст был прочитан в Соборе Святого Петра монсиньором Виллебрандсом перед Отцами Собора, иностранными наблюдателями и посланцем Патриарха Афинагора митрополитом Тирским Мелитоном.

Из рук Павла VI он получил грамоту, которая также начиналась призывом к любви: «*Живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас*» (Еф. 5:2)[25]. Понтифику же викарий Афинагора вручил патриарший томос, чем и было перечеркнуто древнее проклятие.

Затем в ответном слове Мелитон указал на значение совершающихся событий и подчеркнул, что «*в этот момент ваш собрат патриарх Афинагор I, действуя в том же духе, устраняет из памяти и жизни Церкви анафему, произнесенную*

[24] Клеман О. Указ. соч. С. 477–479.
[25] Там же. С. 481.

патриархом Михаилом Керуларием в 1054 году. Выражая всеправославное чувство любви и мира, прозвучавшее на Третьей Коференции на Родосе, он возвещает об этом с кафедры святого Иоанна Златоуста — Отца, принадлежащего неразделенной Церкви»[26].

В своей речи посланец Вселенского патриарха все же подчеркнул наличие разногласий в «*области учения канонического права и культа*»[27]. Но, «*несмотря на то, что евхаристическое общение еще не было достигнуто, основная предпосылка для прогрессивного разрешения несогласий между первыми престолами Запада и Востока — братская Любовь — на сегодняшний день уже установлена официально в церковном понятии*»[28].

После речи Мелитона все присутствующие стали свидетелями его дружеских объятий с Павлом VI под звуки продолжительных аплодисментов.

А в далеком Стамбуле торжественные события прошли в Соборе Святого Георгия. Патриарх Афинагор в окружении членов Синода принимал католическую делегацию, которую возглавлял кардинал Шеан, архиепископ Балтиморский. «*Диакон поднимается на высокую кафедру, что вдалеке от иконостаса нависает над веру-*

[26] Клеман О. Указ. соч. С. 481.
[27] Там же.
[28] Там же. С. 482.

ющими. После Евангелия он торжественно читает по-гречески Совместную Декларацию, в тот самый момент, когда в соборе Святого Петра монсиньор Вилебрандс читает ее по-французски»[29].

После окончания литургии Афинагор и кардинал Шеан пересекают двор и поднимаются по лестнице, ведущей в патриаршие покои. «*На верху ее они поворачиваются к народу и под приветственные возгласы несколько раз обнимают друг друга*»[30].

Свершилось начало диалога, которое так стремилось отодвинуть (и отодвинуло в своей резолюции Родосское совещание). И свершилось это в такой форме, которую меньше всего ожидал увидеть православный мир.

О случившемся Патриарх Афинагор уведомил всех Глав Православных Церквей. Ответ из Москвы не заставил себя ждать. 28 декабря 1965 года Святейший Патриарх Алексий направил в Стамбул телеграмму следующего содержания:

«*Телеграмма Вашего Святейшества, в которой Вы пишете о решении снять анафему 1054 года нами получена. Ожидаем Ваших писем. Предварительно можем сообщить Вам, что рассматриваем решение Вашего Святейшества и Свя-*

[29] Там же. С. 476.
[30] Там же. С. 480.

того Синода Константинопольской Церкви как действие вашей Поместной досточтимой Церкви, обращенное к Церкви Рима. Богословского значения для всей Полноты Святой Православной Церкви этот акт, по нашему мнению, не имеет. Братски обнимаю Ваше Святейшество и шлю мои сердечные Вам пожелания. С любовью о Господе

Патриарх Алексий»[31].

Если в этой телеграмме Патриарху Афинагору Предстоятель Русской Церкви лишь подчеркнул, что снятие анафемы не имеет богословского значения для вселенского Православия, то в телеграмме главе Элладской Церкви Архиепископу Хризостому, отправленной в тот же самый день, Патриарх Московский и всея Руси писал: «*...богословского значения не имеет, ибо разделение Церквей Католической и Православной слишком глубоко и для преодоления его в настоящее время нет соответствующих оснований*»[32].

Мнение Русской Церкви не было услышано всеми. Мир воспринял взаимное снятие анафем 1054 года как крупный шаг на пути к примирению, сближению и объединению католиков и православных вообще. Радио, телевидение, пресса разнесли это по всему свету. И теперь любой, кто высту-

[31] ЖМП. 1966. № 2. С. 4.
[32] Там же.

пит против, будет представлен как противник сближения, как сторонник вражды. И как бы он ни объяснял, что способ совершения этого действия был односторонним и неправильным, основная масса людей будет приветствовать сей акт «братания», не оценивая ни методов, ни последствий его осуществления. Успех Рима и Константинополя в данном случае был очевиден. Но это — лишь один итог Второго Ватиканского Собора. Для оценки дальнейших событий в христианском мире важно понять: какие последствия имели решения Собора на православный мир, на Русскую Церковь, на Всемирный Совет Церквей и Католическую Церковь в целом.

Для православного мира Второй Ватиканский Собор стал значительной вехой в истории взаимоотношений между ним и католичеством. До этого времени эти отношения или отсутствовали, или были враждебными. На протяжении веков Католическая Церковь вела широкую прозелитическую работу, пытаясь подчинить своему влиянию Православные Церкви. Второй Ватиканский Собор изменил ситуацию. Цели Римской Церкви остались прежними, но методы и тактика были приспособлены к современным условиям. Отсюда — создание Секретариата для единения, торжественное соборное признание в действительности православной иерархии, апос-

тольского преемства и таинств у православных. На протяжении всех четырех сессий Собора в выступлениях Папы, в дискуссиях и постановлениях подчеркивалась горячая любовь к православию, признание его исторических заслуг и даже частичной правоты в соблюдении древнехристианских традиций и особое место, которое занимают православные в истории Церкви и в настоящее время как самые близкие из «отделенных братьев». Это специальное выделение и подчеркнутое преимущество по сравнению с протестантами указывало, в первую очередь, на главное направление будущей деятельности Ватикана по отношению к православным. Рим любыми способами будет стараться отделить православных от союза с протестантами и приблизить к себе. Это возможно потому, что большинство Православных Церквей существовали в государствах, где господствовала атеистическая идеология. Что касается Восточных Патриархатов, то они испытывали постоянное давление со стороны окружавшего их мусульманского мира. Единственной среди Православных Церквей, пользующихся поддержкой государства, была Элладская Церковь. Но ее внутренние проблемы не позволяли ей занять лидирующее место в православном мире. Оставался один Константинополь. Он имел первенство среди Православных Церквей

всегда, и это Патриарх Афинагор использовал для увеличения своего престижа. Русская Церковь в данный «Хрущевский» период своего существования могла противостоять Константинополю так, как она это делала в послевоенное десятилетие. Положение самого Афинагора в Турции, как уже говорилось выше, было также крайне тяжелым. (До 1917 года Российская империя своей мощью защищала и охраняла Православие на Востоке и особенно в Константинополе.) И он искал помощи. Ее могли оказать США, но они как военный союзник Турции не хотели терять такую идеальную стратегическую базу и портить отношения с Турцией. Всемирный Совет Церквей мог помочь морально, влияя на общественное мнение. И тогда в союзники Афинагор выбирает Рим. Католическая Церковь сильна, она с успехом влияет на общественное мнение и на международные организации во главе с ООН, может использовать дипломатические каналы для давления на турецкое правительство и вынудить его пойти на уступки в отношении Константинопольской Церкви. Складывается союз: Константинополь — Рим. В этом альянсе Ватикан может служить Константинополю своей мощью, поддержкой и защитой, а Константинополь готов использовать свое историческое первенство в православном мире для того, чтобы увлечь за собой и

другие Православные Церкви на его пути к Риму. На этой почве разворачивались все события описываемого времени, и это стало главным направлением римской политики в отношении православных в грядущих десятилетиях. Путь к сближению с Римом для Вселенского Патриархата был тяжелым. В период подготовки Второго Ватиканского Собора Патриарх Афинагор еще надеялся на Грецию как на гарант в конфликте с Турцией. Учитывая оппозицию греков к Католической Церкви, он не послал даже своих наблюдателей на Первую сессию Второго Ватиканского Собора, хотя хотел это сделать и уговаривал других, включая Русскую Церковь. (Наших наблюдателей в Рим привело давление Хрущевского руководства.) Как только со второй сессии усилился нажим турок на Константинопольский Патриархат, перешедший в прямое преследование Афинагора, он решил искать защиты у более надежного союзника, чем Греция и ВСЦ. И им стал Рим. И дальше все становится понятным: и провозглашение диалога с Римом на Родосе, и посылка наблюдателей из Константинополя на Собор, и назначение «личного представителя» Патриарха Афинагора в Риме, и приезды в Рим митрополитов Афинагора Фиатирского из Лондона, и Мелитона Илиопольского и Хризостома Мирликийского из Константинополя (Председателя и секре-

таря Родосских совещаний), и возникновение вопроса о снятии анафем 1054 года.

Когда Рим и Константинополь действовали, остальные Православные Церкви молчали. Это безмолвие явилось очень важным доказательством того, что Патриарх Афинагор действует от имени всех православных как их Глава и выразитель общего мнения. И хотя Ватикан знал позицию Русской Церкви, которая ясно излагалась нашими наблюдателями через Виллебрандса, но она воспринималась как неофициальное мнение, которое можно было знать, но с каковым необязательно было считаться. Если бы это мнение выразили все Православные Церкви на своем Всеправославном Совещании, то Патриарх Афинагор не смог бы действовать так, как он действовал.

Для Павла VI снятие анафем 1054 года тоже стало выигрышным. Этот красивый акт перекрыл и компромиссность многих соборных решений, и недостаточную смелость большинства его постановлений. Папа начал свою соборную деятельность со встречи с Константинопольским Патриархом в Иерусалиме и закончил Собор конкретным результатом — «примирением» между христианами. В дальнейшем между Римом и Константинополем было намечено образование смешанной комиссии по проведению диалога между этими двумя Церквами. При этом следует учи-

тывать, что материал для диалога может быть и будет только общеправославным, т. к. особых проблем в православной вере, отличных от других Православных Церквей, у Константинопольской Церкви нет. И получается, что общеправославные проблемы будут обсуждать только представители Рима и Константинополя. И в этой ситуации Русская Церковь должна будет взять на себя подготовку всеправославного совещания или конференции, на которой бы мир услышал голос всех Православных Церквей, что могло бы ограничить Патриарха Афинагора. (И Русская Церковь будет пытаться это осуществить.) В послесоборный период стало понятно, что надо не дать Риму изолировать себя от Всемирного Совета Церквей, ибо православные и католики один на один — неравномерные величины. Но все же самым важным уроком Второго Ватиканского Собора для Православия стала необходимость единомыслия и единения Православных Церквей, чтобы Константинополь не имел права вершить православные дела единолично.

Что касается Русской Православной Церкви, то значение Второго Ватиканского Собора для нее следует рассматривать по трем направлениям:

— отношения с православным миром и Всемирным Советом Церквей;

— влияние Собора на церковную жизнь западных областей Украины;

— планы возможных контактов между Москвой и Римом.

Как уже отмечалось выше, Рим сделал все возможное, чтобы внести разлад в среду экуменического движения. Провозглашение «католического понимания» экуменизма на деле обернулось для Русской Церкви возрастающей тенденцией изоляции Русской Церкви с целью уменьшить ее влияние на основную линию Всемирного Совета Церквей.

Что касается контактов с Москвой, то Рим будет пытаться их осуществлять через посредничество Константинополя, уверяя при этом, что он хочет иметь дело со всем Православием. Будут вестись разговоры о том, что зная всю важность всеправославного единения и согласия, Ватикан советует Афинагору перед каждым его односторонним действием проводить консультации со всеми Православными Церквами. А если это не случится, то Русская Церковь будет высказывать сожаление о «неорганизованности» и «стихийности» действий Вселенского Патриарха. Дружественные контакты с Русской Церковью будут поддерживаться, зазвучат высокие оценки деятельности наших иерархов, которые ни к чему не будут обязывать. Все деловые контакты поведутся только посредством Константи-

нополя. Дальнейшие события покажут, что эти прогнозы оправдались, а Русская Церковь сделала все возможное для противостояния союзу Рима и Константинополя.

Одним из важных последствий Второго Ватиканского Собора для Русской Церкви стала активизация католиков в СССР. С одной стороны, Ватикан, а с другой стороны, сами советские католики будут предпринимать осторожные усилия по нормализации своей деятельности. И немало было достигнуто уже в ходе работы Собора: поездка литовских и латвийских католиков на заседания Собора, паломничество из Литвы и прием паломников Папой (Вторая сессия), поставление епископа для Латвии (Третья сессия), хиротония в Риме нового епископа для Литвы (Четвертая сессия). Открытые разговоры в Риме о католическом епископе в Москве, проекты возрождения католических костелов в Киеве и других городах, где имеется значительное количество верующих католиков. И обсуждение этих вопросов шло без каких бы то ни было официальных переговоров с советским руководством.

Все это не могло не волновать Русскую Церковь. Но главные события после Собора могли развернуться на Украине, в ее западных областях. Значительная часть бывшего униатского духовенства, не воссоединившегося с православием, и опре-

деленное количество «тайных униатов», и открытые приверженцы унии начнут активную деятельность по «нормализации» и «легализации» католиков и униатов на Украине. Будет распространяться информация о скором образовании «Киевского Патриархата», о возвращении Слипого к своей пастве, о грядущем договоре между СССР и Ватиканом. (Жизнь показала, что и эти прогнозируемые события имели место в реальной жизни.) Все это скажется на нормальной и спокойной жизни в православных приходах Западной Украины. А на Западе начнется очередное взвинчивание вопроса об «униатах», по тайным каналам будет осуществляться связь с активистами униатского движения в СССР. А расплачиваться за это придется православным этих мест. (И эти прогнозы, только в более жесткой форме, подтвердила жизнь».)

Теперь несколько слов о проблеме прямых контактов между Римом и Москвой. Как уже отмечалось, основные устремления Ватикана были направлены на Константинопольскую Церковь. Но для осуществления далеких планов — улучшения положения католиков и легализации Униатской Церкви в СССР — Риму нужны были контакты и с советским руководством, и хотя бы формальные отношения с Русской Церковью. При этом ни о каком

нашем «представительстве» в Риме вопрос не ставился. В одной из последних бесед с митрополитом Никодимом перед его отъездом из Рима (после окончания Собора) Виллебрандс прямо сказал ему, что Ватикан видит дальнейшие контакты в форме обмена информацией, изданий, писем, взаимных визитов и посещений, а в случае нужды в прямых контактах по срочным и важным делам можно использовать нашего представителя в Женеве и обращаться к нему. Для Рима в 1965 году важнее был Константинополь, ибо здесь успех был реальнее достижим. Что касается Москвы, то можно подождать, пока не изменится ситуация, включая и «униатскую». Ждать и поддерживать «дружественные контакты», готовясь к настоящим действиям, когда придет время.

Ответные планы выстраивали и в Москве, считая, что самым важным и необходимым должно стать изучение истинных планов и намерений Рима, скрытых от любознательных взоров за завесой «ватиканских тайн».

И уже в 1965 году были определены основные направления деятельности:

«Чтобы действительно что-то знать, понимать и разгадать, необходимо иметь возможность оперировать и сопоставлять между собой достаточное количество надежных данных о следующих секторах и факторах, опреде-

ляющих политику Ватикана по интересующим нас вопросам:

1) папа и его ближайшее окружение;

2) статс-секретариат и особенно его сектор восточно-европейских стран;

3) секретариат для единения христиан;

4) секретариат для неверующих;

5) секретариат для нехристианских религий;

6) будущий секретариат для помощи слаборазвитым странам и борьбы с голодом (возможно — секретариат для содействия и развития мира);

7) будущий секретариат для апостолата мирян;

8) комиссии для общественных средств передачи мысли;

9) конгрегация для восточных церквей;

10) конгрегация для пропаганды веры;

11) координационный комитет католических международных организаций;

12) объединенная рабочая группа Римско-католической церкви и Всемирного Совета Церквей;

13) Руссикум;

14) Шевтонь;

15) Центр «Истина» в Париже;

16) Экуменический библейский институт;

17) Орден иезуитов;

18) Издательство Посновой «Жизнь с Богом»;

19) Русский сектор Ватиканского радио;

20) Будущая радиостанция в Вене для передач из СССР;

21) Конференция американских епископов;

22) Конференция немецких епископов;

23) Конференция польских епископов;

24) Слипый и украинские униатские епископы и деятели;

25) Сипович и белорусские организации в эмиграции.

Лучшими местами для получения своевременной и надежной информации по всем этим вопросам являются Женева и, конечно, сам Рим»[33]. Понимая, что постоянного представительства Русской Церкви в Риме открыть в ближайшее время не удастся, стала рассматриваться идея образования православного прихода. «*Он когда-то там был. Во главе его находился итальянец Банколини. Теперь это уже давно кануло в вечность. Нет ни помещения для церкви, ни прихожан, ни клира. Возобновлять все это будет делом сложным и трудным. Главная трудность — это наличие прихожан. Когда появился бы приход, то можно назначить кого-нибудь из способных молодых богословов настоятелем и со временем, при накоплении опыта, связей, владения язы-*

[33] Из фондов ГАРФа.

ком и завоевании хорошего реномэ и авторитета в Ватикане, он мог бы, если отношения с Римом у нас разовьются, и дело этого потребует, быть и официальным представителем нашей Церкви при Ватикане»[34].

Но главная задача состояла бы не только в сборе информации, но и в возможности влияния в нужном направлении. *«Если же нельзя было бы предотвратить или по крайней мере нейтрализовать вредные для нас явления и тенденции, то было бы важным своевременно предупредить Москву об этом. Это, так сказать, негативная сторона деятельности, пассивно-оборонительная. Еще важнее другая — положительная, поступательно-конструктивная сторона. Можно было бы найти пути и возможности положительно воздействовать на ватиканскую политику и ее составные части, факторы и лица»*[35]. Самым главным гарантом успеха должна была стать продуманная, твердая, устойчивая, рассчитанная на будущее перспективная линия, включающая в себя все вопросы стратегии и тактики, конечные и промежуточные цели, средства и формы их осуществления. *«И необходимо, чтобы Рим, не с наших слов, а на деле, на основании*

[34] Из фондов ГАРФа.
[35] Там же.

наших действий и целеустремленных мероприятий, понял и почувствовал, что у нас такая линия есть, и осуществляться она будет планомерно и упорно»[36]. (События последующих десяти лет подтвердят действенность выработанной стратегии после окончания Второго Ватиканского Собора.)

Настойчивость и упорство были необходимы, т. к. Римская Церковь, несомненно, окрепла после Собора, который, в сущности, закрепил и усилил прежний клерикализм и папизм, придав им современные формы и приспособив их к условиям настоящего времени.

Второй Ватиканский Собор оставил без изменений и в неприкосновенности прежние цели Римско-Католической Церкви, только изменил их формы, методы и тактику их осуществления. И эти изменения, и этот настрой на наступательные действия Рима требовали к себе больше внимания и бдительности как со стороны православия, так и со стороны Всемирного Совета Церквей. Рим создал свой собственный экуменизм, хотя заявил лишь о его «католическом понимании». Но, учитывая огромные людские и материальные ресурсы Католической Церкви, после окончания Собора можно было не сомневаться в том, что

[36] Из фондов ГАРФа.

диалог между Римом и Женевой и их возрастающее сотрудничество потребуют от ВСЦ и экуменических лидеров ума, принципиальности и бдительности, чтобы избежать «объятий» Ватикана, конечной целью которых является слияние этих двух экуменизмов, поглощение слабого сильным и лидерство Рима как единственного центра единения для всех христиан.

Вот такими трудными и печальными оказались результаты Второго Ватиканского Собора для православных и протестантов. Но Русская Православная Церковь и в этих сложнейших условиях противостояла католическому давлению.

И, как это уже было в послевоенное десятилетие советской истории, действовала параллельно с государством, боровшимся с Ватиканом как империалистическим противником.

Именной алфавитный указатель

А

Абу-Юссеф, Конгский патриарх, 65

Агаджанян Григорий, кардинал, патриарх Киликийский, *см. Петр XV*, 324

Аджубей А.И., 93, **94**, 183

Адриан VI, Папа Римский, 265

Александр (Джих), митрополит Хомский, 67

Александр III (Тахан), Патриарх Антиохийский, 38

Алексеев В., 155

Алексий (Симанский С.В.), патриарх Московский и всея Руси, 36, **37**, 39, 40, 41, 42, 44, 52, 54, 59, 66,77, 79, 81, 92, 102, 105, 111, 112, 116, 119, 124, 125, 127, 136, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 155, 157, 161, 164, 186, 239, 242, 248, 256, 273, 275, 280, 282, 302, 307, 355, 356

Алексий, епископ Таллинский 161

Альфриник (Бернард), кардинал 213, 225, 265

Антоний (Бартошевич), архиепископ, **214**, 215

Антоний (Спрингович), католический архиепископ, 88

Антоний Пельвецкий 77, 78, 79

Афинагор I, патриарх Константинопольский, архиепископ Нью-Йоркский, 67, 139, **140**, 141, 143, 145, 146, 147, 161, 163, 165, 166, 185, 197, 238, 239, 255, 271, 277, 281, 282, 284, 300, 302, 303, 304, 305, 307, 308, 326, 331, 332, 334, 336, 338, 340, 341, 345, 346, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 359, 360, 361, 362, 363

Афинагор, архиепископ Севастийский, 38

Афинагор Фиатирский, митрополит, 342, 360

Афиногенов Н., 155

Б

Беа Августин, кардинал, 164, 165, 183, **184**, 185, 205, 216, 225, 235, 236, 242, 243, 247, 301, 333

Бенедикт XV (Джиакомо делла Киеда), Папа Римский, 219

Берия Л., 71, 90

Бодуэлл Хустон, 67

Боровой В.М., протопресвитер, **155**, 156, 157, 158, 161, 197, 202, 203, 204, 205, 213, 214, 224, 227, 230, 235, 238, 242, 247, 250, 252, 282, 311, 333

Буевский А.С., 197, **199**, 200, 201

Бурдуча Константин, священник (Румыния), 42, 43

Бутка Н. М., епископ, 75

В

Ванчицкий Юрий, 77

Варламов И.В., 161

Варфоломей (Ремов), епископ, 8, 21, 22, 25, 26, 27, 28

Василий (Кривошеин), архиепископ Брюссельский и Бельгийский, 134, **135**, 161, 162, 192, 277, 308, 309

Василий (Самах), епископ 124

Виллебрандс Йоханнес, 163, **164**, 165, 196, 197, 201, 202, 203, 204, 215, 216, 223, 235, 236, 240, 242, 247, 250, 333, 353, 355, 361, 366

Виссерт-Хоофт Виллем Адольф, **63**, 149, 155, 157

Владимир (Котляров В.С.), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский , **205**, 206, 213, 214, 235, 238, 245

Воронов Ливерий, протоиерей, 192, 311
Вышинский Стефан, кардинал, **226**, 246

Г

Гавриил (Дожич Г.), Патриарх Сербский, 36, **44**, 45, 46, 47, 60, 69
Гасбаинни Антонио, профессор, 251
Германос, митрополит Фиатирский,
Гогенлоэ М., князь, 32
Гомулка В., **226**, 227, 243
Горслей Сесиль Дуглас, английский епископ, 60
Григорий (Чуков Н.К.), митрополит, **49**, 50, 102, 112
Громадка И., чешский профессор-богослов, 134
Гронки Джованни, 175, **180**
Гюрсель Кемаль, 336, **337**

Д

Деканозов В.Г., **89**
Добрянский К., 77
Дорик Роман, 77
Дорн Лютполд А., 186
Дрели Василий, 77
Д'Эрбиньи Мишель, **22**, 23
Дюпре Петр, 301, 333

Е

Евлогий (Георгиевский В.С.), митрополит, **16**, 135
Елевферий (Воронцов В.А.), митрополит, 44, **46**, 48

И

Игнатий (Таппуни Гавриил), патриарх, кардинал, 319, 324

Игнатий (Петр XVI Батаниан), 324

Иероним, епископ Кишиневский, 43

Илия Карами, митрополит Ливанский, 67

Ильичев Л.Ф., **93**, 94, 95, 132, 272, 297

Иоанн (Разумов Д.А.), митрополит, 197, **198**

Иоанн (Соколов), экзарх Украины, митрополит, 77, 81, 82, 98

Иоанн XXIII, Папа Римский, (Ронкалли Анджелло Джузеппе), 3, 124, 131, 149, 180, 183, 197, 208, 209, 216, 220, 222, 228, 229, 234, 240, 243, 246, 247, 249, 253, 255, 258, 259, 278

Иосиф, епископ Аржемский, 38

Иосиф, митрополит Скоплянский, 36, 38

Иосиф Слипый, митрополит, **75**, 251, 295, 296, 326, 368

К

Казинс Норман, 249

Карлов Ю., 122

Карпов Г.Г., **34**, 35, 36, 40, 41, 50, 56, 60, 69, 96, 97, 99, 101, 103, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 120, 124, 127, 132, 150, 152

Кассиан (Безобразов), епископ, 236

Кеннеди Дж. Ф., 75, **172**, 173, 234

Колчицкий Н.Ф., протоиерей, 41

Конфалоньери Карло, кардинал, 264, 266

Костельник Г.Ф., **70**, 76, 77, 78, 79, 81

Крук Иван, 77

Крутяк Мирон, 77

Куроедов В.А., **120**, 133, 134, 136, 137

Л

Ла Пира Джоржио, **100**, 177, 223, 298

Лев XIII, Папа Римский, (Джиоакино Печчи), 219

Леонтий,архиепископ Кипрский, 57, 58, 59

Леркаро Джакомо, кардинал, 225, 251, 263, 266, 269, 286

Лозовский А. (Дридзо С.А.), 82, **83**, 84

Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф.), архиепископ Симферопольский и Крымский, **102**

Лорис Каповилла, епископ, 178, 250

Льенар, кардинал, 213

Лятышевский И. Ю., епископ, 75

М

Мазелла Алоизий Бенедетто, кардинал-камерленг, 260

Макарий (Оксиюк), епископ Львовский и Тернопольский, 76, 77, 80, 81

Максим (Германюк), канадский митрополит, 239

Максим IV (Сигх), Патриарх Мельхитский, 285, 321

Максим V, Патриарх Константинопольский, **50**, 52, 67, 68, 81

Маленков Г.М., **96**, 97, 103

Марелла Паоло, кардинал, 264

Маринович Иосиф, 77

Марко Тимофей, 77

Мелитон Илиопольский, митрополит, 360

Мельник Михаил, 77, 78

Мнучи Петр, *см. Павел, Патриарх Антиохийский*

Молотов В.М., 33, **34**, 82, 89, 97, 101, 103

Монтини Джованни, *См. Павел VI, Папа Римский*

Н

Неве Пий (Эжен), епископ, 9, 22, 23, 24, 25, 27

Нешки Пьетро, **175**

Нестор (Сидорук), епископ, 80

Никодим, митрополит Сливенский, 70

Никодим (Ротов), архимандрит, архиепископ, митрополит, 4, 121, 134, 137, **138**, 139, 142, 147, 149, 161, 162, 164, 186, 187, 189, 190, 191, 197, 202, 203, 224, 230, 242, 249, 252, 277, 278, 279, 280, 308, 309, 310, 326, 366

Николай, митрополит Аксуиский, 65

Николай (Ярушевич Б. Д.), митрополит Крутицкий, **50**, 58, 59, 112, 120, 125, 131, 133, 134, 136, 137, 139, 149, 150, 151

Никсон Ричард Милхаус, 167, **168**, 173

О

Оберон Герберт, 293

П

Павлосюк Н., 77

Павел (Петр Минчи), Патриарх Антиохийский Маронитский, 321

Павел II (Шейхо), Патриарх Вавилонский, 323

Павел VI (Монтини Джованни), Папа Римский, 141, 165, 185, 213, 225, 251, 258, 259, 263, 266, **267**, 268, 270, 272, 274, 275, 277, 278, 279, 282, 283, 284, 286, 292, 296, 299, 300, 302, 303, 304, 305, 313, 316, 325, 332, 345, 346, 349, 351, 352, 353, 354, 361

Парийский Л.Н., 197, **198**, 201

Пауэрс Фрэнсис Гари, 168, **169**

Петр XV (Агаджанян Григорий), Патриарх Киликийский, 213, 265, 269, 286, 324

Петр (Полянский П.Ф.), митрополит Крутицкий, 18, 22

Пий X (Джузеппе Сарто), Папа Римский, 219

Пий XI (Акилле Ратти), Папа Римский, 219

Пий XII (Эудженио Пачелли), Папа Римский, 30, 31, 32, 33, 219

Пла-и-Даниель, кардинал, 213

Пуго К.Я., 87, 89

Р

Разумовский Г., протоиерей, 70

Риттер Иосиф, кардинал, 227

Роберти Франческо, кардинал, 264

Ронкалли Анджелло Джузеппе, *см. Папа Иоанн XXIII*

Рузвельт Франклин Делано, 31

Руффини Эрнесто, кардинал, 213, 227

С

Семичастный В.Е., 93, 94

Сергий (Страгородский И.Н.), Патриарх Московский и всея Руси, 10, 11, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 27, 37, 39, 112

Смидович П.Г., 11, 12

Соколовский П.С., 205

Спелман (США), кардинал, 213

Сталин (Джугашвили И.В.), 26, 33, 39, 40, 41, 42, 43, 49, 56, 71, 72, 74, 90, 91, 96, 97, 108, 145, 169, 170, 171, 181

Стефан I, митрополит Софийский, экзарх Болгарский, 42, 60, 61, 62, 69

Суслов М.А., 101, 102, 110, 111, 181

Т

Тимофей (Темелис Пифагор), Патриарх Иерусалимский, **56**, 57
Тимофей, архиепископ Польский, 69
Тиссеран, кардинал, 213, 225, 260
Ткач Д., 106, 107, 108
Тольятти Пальмиро, лидер ИКП, 181
Тучков Е.А., 10, 11, **12**, 21, 25, 27
Тэста Густав , кардинал, 246, 247, 248, 249, 250, 266

У

Урбани Джованни, кардинал, 264, 266

Ф

Фанфани Аминторе, 174, **175**, 176, 177, 181, 182
Федоров Л.И., 9, **10**, 28
Феодосий, Патриарх Антиохийский, 125
Филиппов Н.А., 186, 196, 197
Фотий (Тапиро), архиепископ Орловский, 48
Фрингс Иосиф, кардинал, 213, 225
Фуров Ф., 117, 278
Фурцева Е.А., **93**, 94, 109, 111

Х

Хомышин Г. Л., епископ, 75
Хризостом, митрополит, 69
Хризостом Мирский, 322
Хризостом, архиепископ, глава Элладской Церкви, 356
Хризостом Мирликийский, 360
Христофор II (Данилидис), патриарх Александрийский, 38, 40, 55, 56, 65, 66, 68, **125**, 126

Хрущев Н.С., 3, 51, **74**, 75, 92, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 103, 121, 123, 132, 134, 136, 149, 161, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 191, 195, 204, 231, 238, 241, 243, 249, 273, 274, 359, 360

Хюгс Артур, 65, 66

Ц

Цепляк Я.Я., архиепископ, 11, **28**

Ч

Чарнецкий И. А., епископ, 75

Черчилль Уинстон, 31, **32**

Чикоиьяни Амлето, кардинал, 216, 229, 240, 242, 243, 244, 250, 256, 270

Чичерин Г.В., **5**, 6

Ш

Шелепин А.Н., 93, **94**, 101

Шепилов Д.Т., 101

Э

Эйзенхауэр Дуайт Дэвид, **170**, 171

Ю

Юстиниан, Патриарх Румынский, 69

Содержание

Вместо введения... 3

Глава 1.
«Это... вызовет бурю в России» 5

Глава 2.
«Чувствую себя нервным
от общего лада церковных дел...» 92

Глава 3.
«Сии вещи не входят в круг
наших понятий...» 122

Глава 4.
«Мы вам еще покажем
кузькину мать!» 167

Глава 5.
«Как весенний цветок,
увидеть который я не ожидал...» 208

Глава 6.
«...Оставляю Вам три моих главных
заботы — о Церкви, о Соборе, о мире» 259

Глава 7.
«Сам я был потрясен этой новостью...» 300

Глава 8.
«Прошлое живет в нас...» 331

Именной алфавитный указатель 372

Книги издательства
«ЛЕПТА-ПРЕСС»
в Москве **(095) 769-61-41, 269-14-14**
E-mail: **lepta-press@mtu-net.ru**
Наш сайт: **www.lepta-press.ru**

Книги издательства «Лепта-Пресс»
и другую православную литературу
вы сможете заказать и получить по почте
в любом уголке России.
Пишите:
115409, Москва, а/я 5
Высылается бесплатный каталог.

Научное издание

Васильева О. Ю.

Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор

Ответственный за выпуск Ю. Захарова
Редактор О. Голосова
Корректоры Е. Бодрова, А. Колодин
Обложка А. Иванова
Компьютерная верстка О. Букреевой

Подписано в печать 12.04.04.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная».
Объем 12 п.л. Тираж 3 000.
Заказ 43777

Издательство ООО «Лепта-Пресс»
125481 г. Москва, ул. Свободы. д. 89, корп. 5
ООО «Атлас-Пресс»
119123 г. Москва, М. Ростовский 4 пер., д. 1, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Молодая гвардия»
127994, Москва, ул. Сущевская, д. 21

Салон Резиденции Апостольского делегата в Константинополе.

Дом семейства Ронкалли в Сотто-Илль-Монте.

Салон Винсент Орнольд возлагает кардинальскую барретту на голову нунция Ронкалли.

Епископская хиротония Анжело Ронкалли.

Его преосвященство Анжело Ронкалли в первый год епископского служения.

А. Ронкалли - студент Римской Семинарии.

А. Ронкалли- Апостольский делегат в Болгарии.

Патриарх Венецианский Анжело Кардинал Ронкалли на аудиенции у папы Пия XII в папской библиотеке.

Два будущих папы в Венеции (патриарх Венецианский Ронкалли и архиепископ Миланский Монтини).

В день смерти И. Сталина, 5 марта 1953 года.

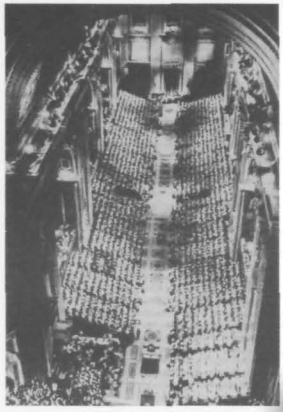
Кадинал Ронкалли направляется в собор св. Марка.

Кадинал Ронкалли среди французких епископов.

Братья : Джузеппе, Саверно и Альфредо.

Омовение ног,
2 апреля
1958 года.

Семья Ронкалли
во время коронации Папы Иоанна XXIII.



Одно из заседаний второго Ватиканского собора.

Обращение Папы Иоанна XXIII к членам подготовительной комиссии второго Ватиканского собора.

Папа Иоанн XXIII посещает генеральную курию.

Папа Иоанн XXIII возлагает красную шапку на нового кардинала.

Папа Иоанн XXIII и кардинал Монтини во время первой сессии второго Ватиканского собора.

Митрополит Никодим (Ротов)

Митрополит Никодим (Ротов)

Папа Иоанн XXIII и наблюдатели от РПЦ на II Ватиканском соборе: протоиерей Виталий Боровой и архимандрит Владимир (Котляров).

Папа Иоанн XXIII посещает детский госпиталь "Иезу Бамбино".

Вручение пастырского жезла новому епископу.

Папа Иоанн XXIII подписывает Motu proprio "Concilium".

Наблюдение за реставрационными работами в церкви Сан Феличе.

В праздник Вознесения 1963 г. папа показался в последний раз в окне своего рабочего кабинета, чтобы благословить паломников, собравшихся на площади святого Петра.

Рождественское послание к миру 1962 года.

Вручение Иоану XXIII премии "Бальзан"
10 мая 1963 года.

9 апреля1963 года.
Иоанн XXIII
подписал свою
последнюю энциклику
"Pacem in terris",
котороя явилась
как бы завещанием
католикам
и призывом ко всем
людям доброй воли.

Папа Иоанн XXIII .

Участники 1-го Всеправославного совещания на острове Родос, 1961 год.

Участники 1-го Всеправославного совещания на острове Родос, 1961 год.

Во дворце Джайпура, Индия 1961 год.

Участники заседания ВСЦ у Парижского университета, 1962 год.

Архимандрит Питирим, епископ Киприан (Зернов), архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим, епископ Таллинский и Эстонский Алексий, 1961 год.

Вашингтон. Делегация церквей СССР в США 1963 год.

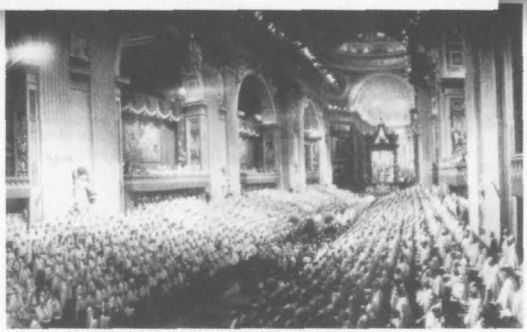
Делегация РПЦ во главе с Патриархом перед выездом на Ближний Восток, 1960 г.

В перерыве заседания Поместного Собора 1971 г.

Патриарх Пимен и члены Священного Синода. 1971 г.

Члены Священного Синода 1971 г.

Папа ПавелVI.



Второй Ватиканский собор.

Празднование 50-летия архиерейского служения Патриарха Алексия, 1963 год.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, 1967 год.

Архимандрит Филарет (Денисенко), архимандрит Никодим (Ротов), игумен Варсонофий (Гондаровский).

Делегация церквей Венгрии на приеме у Патриарха Алексия I, 1966 г.

Заседание Священного Синода, 60-е годы.

Члены Священного Синода у гробницы Патриарха Алексия, 1971 год.

После Божественной Литургии в день интронизации Патриарха Пимена, 1971 год.

ВАСИЛЬЕВА
ОЛЬГА ЮРЬЕВНА
доктор исторических наук, руководитель Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, заведующая кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации.

О.Ю. Васильева - признанный специалист в области истории Русской Православной Церкви и государственно-церковных отношений в XX веке. Автор пяти монографий, изданных в России и за рубежом.

Новая монография посвящена одному из самых сложных моментов в истории РПЦ в XX веке - II Ватиканскому собору, его влиянию на судьбы Церкви, внешнюю политику СССР, на внутрицерковные взаимоотношения. В книге впервые публикуются многие малоизвестные архивные документы и фотографии.

Лепта